

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И. В. Масюкова

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ИЗ СССР/СНГ В ИЗРАИЛЬ
(1960–1990-е гг.)**

Москва
2022

ББК 63.3(5Изр)
М32

Рекомендовано

Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор

А. Е. Локшин, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты

Д. А. Марьясис, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

Т. В. Носенко, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Масюкова И. В.

М32 Очерки по истории еврейской эмиграции из СССР/СНГ в Израиль (1960–1990-е гг.) : монография / И. В. Масюкова ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Отд. изуч. Израиля и евр. общин ; [отв. ред. А. Е. Локшин]. – Москва : ИВ РАН. – 2022. – 200 с., ил.

ISBN 978-5-907543-49-2

Монография посвящена комплексному исследованию еврейской эмиграции из СССР/СНГ в Израиль в 1960-х – 1990-х гг. Анализ эмиграционных процессов показан в контексте многоплановой темы – евреи и власть в СССР, а также на фоне внешней и внутренней политики советского руководства.

На большом документальном материале автор рассматривает ряд узловых моментов: игнорирование еврейского образования, культуры, языка; проявления антисемитизма на различных уровнях, вызывавшие протест у части евреев в СССР. В работе раскрываются этапы и процесс формирования эмиграционной политики советских властей – от ограничений и запретов до нормализации в период перестройки. Всесторонне исследуются особенности и различия двух «волн» русскоязычной иммиграции в Израиль в 1970-х и 1990-х гг.; многочисленные трудности и проблемы, а также успехи и достижения русскоязычного Израиля.

Монография предназначена для историков, политологов, востоковедов и многих исследователей различных специальностей, а также для студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

ББК 63.3(5Изр)

В книге используются изображения, находящиеся под свободной лицензией и находящиеся в общественном достоянии.

ISBN 978-5-907543-49-2

© Масюкова И. В., 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Евреи и власть в СССР	20
§ 1. Особенности национальной политики в СССР: теория и практика	20
§ 2. Евреи и парадоксы хрущевской «оттепели»	24
§ 3. Кадровая политика советского руководства и проблема антисемитизма	26
§ 4. Еврейская культура, образование и проблемы ассимиляции	30
Глава 2. Евреи и эмиграционная политика в СССР	35
§ 1. Законодательное регулирование еврейской эмиграции из СССР (1960–1990 гг.). Поправка Джексона-Вэника и ее значение	35
§ 2. Шестидневная война (1967 г.) и ее влияние на евреев в СССР	47
§ 3. Усиление эмиграционных настроений: поддержка и роль Запада	57
§ 4. Отказники и еврейское движение за выезд в Израиль	66
Глава 3. Советские евреи: трудный путь в Израиль и проблемы адаптации	80
§ 1. Закон о возвращении (1950 г.) и дополнения (1970 г.)	80
§ 2. Особенности еврейской иммиграции 1970-х гг. (мотивы, численность, «география» выезда)	85
§ 3. Грузинская ССР и кавказский регион	90
§ 4. Бухарские евреи	107
§ 5. Республики Прибалтики	112
§ 6. Иммигранты 1970-х гг. в израильском обществе: проблемы адаптации	118

Иллюстрации	123
Глава 4. Русскоязычный Израиль: 1990-е годы	127
§ 1. Социальный «портрет» русскоязычной иммиграции 1990-х гг.	129
§ 2. Проблемы абсорбции (жилье, трудоустройство, заработная плата)	137
§ 3. Ученые-иммигранты и израильский хай-тек	144
§ 4. Транснациональный характер русскоязычной иммиграции	163
§ 5. Негалахические евреи из СССР/СНГ в израильском обществе: проблемы интеграции	167
Заключение	174
Приложение	177
Библиография	178
Summary	198
Об авторе	199
About the author	199

Эмиграция – первый признак
приближающегося переворота.

*Герцен А. И. Прощайте!
Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль,
1986, с. 11*

Сотни тысяч русскоязычных израильтян
и сотни тысяч российских евреев
ежедневно соединяют Россию и Израиль
множеством разнообразных связей
и возможностей. Они и их друзья
помогают укреплять контакты в области
экономики, туризма, науки и культуры.

*Я. Липид. У Израиля и России –
общее наследие и общее будущее.
Вести (Израиль) 15 октября 2021*

ВВЕДЕНИЕ

В представленной монографии автор видел свою основную цель в комплексном исследовании еврейской эмиграции из СССР/СНГ в Израиль в 1960-х – 1990-х гг. в двух плоскостях. С одной стороны, с привлечением максимального количества источников и научной литературы проанализировать многоплановую проблему: евреи и власть в СССР, предоставив возможность читателю быть свидетелем постепенного усиления национального самосознания и эмиграционных настроений у части советских евреев в рассматриваемый период, что в результате привело их к отъезду в Израиль. С другой стороны, в задачу автора входило всесторон-

нее исследование двух иммиграционных «волн» 1970-х и 1990-х годов в Израиль; трудный период начальной адаптации выходцев из СССР в новых условиях незнакомой страны.

На наш взгляд, понять причины и многолетнюю борьбу (часто драматичную) советских евреев за выезд в Израиль, последующий трудный адаптационный период и напряженный поиск своей «ниши» в новой стране, можно лишь при анализе внутренней и внешней политики советского руководства в 1960-х – 1990-х гг. в сочетании со всеми жизненными обстоятельствами, в которых находились многие советские евреи.

Опираясь на официальные документы (законы, постановления, решения и пр.) советского руководства, а также статистический и научный материал, автор пытался проанализировать особенности советской национальной политики по отношению к евреям. На конкретных примерах в «Очерках» показано как трудно и, подчас, трагично складывались отношения у советских евреев с руководством страны, практически игнорировавшим предоставление им равных прав в вопросах развития национального образования, культуры, религии, языка, изучения традиций и истории своего народа. Стремление советских властей к ассимиляции евреев сопровождалось во многих случаях проявлением антисемитизма в различных формах и на различных уровнях. Дискриминационная политика советского руководства вызвала ответную реакцию у определенной части евреев в СССР. История евреев в советский период – это, с одной стороны, трудный поиск компромисса, а с другой, напряженное противоборство с властью людей, которые в течение многих лет были вынуждены испытывать ущемление своих прав.

Определенная часть советских евреев, ассимилированная в течение нескольких десятилетий, сумела приспособиться к существовавшим условиям (и многие добились больших достижений в науке, искусстве, литературе и других областях); другие шли на компромисс с властями и искали альтернативные пути своего существования, вступив в борьбу с советской системой за восстановление полноценной еврейской жизни, и, наконец, наиболее решитель-

ные (и, порой, отчаявшиеся), видя бесперспективность и невозможность цивилизованного разрешения наболевших национальных проблем, стали бороться, используя все возможные средства, как легальные, так и нелегальные за выезд из СССР в Израиль.

В связи с этим хронологические рамки исследования: 1960–1990-е годы, вполне оправданы, так как в период «оттепели» происходит процесс усиления еврейского национального самосознания, особенно после Шестидневной войны (1967 г.) и к началу 70-х годов можно говорить о весьма заметной «волне» еврейской эмиграции из СССР в Израиль. Автор на большом фактическом материале дает развернутую характеристику особенностей и отличий еврейской иммиграции в Израиль в 1970-х и 1990-х гг. Наряду с рассматриваемым периодом автор, анализируя трудности первоначального этапа адаптации в Израиле, посчитал возможным несколько расширить хронологические рамки исследования периодом начала 2000-х годов (Глава IV), стремясь более полно раскрыть для читателя данный процесс.

В исследовании представлены некоторые важные черты еврейского национального движения в Советском Союзе; показана борьба людей, испытавших гонения, обыски, аресты, допросы; прошедших тюрьмы, лишения; отторжение от общества, но сумевших, преодолев все тяготы жизни, добиться официального разрешения на выезд в Израиль. Многолетняя протестная борьба евреев в различных формах (письма протеста, обращения во все органы власти и к международной общественности; проведение пикетов, митингов, демонстраций, голодовок) привели к тому, что проблема еврейской эмиграции из СССР в течение многих лет была в центре внимания международной общественности и получила поддержку со стороны еврейских организаций США, помощь Израиля и стран Запада.

Свою задачу автор видел в том, чтобы на примере еврейской эмиграции показать в целом этапы и процесс трансформации эмиграционной политики советских властей – от ограничений и запретов (под различными предлогами) – до её полной нормализации на официальном уровне в период перестройки.

Советское руководство, не имевшее продуманной эмиграционной политики, негативно относилось к массовой эмиграции, считая, что она вредит имиджу и престижу СССР, способствует «утечке мозгов», демонстрирует несостоятельность советской национальной политики. Испытывая давление как внутри страны, в связи с подъемом еврейского движения за выезд (особенно под влиянием Шестидневной войны 1967 г.), так и на международном уровне, власти пытались найти компромиссные пути решения этой проблемы. Конъюнктурная и фрагментарная политика советского руководства в вопросах эмиграции, поставленная в зависимость от взаимоотношений с Западом, арабскими странами и т. д., в дальнейшем еще больше осложнила ситуацию.

Непрерывный рост еврейского движения за свободный выезд в Израиль, а также поддержка данного движения на международном уровне, привели к усилению конфронтации с властью, особенно в период брежневского застоя. Вместе с тем, понимая необходимость решения вопроса выезда советских евреев, выработки комплексного подхода, советское руководство предпочитало манипулировать, используя проблему эмиграции для давления на внешнеполитическом уровне.

На конкретном материале автор показывает, как проблема борьбы за еврейскую эмиграцию из СССР, приобретая более широкий резонанс, превратилась в борьбу за демократизацию и беспрепятственный выезд граждан за рубеж, порядок которого был изменен и положительно урегулирован в период перестройки к концу 80-х – началу 90-х годов.

По замыслу автора работа посвящена ретроспективному взгляду на уже отдаленный от нас период 1970-х и 1990-х годов. Анализируя научные материалы израильских исследователей из Еврейского университета (г. Иерусалим) и других научных центров, которые в рамках проекта Министерства абсорбции Израиля в течение длительного периода изучали еврейские общины, прибывшие в Израиль из Грузии, Средней Азии, Прибалтики и других регионов страны, автор пытался показать трудный, начальный этап адаптации в Израиле. В работе выделены отличительные особен-

ности и дана всеобъемлющая характеристика двум «волнам» эмиграции: 1970-х и 1990-х годов; проблемам русскоязычных специалистов, их успехам и достижениям в новой незнакомой стране. Преодолевая многочисленные трудности, стремясь найти свою «нишу», прибывшие иммигранты создали новое явление в израильском обществе – русскоязычный Израиль.

Отметив в 2021 г. 30-летие восстановления российско-израильских дипломатических отношений, на наш взгляд, заслуживают внимания люди, пробившие «железный занавес» и сыгравшие свою роль в дальнейшем процессе сближения двух стран, внося свой вклад в многоликое израильское общество.

Автор выражает благодарность и искреннюю признательность многим израильским коллегам и русскоязычным специалистам, которые нашли возможность поделиться своими жизненными историями, обогатив материал этой книги. Автор также признателен за помощь и поддержку при подготовке работы сотрудникам Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН.

Обзор источников и литературы

Среди источников автор использовал материалы Всесоюзных переписей населения СССР (Итоги Всесоюзной переписи населения за разные годы: 1970, 1979, 1989 и др.); статистические и демографические издания, посвященные народонаселению СССР (Всесоюзная перепись населения 1979 г. М. 1984; Население СССР: численность, состав и движение населения. М. 1975); справочники и сборники (Население СССР. М. 1988; Национальный состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи на 15 января 1970 г.). ЦСУ РСФСР. М., 1975; Латвийская ССР в цифрах 1979; Литовская ССР в цифрах за 1988 г. Вильнюс 1989 г.) и др.

Несмотря на практически полное игнорирование изучения советского еврейства (его истории, демографии, культуры и т. д.), в 1970–1980-х годах проводились комплексные исследования по проблемам народонаселения по республикам и регионам с социодемографическими данными, включая евреев (*Козлов В. И.* Национальности СССР, М., 1982; Этнические процессы и образ жизни.

На материалах исследования городов БССР, под ред. *В. К. Бондарчик*, Минск, 1980; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. Ред. *Арутюнян Ю. М.*, М. 1980; Национальные процессы в СССР: Проблемы и тенденции. Сб-к ст. М. Наука, 1991).

Данные по численности населения и его естественного движения; бракам и разводам в СССР; рождаемости, смертности, естественному приросту населения (включая евреев) публиковались в сборниках статей и периодических журналах (Вестник статистики. 1971, № 2, 3).

Существенный вклад был внесен израильским исследователем *В. Константиновым* в монографии «Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ)», опубликованной в переводе на русский язык в 2007 г. в Иерусалиме. На масштабном статистическом материале, охватывающем несколько десятилетий, автор анализирует динамику общей численности еврейского населения; его расселение по республикам и регионам; этноязыковой состав; демографические аспекты; образовательную и социально-профессиональную структуру, а также социально-демографические аспекты еврейской эмиграции из СССР. Главу седьмую «Социально-демографические аспекты» автор посвящает еврейской эмиграции из СССР в Израиль, сравнивая ее с эмиграцией в США, Германию и другие страны, в сопоставлении с еврейским населением бывшего СССР.

Исследуя еврейскую эмиграцию, следует, на наш взгляд, уделить внимание официальным документам: указам, постановлениям и решениям советского руководства, которое, не имея разработанной эмиграционной политики, на протяжении 1960–1990-х гг. меняло нормативно-правовые документы.

Так, в феврале 1967 г. был принят указ о лишении советского гражданства лиц, выезжающих на постоянное место жительства (здесь и далее ПМЖ. – *Авт.*) в Израиль, и в августе 1972 г. – Указ Президиума Верховного Совета «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». (Вести Верховного Совета СССР, выпуск 52, № 59). В августе 1986 г. Совет Министров СССР

внес специальное дополнение в указ 1970 г. о порядке рассмотрения въезда и выезда в/из СССР, существенно упростившее процедуру выезда из страны с целью воссоединения семей, где впервые в открытом документе такого уровня были зафиксированы необходимые для воссоединения степень родства и обязательства перед членами семьи, остающимися в СССР.

Право свободного выезда и въезда из/в СССР было окончательно закреплено в Указе Верховного Совета СССР от 20 мая 1991 г., отменившем указы 17 февраля 1967 г. и 3 августа 1972 г. В дальнейшем в постсоветский период 18 июля 1996 года Государственной Думой был принят Федеральный Закон о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, поставив процесс выезда из страны в цивилизованные рамки и сняв ряд ограничений.

Среди израильских нормативно-правовых актов автор исследовал Закон о возвращении (ЗОВ) (1950 г.) и дополнения (1970 г.).

Советские иммигранты 1970-х гг., приехав в Израиль, оказались в поле зрения и стали предметом исследования специалистов различных направлений (демографов, социологов, антропологов, советологов и др.). Отдел исследования и планирования Министерства абсорбции совместно с Отделом абсорбции Еврейского агентства (ЕА), а также ученые из Еврейского Университета опубликовали ряд комплексных работ, посвященных евреям, прибывшим из Грузинской ССР, Средней Азии и республик Прибалтики (Immigrant Absorption in Israel. Current Research. Ed. E. Leshem, J. Rosenbaum. Jerusalem. February, 1978). В этих работах содержится фактологический материал, собранный в ходе длительных полевых исследований израильскими специалистами, проживавшими среди эмигрантов, прибывших из СССР в Израиль.

Для анализа характерных особенностей иммиграции различных периодов большое значение имеют обобщающие материалы Министерства абсорбции по иммиграции 70-х годов, с выводами и результатами пятилетнего пребывания иммигрантов в Израиле (Ministry of Absorption, Immigrants from the USSR – The First Five Years in Israel (arrived in 1973/74), Special Publication Series № 682, Jerusalem, 1982), а также отчеты израильских госучрежде-

ний, например, ЦСБ Израиля и другие материалы (Central Bureau of Statistics of Israel, Immigration to Israel, vol. 1972–1999).

Заслуживают также внимания обобщающие материалы, посвященные иммиграции 1990-х годов: многочисленные статистические отчеты и сборники государственных учреждений, ответственных за ее адаптацию. (Immigrant Absorption. Situation, Challenges and Goals. April 1996); исследования, охватывающие длительный период (около 10 лет), как например, исследовательский проект под руководством Э. Лешема и М. Аль-Хаджа «Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Ten Years Later. A Research Report» (Haifa, 2000).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. произошли кардинальные изменения, связанные с перестройкой, гласностью, демократизацией страны. После многолетнего перерыва были восстановлены дипломатические отношения с Израилем; стали налаживаться и расширяться научные контакты с зарубежными учеными; была упразднена цензура и появилась возможность доступа к ранее засекреченным материалам и архивам. В 1990-х годах публикуются новые исследования по израильской проблематике, работы, посвященные положению евреев в СССР/СНГ, проблемам еврейской эмиграции и русскоязычной общины в Израиле. Многие из этих тем практически игнорировались в советский период. В коллективной работе «Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция» под руководством Ж. Зайончковской одна из авторов – Е. Кириллова в статье «Эмиграция из бывшего СССР» на конкретном статистическом материале дает характеристику иммиграции в Израиль в 1980-х – 1990-х годах (Кириллова, 1992, с. 114–127).

В конце 1990-х гг. российский социолог Р. Рывкина опубликовала ряд работ о положении евреев и их эмиграционных настроениях. В монографии «Евреи в постсоветской России – кто они? (Социологический анализ проблем российского еврейства)» представлены результаты четырех социологических исследований (1991, 1992, 1993 и 1995 годов) в разных городах России и СНГ. В разделе V (глава 34) «Собираются ли уезжать» анализируется статистика и структура еврейской эмиграции; подчеркивается отли-

чие эмигрантов 1970-х гг., которые, по мнению автора, «...были идейными противниками советского режима, борцами против него» от эмигрантов 1990-х гг., стремившихся уехать «...во имя спасения себя и своих детей от возможных бед, связанных с грядущими реформами» (Рывкина, 1996, с. 182–191). Наряду с работами *Р. Рывкиной* результаты комплексных научных исследований по изучению евреев в СССР/СНГ нашли отражение в публикациях *М. Куповецкого* и *А. Синельникова* (*Куповецкий*, 1995; *Синельников*, 1994). Среди зарубежных ученых большое значение, на наш взгляд, имеют монографии и многочисленные статьи известного американского исследователя, профессора Мичиганского университета США *Цви Гительмана*, который в соавторстве с научными сотрудниками Института социологии РАН *В. Червяковым* и *В. Шапиро* в конце 1990-х годов осуществил масштабные социологические исследования российских евреев. (*Гительман*, *Червяков*, *Шапиро*, 2000 № 3, с. 52–86; 2001 № 1, с. 210–244; 2001 № 2–3, с. 224–262). В 1990-х годах становится возможной публикация монографий израильских и западных специалистов, переведенных на русский язык, среди которых особое место занимает работа *Й. Говрина* – известного израильского ученого и дипломата. Автор на основе огромного количества документальных и архивных материалов, скрупулезно изучив дипломатические отношения между Израилем и СССР с 1953 по 1967 гг., исследовал в контексте событий этого периода проблемы еврейской иммиграции в Израиль в 1940-х – 1960-х годах (*Говрин*, 1994).

В конце 1990-х годов израильскому русскоязычному исследователю *Б. Морозову* удалось благодаря появившейся возможности доступа к изучению архивов ввести в научный оборот много новых документов, относящихся к 1957–1989 годам и посвященных положению евреев в СССР; проблеме их выезда. На конкретных фактах автор анализирует политику и отношение к проблеме еврейской эмиграции представителей руководящих структур СССР (Политбюро ЦК КПСС, КГБ, МВД и других организаций). В сборнике опубликованных документов раскрывается позиция советского руководства в отношении «лиц еврейской национальности»,

активистов сионистского движения и движения отказников, тем самым впервые затрагивая данную проблематику (Еврейская эмиграция, 1998).

Впоследствии тема отказников получила свое развитие в монографии *М. А. Морозовой*, изданной в Москве в РГГУ (*Морозова*, 2011). Позиция руководства СССР в сталинский и хрущевский периоды по отношению к евреям; еврейской интеллигенции, а также стратегия Израиля в борьбе за выезд евреев из СССР и многие другие вопросы и противоречия советской эпохи исследуются в фундаментальных монографиях, разделах и статьях *Г. В. Костырченко* (*Костырченко*, 2010; *Костырченко*, 2012). Судьбам советских евреев, их борьбе за выезд и национальное равноправие; проблемам отказников; помощи Запада и т. д. посвящены работы *Алексеевой Л. М.*, *Беленькой Л.*, *Воронеля А.*, *Весье С.*, *Канделя Ф.*, *Юхнёвой Н.*, *Лазариса В.*, *Салитен Л.* и многих других. Среди обобщающих работ последнего периода: «История еврейского народа в России» (под общей ред. *И. Барталя* в 3-х т., М. 2017), «Евреи» (отв. ред. *Т. Г. Емельяненко*, *Е. Э. Носенко-Штейн*; М.: Наука, 2018) и др. История еврейского движения в СССР, столкновения с властью, давление и репрессии силовых структур нашли отражение в мемуарах активистов еврейского движения; на страницах обширной литературы еврейского самиздата; в интервью участников событий 1960–1990-х годов. В 2007 г. к тридцатилетию Московского симпозиума «Еврейская культура в СССР» (декабрь 1976 г.) был опубликован сборник статей: *Клаль И.* «Еврейская этничность и национализм в прошлом и настоящем» (М., 2007), многие авторы которого – организаторы и участники симпозиума анализировали путь, пройденный ими и их соратниками в борьбе за выезд из СССР.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов появляются комплексные исследования по истории, экономике, политике Израиля: индивидуальные монографии, сборники статей, статьи в периодических изданиях и журналах. Массовая еврейская иммиграция в Израиль из СССР/СНГ 90-х годов, изменившая облик израильского общества вызвала интерес и привлекла внимание отечественных

и зарубежных исследователей. В этот период публикуются первые работы, посвященные этой проблематике: *Й. Зисельса, И. В. Масюковой* (Зисельс, 2001; Масюкова, 1999 № 8, с. 125–139); а также работы израильских авторов на русском языке – *М. М. Солодкиной, А. Катаевой-Венгер, Л. Фиалковой, М. Низник* и других (Солодкина, 1996; Катаева-Венгер, 1995). По итогам международной научной российско-израильской конференции «Общество, политика и культура современного Израиля» в 2000 г. (Москва) были подготовлен сборник статей под редакцией *А. Д. Эпштейна и А. В. Федорченко* (Миграционные процессы, 2000).

В последующие годы неуклонно увеличивается число научных исследований по Израилю и русскоязычной иммиграции на русском языке, которые условно можно разделить на несколько групп: публикации отечественных ученых, совместные работы российских и зарубежных исследователей и публикации израильских и западных специалистов. Среди коллективных сборников статей работы, подготовленные сотрудниками Отдела Израиля ИВ РАН и посвященные актуальным проблемам современного израильского общества; российско-израильским отношениям; внешней и внутренней политике Израиля, а также адаптации и интеграции русскоязычных израильтян, их месту и роли в Израиле. (Государство Израиль, 2006, с. 18–28; с. 146–156; Израиль в современном мире, 2009, с. 107–134; Российско-израильские отношения, 2012, с. 96–107). В сборнике статей под редакцией *Будницкого О. В.* «Еврейская эмиграция из России. 1881–2005» (Еврейская эмиграция, 2008) дается анализ причин еврейской эмиграции за пределы России; показаны проблемы и особенности адаптации эмигрантов в различных странах.

Большой вклад в изучение проблем советских евреев и еврейского движения за выезд в Израиль внес известный израильский исследователь *Я. Роу*, посвятивший многочисленные статьи и монографии этой теме (Ro'i, 2017; Ro'i, 1991; Ro'i, 1995).

Сборник статей под редакцией *М. Кенигштейна* «“Русское” лицо Израиля: Черты социального портрета» посвящен теме еврейской иммиграции, а также роли и значению русскоязычной общины в израильском обществе. Израильские авторы разных поколений

(многие из которых выходцы из СССР/СНГ) совместно с российскими учеными на основе широкого круга источников попытались как можно глубже раскрыть особенности социально-этнической и культурной адаптации иммигрантов; проанализировать их политическую динамику и роль русскоязычной общины в контексте международных отношений («Русское» лицо Израиля, 2007). Эту тему продолжили авторы сборника статей под редакцией *Е. Носенко* (ИБ РАН) «Израиль глазами «русских»: культура и идентичность». Ученые из России, Израиля и США посвятили свои статьи проблемам этнокультурной и этноконфессиональной идентичности русскоязычных иммигрантов разных «волн»; их влиянию на израильское общество; взаимоотношениям со старожилами и т. д. (Израиль глазами «русских», 2008).

Особую роль для понимания причин возникновения еврейского движения в СССР, его целей, этапов развития, мотивов еврейской эмиграции сыграла опубликованная в 2004 г. монография *Беленькой Л., Зингера Б.*, посвященная еврейскому национальному движению в СССР в 1945–1976 гг. (*Беленькая*, 2004). В 2000-х годах помимо сборников резко увеличивается количество монографий и статей, как российских, так и зарубежных исследователей по израильской проблематике: например, работы *Воробьева В. П.; Звягельской И. Д., Карасовой Т. А., Федорченко А. В.* и других авторов (*Воробьев*, 2002; *Звягельская, Карасова, Федорченко*, 2005). Проблемам русскоязычной иммиграции уделяют внимание *Крылов А., Карасова Т. А.* (*Крылов*, 2005; *Карасова*, 2009), *Морозов Б., Морозов В. М., Якимова Е. А.* и другие авторы.

Истории и проблемам горских евреев, евреям кавказского региона и Средней Азии посвящены исследования *В. И. Дымишица* (2019, 2002); *С. Гитлина* (2008), *Р. Пинхасова* (в соавт.) (2017) и многих других авторов.

3. *Гейзель* среди израильских исследователей одним из первых опубликовал в 2001 г. свою монографию «Политические структуры Государства Израиль», переизданную в 2013, в которой дается анализ еврейской иммиграции в Израиль в 1950-х и 60-х гг.; несколько страниц посвящены подразделу «Русская улица». (*Гейзель*, 2013).

В монографии известного израильского социолога, доктора психологии *Фельдмана Э.* на обширном статистическом материале показана роль иммигрантов из стран СНГ в социальной, политической и общественной жизни Израиля. (Фельдман, 2003).

В работе *Цви Гительмана* (США) «Беспокойный век: евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней», переведенной на русский язык и изданной в 2008 году, анализируются история российского еврейства на протяжении двух столетий, причины иммиграции, политика советского руководства в отношении евреев до распада СССР и другие проблемы (*Гительман*, 2008). Для исследования проблем иммиграции более раннего периода интересны также работы *С. Гительмана* «Becoming Israelis» (*Gitelman*, 1988); и его же работа в соавторстве «Jews and Jewish Life in the USSR» (*Gitelman, Ro'i*, 2007).

Израильский экономист и социолог *Б. Дубсон*, обратившийся к теме русскоязычной иммиграции в своей монографии «Богатство и бедность в Израиле», на большом статистическом материале проанализировал трудности интеграции иммигрантов: ученых, инженеров, врачей и др.; проблемы трудоустройства и занятости (*Дубсон*, 2004).

В периодических изданиях и журналах на русском языке появляется огромный поток научных статей российских и зарубежных авторов, посвященных положению евреев в СССР/СНГ; проблемам массовой еврейской иммиграции; влиянию русскоязычной общины на израильское общество и многим другим проблемам. Среди широкого круга исследований можно, на наш взгляд, выделить несколько основных тематических направлений.

Вопросам демографии посвятили свои работы: *М. Тольц*, *Я. Файтельсон* и др. (*Тольц*, 2000а, с. 54–72; *Тольц*, 2000б, с. 196–209; *Файтельсон*, 2007, выпуск 32, с. 215–233). Общей характеристике иммиграционных «волн»; особенностям и отличиям еврейской иммиграции в Израиль в 1970-х и 1990-х годах были посвящены публикации *Томилина А.*, *Семенченко Н.*, *Рубинчика В.*, *Ременник Л.*, *Масюковой И.* и других авторов. Отдельное место занимает статья *Сатановского Е. Я.* «Евреи империи. Размышле-

ния о «русских евреях» в мире вчерашнем и сегодняшнем» (*Сатановский*, 2004, с. 61–79), которая расширяет подход к исследуемой проблеме и дает ретроспективный и сравнительный анализ еврейской иммиграции в XX и XXI вв.

Особенности процесса адаптации и интеграции русскоязычных иммигрантов нашли отражение в работах *Лисица С., Перес Й.; Зильберг Н., Масюковой И. В., Адлера Ш.* Специфика адаптации и интеграции русскоязычных иммигрантов различных профессий; проблемы трудоустройства и переквалификации; подтверждения своего профессионального уровня и овладение языком иврит; поиск своей профессиональной «ниши» в жесткой конкуренции как со своими соотечественниками, так и с коллегами – израильтянами; социально-психологические и многие другие проблемы адаптации подробно исследуются *Эпштейном А. Д. (в соав.), Тартаковским Е., Масюковой И. В.*

Израильский исследователь *Зеев (В.) Ханин* внес значительный вклад в изучение участия русскоязычных евреев и «русского» Израиля в политической жизни страны (на выборах в Кнессет, муниципалитеты и местные советы); дал анализ появления русскоязычных лидеров во главе электората; причин побед и поражений в ходе избирательных компаний и т. д. Одной из его центральных работ по этой теме является монография «Русские и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков» (М.: ИИИБВ, 2004).

Роль религии в жизни «русских» израильтян; рост секулярных тенденций; постоянное увеличение численности негалахических евреев среди иммигрантов из бывшего СССР; социально-психологические особенности адаптации; вопросы еврейской идентичности, самосознания и многие другие анализируются в работах *Зильберг Н.; Гительмана Ц., Кенигштейна М., Масюковой И., Ременник Л., Фиалковой Л., Еленевской М., Эпштейна А.*

В своих последующих работах о русскоязычных израильтянах *Л. Ременник* делает акцент на новых тенденциях и транснациональном характере миграции. (*Ременник*, 2007, с. 421–441).

Зарубежные исследования открывали новые горизонты сравнительного изучения русскоязычных иммигрантов в Израиле, Германии и США, начиная с монографии *Н. Левина-Эпштейна, Я. Роу и П. Румтербанда*, опубликованной в 1997 “Russian Jews on the Three Continents” (Frank Cass., L.); аналогичные работы были опубликованы в 2006 г. – *Э. Бен-Рафаэлем* (в соавт.) “Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA” (Brill, Leiden. Boston) и в том же году израильским профессором социологии *Л. Ременник* “Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict”. (New Brunswick USA, L. UK 2006).

Глава 1

ЕВРЕИ И ВЛАСТЬ В СССР

§ 1. Особенности национальной политики в СССР: теория и практика

Национальная политика советского руководства по отношению к еврейскому населению страны тесно связана со многими этапами развития Советского Союза и, в частности, касается таких важнейших тем, как кадровая политика, политика в сфере образования и культуры, а также политика по отношению к религиозным конфессиям, в том числе, к иудаизму и т. д.

На протяжении многих десятилетий историческая судьба евреев и взаимоотношения с советской властью были трудными и драматичными, причины которых уходят в прошлое страны. Особенности национальной политики в отношении еврейского меньшинства неразрывно связаны с положением евреев в СССР, с их исторической судьбой, со сложным взаимодействием между евреями и властью на протяжении многих десятилетий. Еще в своих дореволюционных работах В. И. Ленин выдвинул категорическое утверждение о том, что «...Еврейский вопрос *стоит*» (курсив у автора. – *И.М.*) именно так: ассимиляция или обособленность? – и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер»; им был также поддержан тезис К. Каутского: «...Евреи перестали существовать как нация, немислимая без определенной территории» [*Ленин, ПСС. Т. 8, с. 72–74*]. В 1913 г. в работе «Критические заметки по национальному вопросу» вновь был подчеркнут тезис о том, что «...евреи в цивилизованном мире не нация,

они всего больше ассимилировались» [*Ленин*, ПСС. Т. 24, с. 126]. Согласно Ленину, следует осуждать лишь насильственную ассимиляцию, вызванную национальным угнетением с привилегиями одной нации и неравноправием других. Приветствуя добровольную ассимиляцию, считая ее прогрессивным явлением, Ленин возражал против идеи культурно-национальной автономии, считая ее неприемлемой.

Критикуя и отвергая идеи сионистов как реакционные, Ленин сделал вывод о том, что сионизм является большим врагом социал-демократии, чем антисемитизм, так как первый отвлекал «...от рабочего движения... культурные слои еврейского пролетариата», а второй вел «...за собой ...совершенно темные в культурном и политическом отношении элементы русского населения» [*Ленин В. И.* Т., т. IV. 1924, с. 213–220]. В борьбу большевиков против позиций Бунда внес свой вклад также И. В. Сталин, утверждавший в написанной им в конце 1912 – начале 1913 г. в обширной статье «Марксизм и национальный вопрос», что евреи, проживающие в разных странах и говорящие на разных языках, ни в коем случае не являются единой нацией [*Сталин И. В.*, т. 2, 1946, с. 290–367].

В марте-апреле 1917 г. декретами Временного правительства были запрещены все виды дискриминации: этнической, религиозной, социальной; отменены все ограничения в правах граждан на основе расы или вероисповедания (место жительства и передвижение, владение и пользование имуществом; трудоустройство; образование и т. д.). В ноябре 1917 г. большевиками была принята Декларация прав народов России, официально уничтожившая все национальные и религиозные привилегии и ограничения, провозгласив «свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России» [Декреты Советской власти. Т. I. 1957, с. 40].

В отношении евреев эти постановления были особенно актуальны, так как при царизме, как подчеркивал В. И. Ленин, в работе «Критические заметки по национальному вопросу» евреи были «наиболее угнетенной и затравленной» нацией [*Ленин В. И.* ПСС. Т. 24, с. 122]. В первых советских законодательных актах и кон-

ституциях закреплялось положение о «признании равных прав за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности». Так, например, в статье 13 Конституции РСФСР 1925 г. декларировался принцип равноправия всех граждан «...независимо от их расовой и национальной принадлежности». Ограничение этих прав и предоставление каких бы то ни было национальных привилегий, прямых или косвенных, совершенно несовместимы с основными законами Республики. В этой же статье Конституции РСФСР был провозглашен принцип равноправия в использовании родного языка на «...съездах, в суде, школе, управлении и в общественной жизни» [Конституция РСФСР 1925 г.].

Неотъемлемой частью советской национальной политики, декларировавшей принцип «равенства всех народов и национальностей» и отвергавшей дискриминацию и ущемление интересов какой-либо национальности, было стремление к всестороннему развитию национального образования и культуры. На X съезде партии (март 1921 г.) в принятом решении «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» о помощи нацменьшинствам подчеркивалась необходимость «... развивать ... прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке» [КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 2 (1917–1922), 1983, с. 366].

Вместе с тем на долю еврейской культуры, образования и языка выпали суровые испытания. Если в первые годы советской власти развитию еврейского образования и культуры уделялось достаточно внимания, к середине 1930-х гг. положение начало меняться. К концу 1930-х гг. на смену ленинскому пропагандистскому интернационализму пришла модель государственного патриотизма с теорией «старшего брата», основанной на принципах этнической иерархичности советских наций. Евреи и другие экстерриториальные меньшинства занимали в ней самую нижнюю ступень. Уже к этому времени можно было говорить о появлении первых признаков государственного антисемитизма [Государственный антисемитизм. 2005, с. 5–13].

В первые годы после Октябрьской революции и в последующий период были созданы многочисленные институты образования всех ступеней на идише: от яслей и детских садов, начальных и средних школ, агрономических, педагогических, медицинских техникумов и училищ вплоть до высших учебных заведений с факультетами еврейской литературы, языка и истории в пединститутах Москвы, Киева, Минска, Одессы, Житомира, Гомеля и других городов. В довоенный период было 14 еврейских государственных театров; издавалось 35 газет, журналов и других периодических изданий на идише [История евреев в России. 2007, с. 479–500; Мосс, 2017. Т. 3, с. 70–84]. В этот период, по мнению ряда исследователей, идишская культура активно развивалась: светская литература, театр, эстрада вытеснили в сознании большинства евреев религиозные ценности и знания. Однако, как отмечалось, в середине 1930-х гг. политика властей стала меняться. Многие деятели еврейской культуры и образования подверглись репрессиям, началось массовое закрытие еврейских школ, и к 1939 г. их в Советском Союзе почти не осталось [Евреи. 2018, с. 538–539].

В 1930-х гг. постепенно сокращалось издание книг на идише: в 1932 г. – 668, в 1936 г. – 431, в 1940 г. – 359 [Черняк, 1991]. К концу 1930-х гг. традиционные хедеры и иешивы были почти полностью уничтожены властями. Запрещалось преподавание иврита, изучение религиозной традиции; светские школы «Тарбута» также оказались на нелегальном положении [Евреи. 2018, с. 538].

С конца 1920-х гг. в стране ускоренными темпами проходил процесс индустриализации, связанный с массовой миграцией евреев и представителей других национальностей в крупные города и промышленные центры. Создавались условия для подъема по социальной лестнице, получения среднего специального и высшего образования для себя и своих детей на русском языке, повышения социального статуса, трудоустройства. Несмотря на трудности этого периода, подавляющее большинство евреев, по мнению исследователей, было вполне довольно политикой советских властей [Рои Я. 2017, с. 273–274].

В декабре 1932 г. Центральный исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров приняли постановление о создании «единой паспортной системы», и с 1933 г. в паспортах стала вноситься национальность владельца в соответствии с национальностью родителей (наряду с паспортом одним из документов, подтверждавших принадлежность к определенной национальности, являлось свидетельство о рождении – метрика). В Конституции СССР 1936 г. (статья 135) подчеркивалось, что всем гражданам СССР предоставляется право на участие в выборах «независимо от расовой и национальной принадлежности»; но уже не упоминалось право пользования родным языком на собраниях; в судопроизводстве и учреждениях, а в статье 121 подтверждалось право на ведение занятий в школах на родном языке. Аналогичные статьи были введены в конституции союзных и автономных республик [Конституция 1936 г. С. 302, 309 / URL: [www. hist.msu.ru](http://www.hist.msu.ru)].

§ 2. Евреи и парадоксы хрущевской «оттепели»

По мнению многих исследователей, приход к власти Н. С. Хрущева (1954 г.), освобождение арестованных по сфабрикованному «делу врачей» и реабилитация осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета, а также начавшийся период «оттепели», разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС «постепенно вернули евреям ощущение безопасности; страх и паника улеглись; появилась надежда на лучшие времена, когда беззакония конца сталинской эпохи будут исправлены и забыты» [Рои Я. 2017. С. 281].

Десталинизация советского общества имела для евреев ряд позитивных моментов, так как, по выражению Хрущева, в последующие десять лет состоялось «возвращение к ленинским нормам». Угроза физического уничтожения или преследований евреев исчезла. Были реабилитированы и возвращены из ссылки или заключения пострадавшие деятели еврейской культуры с пре-

доставлением им работы, пенсий, пособий, снятием судимости [Гительман. 2008, с. 217].

Вместе с тем, разоблачая антинародную политику Сталина на XX съезде, Хрущев не упоминал о его антисемитской политике, еврейской составляющей в «деле врачей» и последствиях для советских евреев [Гительман. 2008, с. 218–219; Речь Хрущева. The Anti-Stalin Campaign and International Communism. 1956]. Разочарование немалой части евреев вызвало также стремление властей обойти или даже замалчивать болезненные и эмоционально-трагические проблемы, объединявшие судьбы подавляющего большинства евреев. Так, например, недостаточно подчеркивался вклад евреев и их участие в разгроме фашистской Германии; страдания и геноцид евреев в годы Великой Отечественной войны и тема Холокоста; а также роль советского руководства в уничтожении еврейской интеллектуальной элиты в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [Хофман. 2017, с. 294].

В период «оттепели» возникли ожидания позитивных перемен, особенно среди интеллигенции, надеявшейся на либерализацию и улучшение социально-политического «климата» в стране. Однако, осуждая на XX съезде КПСС, сталинскую политику злоупотребления властью, Хрущев не упомянул о порочности самой системы. Через некоторое время в период его правления, усилились гонения на религию, новые формы искусства, литературу и т. д.

Исследователь Г. В. Костырченко, характеризуя этот период, отмечает его противоречивость: с одной стороны, «...политика государственного антисемитизма была смягчена и изъята публичная агрессивность, ... массовые антиеврейские чистки государственного аппарата и учреждений прекратились, ... творческие работники еврейского происхождения могли теперь более или менее спокойно смотреть в будущее». Вместе с тем происходило «...тихое «выдавливание» евреев... и, прежде всего из сферы, связанной с обеспечением национальной безопасности (армии, МГБ, ВПК, внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств)». Хотя, по мнению автора, «...наиболее видных специалистов еврейского происхождения в ВПК, как и прежде, не трогали, дожидаясь

их естественного (в силу возраста) ухода со своего поприща...» [*Костырченко*, 2009, с. 217–242].

Евреи ощутили на себе в полной мере непоследовательное и двойственное отношение к ним властей. Несмотря на попытки Хрущева уничтожить последствия сталинизма и сделать невозможным проведение масштабных антиеврейских кампаний (как, например, «борьба с космополитами» и др.); восстановить советскую законность и правопорядок; реабилитировать жертв сталинских репрессий и т. д.; в период «оттепели» продолжались аресты и заключения в ГУЛАГ лиц, обвиненных в антисоветской и сионистской деятельности [*Хофман*. 2017. Т. 3, с. 294; *Рои*. 2017, с. 287]. Антисемитизм никуда не исчез.

§ 3. Кадровая политика советского руководства и проблема антисемитизма

На протяжении всей истории советского периода проблема антисемитизма на разных уровнях присутствовала в отношениях между властью и советскими евреями. Придя к власти, руководство страны своими первыми декретами и постановлениями полностью уничтожило национальную дискриминацию, закрепив в законах и статьях нескольких конституций ... «равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности...» [*Корей*. 1975, с. 52].

Вскоре после Октябрьской революции советские власти стремились обеспечить национальное равноправие, в том числе и евреям, а также преодолеть и изжить антисемитизм как общественное явление. В частности, это нашло отражение в декрете Совнаркома (июль 1918 г.) и на страницах газеты «Известия» (27 июля 1918 г.), призывавших к уничтожению «в корне антисемитского движения» и объявивших вне закона «всех погромщиков и людей, призывающих к погрому». После окончания Гражданской войны этот вопрос получил дальнейшую законодательно-правовую базу, найдя отражение в Уголовном кодексе РСФСР (1922 г., раздел 83),

запрещавшем «агитацию и пропаганду, возбуждающую национальную рознь и вражду», а также определившем срок наказания за это не меньше года одиночного тюремного заключения и смертную казнь для лиц, нарушающих этот закон во время войны (Уголовный кодекс РСФСР. 1922, с. 18). Новый Уголовный кодекс РСФСР (1927 г.) определял срок тюремного заключения «не менее двух лет» за «пропаганду и агитацию, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды и розни». Такое же наказание предусматривалось за распространение, подготовку или хранение литературы, вызывавшей национальную вражду [Уголовный кодекс РСФСР, раздел 59–7. 1927, с. 23].

В официальных документах (Конституция РСФСР 1925 г. – статья 13; Конституция СССР 1936 г. – статья 123; 135) был закреплён принцип равноправия всех граждан «без различия расы и национальности» как основной. В статье 123 категорически подчеркивалось недопустимость ограничения прав или установления «...преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности»; а также «проповедь расовой или национальной исключительности, ненависти и пренебрежения, которые караются законом» [Конституция 1936, с. 309 / URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/postanovleniya/3946674>].

Политика властей в еврейском вопросе в период, последовавший за смертью Сталина в 1953 г. была неоднозначной. С одной стороны, исчезла едва закамуфлированная антисемитская пропаганда в печати и угроза физического насилия и депортации. С другой стороны, продолжала сохраняться дискриминация евреев в кадровой политике, в первую очередь, при назначении на высшие руководящие посты; на ответственные номенклатурные должности; при избрании членов ЦК КПСС и депутатов Верховных Советов; при назначении на должности руководителей крупных промышленных предприятий и т. д. Хотя многие квалифицированные специалисты-евреи были восстановлены в прежних должностях либо получили равноценную замену, в определенные профессиональные области доступ был практически закрыт (Министерства

иностранных дел и внешней торговли, военные академии, органы госбезопасности и др.). Крайне слабо евреи были представлены в местных советских и партийных органах (городских советах депутатов трудящихся, горкомах и райкомах партии); их практически не было среди судей (хотя они принимали участие в составе народных заседателей в судах). Редко евреи назначались на должности директоров ведущих предприятий в Москве, Ленинграде, Киеве, но иногда возглавляли предприятия в менее крупных городах [Оксман. 2000, с. 134].

Во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг. евреи получили возможность профессионально реализовать себя в большей степени в области науки, на инженерных и технических должностях, в медицине, юриспруденции, искусстве, сфере торговли и сервиса и т. д.

Если в 1920-х гг. в административных учреждениях Москвы работало 10,3% евреев, в госучреждениях Украины – 22,6%, в Белоруссии – 30,6%, при этом в процентном отношении евреи составляли 1,8% от всего населения; 5,4% – на Украине и 8,2% – в Белоруссии, то в 1930-х – 1940-х и в последующий период происходит неуклонное снижение евреев на руководящих постах, как в центре, так и в республиках [Корей. 1975, с. 54]. В сталинский период сократилось число евреев как среди рядовых членов партии (с 10% в 1939 г. до 2% – в 1952 г.), так и в центральном и республиканском руководстве ЦК КПСС. Аналогичная тенденция прослеживается в составе Верховного Совета СССР; в 1937 г. в нем было 47 евреев, в 1946 г. – 13, а в 1950 г. – 8 [Гительман. 2008, с. 238].

По мнению исследователей, как в сталинский, так и в последующий период происходит неуклонное снижение количества евреев в высшем партийном руководстве и депутатском корпусе Верховного Совета. В 1939 г. евреи в ЦК КПСС составляли 10,8%, а в 1952 г. – 3%, в 1956 г. – 2%, в 1961 г. – 0,3% [Bialer. 1964. P. 46, 48].

О дискриминации евреев в политической жизни страны красноречиво свидетельствует состав депутатов в Верховных Советах 15 союзных республик в 1959 г., когда среди общего числа депутатов 5312 человек евреи составили только 14 – 0,26% и только один

депутат-еврей оказался избранным среди 835 депутатов в РСФСР; один – среди 457 депутатов на Украине (т. е. 0,22% при 2% евреев в республике); 2 еврея среди 407 депутатов в Белоруссии (т. е. 0,45% при 1,9% евреев в республике). Из 281 депутата Молдавии, где евреи составляли 3,3% всего населения, не было ни одного еврея; из 200 депутатов Латвии, где евреев 1,7% всего населения, также не был избран ни один еврей; Литва явилась исключением: процент евреев, избранных в Верховный совет, соответствовал процентному отношению евреев ко всему населению республики, т. е. 3 еврея из 209 депутатов, или 1,44% [Корей. 1975, с. 57–58. См.: Состав депутатов Верховного Совета союзных и автономных республик и местных советов трудящихся в 1959 году. 1959]. Данные о национальном составе в последующих Верховных Советах республик не публиковались. Но общая тенденция была очевидна: между 1952 и 1961 гг. число евреев в Верховном Совете снизилось, а в законодательных органах республик упало значительно ниже процента евреев по отношению к общему числу населения; евреи были недостаточно представлены в местных советах. Впервые за целый ряд десятилетий, в 1958–1961 гг. не было ни одного еврея среди министров [Гительман Ц. 2008, с. 221; Pinkus. 1984; Gilboa. 1971].

Советская власть, как уже отмечалось, с момента своего возникновения, стремясь обеспечить законодательную базу для преодоления антисемитизма и дискриминации евреев, предпринимала попытки создания правовых норм и законодательных актов против антисемитизма, национальной розни и вражды, направленных на защиту евреев. Вместе с тем, если в 1920-х гг. в советской прессе часто появлялись сообщения о проявлении антисемитизма и судебных процессах против виновных, то в 1930-х гг. число этих сообщений резко сократилось, но в официальных заявлениях постоянно подчеркивалось, что партия не потерпит проявления антисемитизма, как явления «глубоко враждебного советскому строю» [Корей. 1975, с. 60; Shawarz. 1951. P. 241–299].

§ 4. Еврейская культура, образование и проблемы ассимиляции

В конце 1950-х – 1960-х гг. советское руководство в обнародованных официальных документах декларировало принципы развития образования на родном языке. Так, например, в статье 15 Постановления «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования в РСФСР» подчеркивалось, что «...преподавание в школах будет производиться на родном языке учащихся. Родителям предоставляется право решать, в школы с каким языком записывать своих детей» [Новая система народного образования в СССР. 1960, с. 79]. Заместитель министра просвещения РСФСР А. Арсеньев в инструкции, разъясняя положения этого закона, отметил, что, если 10 родителей выражают желание, чтобы их дети получали образование на родном языке, администрация должна «открыть такой класс в любой школе» [Schechtman. 1961. P. 151].

Вместе с тем, несмотря на постановление об обучении на родном языке, еврейские образовательные учреждения восстановлены не были; отсутствовали учебники и буквари; как и доступные для широкого круга читателей библиотеки с литературой на идише. После разгрома еврейской культуры в конце 1940-х гг. издание новых книг на идише началось спустя десять лет, и их число было незначительным. В результате, евреи были лишены возможности изучать и приобщаться к истории, культуре, традициям своего народа. После ряда шагов по восстановлению официальной еврейской культуры первая книга на идише была напечатана только в 1959 г. Это был сборник рассказов писателя И. Л. Переца, и до конца хрущевского периода (1964 г.) на идише было издано всего несколько книг.

Отвергая резкую критику со стороны Запада в отсутствии еврейской культуры и образования в СССР, официальные круги пошли на определенные уступки. Еще в 1954 г. (впервые с 1948 г.) было разрешено издание книг Шолом-Алейхема (в переводе на рус-

ский язык). В 1954 г. после пятилетнего перерыва был возобновлен выпуск газеты «Биробиджанер штерн». В августе 1961 г. стал выходить журнал на идише «Советиш геймланд» – первоначально 6 раз в год, тиражом в 25 тыс. экземпляров, с января 1965 г. выходил ежемесячно. Бессменным главным редактором был поэт и публицист А. Вергелис [*Эстрайх*. 2015, с. 255; *Эстрайх*. 2017, с. 357–367]. В 1963 г. с санкции ЦК КПСС вышел в свет первый в СССР иврит-русский словарь, составленный педагогом и лингвистом Ф. Л. Шапиро. Словарь вышел уже после его смерти. В Латвии и Литве возобновили деятельность любительские хоры и театральные студии, всего по стране было создано около 20 театральных и музыкальных коллективов (в Москве, Вильнюсе, Биробиджане и других местах), вокруг которых консолидировались евреи разных поколений, выражая солидарность и принадлежность к еврейскому народу.

Вместе с тем, несмотря на многочисленные постановления и директивы советского руководства о «всестороннем национальном развитии», «полной свободе для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке», в национальной политике властей прослеживалось твердое намерение придерживаться курса на полную и окончательную ассимиляцию евреев. Программа строительства коммунизма, принятая на XXII съезде КПСС (1961 г.), обозначила курс на «добровольное» признание русского языка «средством общения и сотрудничества». Политика советских властей в ту пору, как и прежде, была направлена на то, чтобы «больше сблизить народы Советского Союза», фактически для ускорения процесса ассимиляции на страницах газеты «Правды» (2 ноября 1961 г.) был выдвинут тезис о «стирании национальных различий, включая различия в языке».

Положение евреев в вопросе развития национального языка, образования, культуры оставалось крайне неопределенным. На территории Украины, Белоруссии и в других регионах еврейские школы, большинство которых были закрыты во второй половине 1930-х гг., не были восстановлены.

Две противоположные тенденции, отличавшие национальную политику – «бурное всестороннее национальное развитие» и планомерная ассимиляция, привели к тому, что на практике в отношении евреев преобладала последняя тенденции. В 1960 г. академик М. Д. Каммари, главный редактор журнала «Вопросы философии» в статье «Ассимиляция неминуема, неизбежна и прогрессивна», опубликованной в лондонском журнале «Джуиш Обзервер энд Мидл Ист Ревью» (19.02.1960) писал: «...евреи отвергают националистическую программу так называемой культурной автономии, цель которой – изолироваться от русского и других народов СССР, ... не хотят создавать собственные школы, театры и т. д. С их точки зрения не изоляция, а активное сотрудничество с представителями других национальностей в совместных организациях предпочтительнее для общественно-культурного развития». В этой двойственной позиции отражалась политика советского руководства по отношению к евреям. Власти дискриминировали их в области национального образования, культуры, языка, фактически лишая законных конституционных прав, и при этом ссылаясь якобы на пожелания самих евреев. Вплоть до конца 1980-х гг. – кануна распада Советского Союза – власти не разрешали создание еврейских культурно-образовательных институтов, школ, обществ и организаций, в результате большинство евреев стали так называемым поколением «евреев по паспорту».

О языковой ассимиляции свидетельствуют следующие данные. По данным переписи 1959 г., 76,4% евреев (1733 183 человека) назвали родным языком русский, 18% (403 900 человек) – идиш; около 23 тысяч – украинский; и примерно 20 000 – таджикский. К 1970 г. численность евреев, владеющих идишем, сократилась до 17,7%, при этом многие респонденты называли идиш родным языком не потому, что им пользовались, а чтобы подчеркнуть свою национальную идентичность и приверженность к национальной культуре. В 1970-х гг. наибольший процент, владеющих идишем, был в Литве – 69%, Молдавии – 50,3% и Латвии – 48% – в основном представители старшего поколения. Так, например, в Северной Буковине и Бессарабии благодаря евреям, пережившим Холо-

кост, сохранилось знание иврита и идиша, часть молодежи воспитывалась в семьях, оберегавших досоветские культурные традиции [Кошаровский, т. I. 2008, с. 234, 239].

В советский период постоянно возрастало количество смешанных браков, превысивших 50% (по переписи 1970 г.) при этом дети, получая паспорт, официально могли выбрать себе национальность одного из родителей. Отмеченные выше признаки ассимиляции, в первую очередь были характерны для жителей центральных регионов РФ, восточных и южных районов Украины, крупных индустриальных центров, где советизация и советский образ жизни стали нормой на протяжении нескольких десятилетий.

Подавляющее большинство евреев в Советском Союзе было не религиозно. В 1956–1957 гг. главному раввину московской Хоральной синагоги Ш. Шлиферу было разрешено создать при Хоральной синагоге иешиву «Кол Яаков» и выпустить молитвенник «Сидур га-Шалом», который стал первой еврейской книгой религиозного содержания, вышедшей в СССР почти за 30 лет [Евреи. 2018, с. 136].

Однако в 1957–1958 гг. во время очередной антирелигиозной кампании были закрыты несколько синагог, а всего за 1957–1963 гг. в СССР прекратили работать около 50 синагог. В наибольшей степени пострадали Украина (закрыто 34 синагоги из 47, включая синагогу в Львове); в Молдавии (7 из 11); в России также были закрыты синагоги в Казани, Оренбурге, Иркутске, Свердловске, Грозном и Пятигорске [Чарный. 2007, с. 605; Евреи. 2018, с. 136]. Были введены ограничения на выпечку мацы. К 1963 г. фактически прекратила свое существование иешива «Кол Яаков».

В результате атеистической пропаганды и невозможности получить национальное воспитание и образование, евреи оказались в советский период отдалены не только от своей религии, но также от истории, культуры и традиций своего народа. В результате многие, впитав русскую культуру и не имея возможности познакомиться со своей собственной, перестали понимать, что означает их еврейство, кроме происхождения и соответствующей отметки в паспорте [Кошаровский, т. I. 2008, с. 235].

С одной стороны, евреи в Советском Союзе определялись как национальность (именно так их отмечали во внутренних паспортах) и так их рассматривали представители других национальностей. С другой стороны, в результате проводимой властями по сути насильственной ассимиляции происходила утрата еврейской культуры, национальных традиций и языка. Отсутствие еврейского образования, языка, газет, журналов, театров и т. д., то есть всего, что ассоциировалось в СССР с национальной культурой, создавало у одних «лиц еврейской национальности» комплекс неполноценности, желание забыть о своем происхождении, записать в паспорте нееврейскую национальность и таким способом избежать дискриминации при поступлении в высшее учебное заведение, приеме на работу, а у других – желание покинуть страну, эмигрировать.

В конце 1960-х гг. попытки ряда еврейских активистов возродить еврейскую культуру натолкнулись на мощные ограничения, а после Шестидневной войны 1967 г. у многих евреев укрепилось национальное самосознание, зарождалась мысль о том, что полноценная национальная жизнь возможна только в еврейском Государстве Израиль, а не там, где они родились [Гительман. 2008. С. 244–245].

Глава 2

ЕВРЕИ И ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СССР

§ 1. Законодательное регулирование еврейской эмиграции из СССР (1960–1990 гг.). Поправка Джексона-Вэника и ее значение

На протяжении многих лет советская власть отрицательно и негативно относилась к еврейской эмиграции из СССР в Израиль. По мнению известного исследователя Г. В. Костырченко, коммунистический режим по отношению к еврейской эмиграции прошел «...полный цикл эволюции: от практически полного ее запрета в середине 60-х годов ... до максимально возможного (в условиях законодательного обеспечения сохранности оборонных секретов) благоприятствования ей с конца 1980-х гг.» [*Костырченко*, 2019, Часть II, с. 438.] В конце 1940–1950-х гг. советское руководство допускало возможность выезда в Израиль в единичных случаях: выездные визы получали в первую очередь люди преклонного возраста, чьи дети (или очень близкие родственники) проживали в Израиле. Воссоединение семей считалось законным поводом для эмиграции, но часто это право нарушалось в отношении евреев. В 1960-х гг. постепенно увеличивалось количество желающих покинуть СССР (из Прибалтики, Грузии, Украины и других регионов) и, соответственно, росло число выданных разрешений на выезд в Израиль: если в 1960 г. их было всего 60, то в 1961 – уже 202, в 1962 – 184, в 1963 – 305, в 1964 – 539, в 1965 – 1444, в 1966 – 1892 [*Ro'i*, 1995, p. 359; *Гиттельман*, 2008, с. 240].

В связи с ростом еврейской эмиграции в 1960-х гг. власти были вынуждены решать эмиграционные вопросы на законодательном уровне, при этом не имея четко продуманной программы. Эмиграционная политика в течение многих лет имела непоследовательный, противоречивый и конъюнктурный характер. Масштабная кампания в поддержку советских евреев, организованная на Западе, заставила СССР пойти на определенные уступки, при этом проблема еврейской эмиграции из этнонациональной превращалась в социально-политическую, затрагивая право беспрепятственного перемещения граждан внутри и вне страны, что являлось залогом нормального развития любого государства [Костырченко, 2019, с. 436–437]. В марте 1966 г. была подписана и в январе 1969 г. ратифицирована Верховным Советом СССР «Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации»; в части первой (ст. 5, пункт «Г», подпункт 2) закреплено положение о том, что: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну» [Беленькая, Зингер, 2004, с. 132].

До начала 1970 г. для большинства евреев из СССР и стран Восточной Европы массовый выезд был закрыт. Отдельным странам советского блока, где Израиль вел прямые переговоры с местными лидерами по «еврейскому вопросу», была предоставлена возможность выезда евреев. Например, Израиль, напрямую контактируя с руководством Социалистической Республикой Румынии (СРР), добился для местных евреев права беспрепятственного выезда евреев в Израиль. Часть евреев Польши (ПНР) во второй половине 1950-х гг. также могла получить право на выезд в Израиль, чем не преминули воспользоваться несколько тысяч советских евреев, сумевших выехать из СССР в ПНР в рамках двустороннего соглашения о репатриации польских граждан [Евреи, 2018, с. 136–137].

В конце 1960-х гг. в советском руководстве происходит более реальная и объективная оценка проблемы еврейской эмиграции, в отличие от предыдущих лет, когда любые эмиграционные настроения расценивались как проявление политической нелояльности

советскому строю, подводя ее, в зависимости от «духа времени», под категории «контрреволюционно-шпионская», «буржуазно-националистическая» или «подрывная антисоветская» деятельность [Шестидневная война, 2008, с. 21]. Иллюстрацией новых тенденций в подходе к проблеме эмиграции стало заявление Председателя СМ СССР А. Н. Косыгина (декабрь 1966 г.) на пресс-конференции в Париже перед представителями иностранных СМИ о беспрепятственном воссоединении семей, так как «...дорога открыта, и никакой проблемы не существует» (Жить в мире, развивать сотрудничество / Правда. – 5.12.1966. – С. 1, 4.). Вместе с тем любое давление зарубежных сионистских организаций, выступавших в поддержку эмиграции евреев из СССР, рассматривалось властями как вмешательство во внутренние проблемы страны и категорически пресекалось. Желание дистанцироваться от выезжавших в Израиль прослеживается в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1967 г. № 818-VII «О выходе из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль» (не подлежавший опубликованию) [Масюкова, 2018, с. 82].

Новый этап борьбы евреев за выезд из СССР связан с победой Израиля в Шестидневной войне (июнь 1967 г.), повлекшей за собой разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем и приостановку выдачи виз более чем на год. В конце лета 1967 г. и в последующий период ОВИРы получали массовый поток заявлений о выезде в Израиль (см. об этом Гл. II. 2. Шестидневная война (1967 г.) и ее влияние на евреев в СССР). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. советское руководство было вынуждено принимать официальные решения по эмиграции. «Механизм» принятия решений проходил по схеме «инициатива снизу», т. е. сталкиваясь с проблемами еврейской эмиграции, КГБ, МИД, МВД передавали эту информацию в инстанции республиканского и союзного значения, где происходило обсуждение этих вопросов и выработка предложений и мер, претворявшихся на практике. В конце 1960-х гг. произошел своеобразный «прорыв» в эмиграционной политике (хотя со многими условиями и оговорками) [Масюкова, 2019, с. 210–220].

Советская эмиграционная политика не была четко разработана, сформулирована и представляла собой отдельные указы, постановления, инструкции и т. д. (подчас непоследовательные и противоречивые), отменявшиеся в дальнейшем и часто отражавшие конъюнктурную реакцию советского руководства на внешнюю и внутреннюю обстановку в стране и за рубежом. Конкретным примером служит *вопрос о квоте выезда евреев из СССР в Израиль*, на котором стоит, на наш взгляд, остановиться подробнее.

Вопрос о выезде евреев из СССР в Израиль неизбежно требовал своего решения: если в период правления Н. С. Хрущева эта тема блокировалась, то в брежневский период стала актуальной и оказалась в центре внимания руководства страны. В августе 1965 г. в узком кругу в Кремле перед заседанием Президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос «О письмах, поступающих в Совет Министров СССР по вопросам выезда граждан еврейской национальности на жительство за границу». (Решения по этим вопросам носили название «вопросы, не включенные в протокол»). Председатель КГБ В. Семичастный предложил квоту выезда евреев – не более 1500 человек в год. Летом 1965 г. новый Президент Израиля Шнеур Залман Шазар в одном из посланий в Кремль вновь просил рассмотреть вопрос об эмиграции. В официальном ответе советской стороной было упомянуто, что в установленном порядке советские власти дали разрешение на выезд в Израиль в течение 1963–1965 гг. полутора тысячам советских граждан. Вместе с тем об этой цифре не говорилось как о ежегодной квоте [Максименков, 2015, с. 26].

В октябре 1965 г. по инициативе КГБ квота была узаконена, но при этом сам факт решения о ней был засекречен, что свидетельствует о двойственном и противоречивом отношении властей к одной из важнейших проблем, от решения которой зависели судьбы десятков тысяч людей. По представлению Председателя КГБ СССР В. Семичастного Президиум ЦК КПСС впервые в истории СССР узаконил ежегодную квоту на выезд в 1500 человек. В дальнейшем эта проблема получила свое развитие: квота пересматривалась несколько раз, то увеличиваясь, то уменьшаясь,

иногда ее то отменяли, то вновь резко увеличивали в зависимости от внутренних факторов и международной обстановки.

Зимой 1967 г. В. Семичастный выделил наиболее предпочтительные области для предоставления разрешений на выезд: Западная Украина, Северная Буковина, Закарпатье и Прибалтика. Советское руководство из-за отсутствия продуманной и последовательной эмиграционной политики, принимая решения о выезде евреев из СССР в Израиль, исходило из сложившейся международной обстановки и внутривластной ситуации в стране. Количество человек, выезжавших в соответствии с квотой, менялось несколько раз, создавая трудности в процессе оформления выездных виз. В феврале 1967 г. принимается решение об увеличении квоты до 5 тысяч человек в год «с целью противодействия вражеской пропаганде; освобождения от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков; создания оперативно выгодных для нас условий» [Максименков, 2015, с. 26].

Шестидневная война (июнь 1967 г.) кардинально меняет ситуацию: на долгие годы происходит разрыв советско-израильских дипломатических отношений и прекращение выезда советских евреев в Израиль.

Спустя год после Шестидневной войны начался новый этап корректировки вопроса о выезде, возобновленном в соответствии с квотой. Политбюро столкнулось со значительными трудностями в организации работы «на местах». Анализ сложившейся ситуации и разработка новых подходов к решению проблем еврейской эмиграции были возложены на Ю. Андропова (возглавившего КГБ СССР в мае 1968 г.) и главу МИД СССР А. Громыко. Задачей Ю. Андропова являлась доработка вопроса о квоте для упорядочения приказов ОВИРам, для инструкций выездным комиссиям райкомов и т. д. в масштабах всей страны. Для главы МИДа А. Громыко требовались четкие указания дипломатам: как разъяснять советскую позицию по этому вопросу западным оппонентам, иностранным СМИ и т. д.

Российский исследователь Л. Максименков, детально изучивший вопрос о квоте, считал, что в первую очередь он сводился

к количеству человек, которых можно «выпускать», но в руководстве не было единого мнения по этому вопросу. Так, например, в ходе дискуссии член Политбюро Н. Подгорный, согласившись с квотой, поставил под сомнение её величину, написав на своем экземпляре решения: «За. Но не следует устанавливать квоту в 1500 человек. Стариков можно отпускать без ограничения (если он не специалист). Н. П.» [Максименков, 2015, с. 26].

Проблемы с квотой продолжались. В течение нескольких лет советское руководство, не имея четкой эмиграционной политики, колебалось в размере квоты: то прекращало выезд, то разрешало в размере 1500 человек, затем увеличив до 5000, но через некоторое время вновь снизив до 3000 человек. В результате «на местах», где принимались решения без конкретных инструкций, росло непонимание, недоразумение и путаница. Стремясь перестраховаться, чиновники всё чаще отказывали гражданам, обратившимся за выездной визой в Израиль, тем самым невольно саботируя решения партии по национальному вопросу. В результате в решении Политбюро был сделан вывод о том, что местными органами власти квота «реализуется не в полной мере». С июня по декабрь 1968 г. в ОВИРах из принятых 1097 заявлений на выезд: 496 человек получили разрешение, 601 было отказано. В 1969 г. из 7907 заявлений разрешение получили 2316 человек, 5591 – отказ. Эта тенденция продолжала нарастать: с января по ноябрь 1970 г. среди 3420 человек 753 получили разрешение, а 2667 было отказано в праве на выезд в Израиль [Максименков, 2015, с. 26].

Для разрешения трудностей, связанных с выездом, когда у Политбюро ЦК КПСС сложилось мнение, что бюрократия «на местах» не выполняет принятых решений, поступая по своему усмотрению («одного выпустили, трем отказали»), руководители трех ведущих советских ведомств – Ю. Андропов, А. Громыко, А. Щелоков, всесторонне изучив проблему еврейской эмиграции, пришли к следующим выводам. Сложности связаны с рядом вопросов: во-первых, «на местах» слишком широко трактуют понятие «инженерно-технические работники», нечетко определяя, кто является специалистом; во-вторых, ведется неправильный учет воен-

нослужащих и военнообязанных; в-третьих, произвольно определяется категория «ценные» специалисты, включая всех граждан с высшим образованием и т. д.

В начале 70-х годов на фоне «разрядки международной напряженности «еврейский вопрос», по мнению Л. Максименкова, был важен, постоянно инициировался Западом и возникал в повестке дня различных мероприятий. В двух ведомствах – МИД и КГБ – ему также уделяли пристальное внимание. По линии МИДа существовало «Дело № 46». Внешняя политика. Раздел «Израиль», подраздел «Об эмиграции»; по линии КГБ – «Дело № 18». «Национальные вопросы». Раздел «Об эмиграции евреев и борьба с сионизмом» [Максименков, 2015, с. 26].

Проблема выезда евреев, вопрос о квоте вызывали острые дискуссии в руководстве страны. Рабочая группа в составе Ю. Андропова, А. Громыко, Н. Щелокова, разрабатывавшая вопрос о выезде, представила свою программу из основных четырех пунктов по реализации этого проекта. Во-первых, предлагалось не выпускать «видных деятелей науки, техники и культуры»; во-вторых, людей с допуском к секретной информации и гостайнам разрешалось выпускать через 5 лет «после прекращения служебных (трудовых) отношений с режимными учреждениями»; в-третьих, допускался выезд военнообязанных, кроме летно-технического состава, ракетчиков, подводников и т. п.; и, в-четвертых, отпускать по вызовам из Израиля от дальних родственников (ранее требовались вызовы только от близких родственников), и этот пункт был дополнен комментарием о том, что «в отдельных случаях и без вызовов по заявлению граждан» [Максименков, 2015, с. 26].

Пытаясь планировать эмиграцию как в международном, так и во внутреннем контексте, авторы проекта, как считает Л. Максименков, стремились учитывать его положительные и негативные последствия. Среди нежелательных моментов рассматривалась возможность использования информации для антисоветской пропаганды на Западе о хроническом дефиците, аварийном жилье и т. д.; существовал риск утечки «секретных сведений»; предполагалась вероятность эмигрантских настроений среди немцев, армян, жите-

лей прибалтийских республик и др. Среди положительных аргументов одним из главных был тезис о том, что «расширение канала выезда в Израиль позволит значительно усилить наши разведывательные возможности за рубежом».

Инициатива возобновления выезда евреев из СССР в Израиль на ПМЖ принадлежала Председателю КГБ СССР Ю. В. Андропову и министру иностранных дел А. А. Громыко, направившим 10 июня 1968 г. в ЦК КПСС докладную (секретную) записку. Свою позицию авторы аргументировали тем, что «сионистские лидеры в Израиле, США и Франции продолжают привлекать внимание мировой общественности к вопросу о якобы существующей в Советском Союзе дискриминации лиц еврейской национальности». В июне 1968 г. ЦК КПСС принимает Постановление о возобновлении выезда советских граждан на постоянное жительство в Израиль «с целью локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе» [Еврейская эмиграция, 1998, с. 62]. Значение Постановления состояло в том, что впервые легитимно определялась разрешенная властями эмиграция евреев из СССР в виде квоты на 1968 г. – 1500 человек. В комментариях подчеркивалось, что разрешение следует предоставлять «лицам преклонного возраста, не имеющим высшего и среднего образования»; а среди причин принятия решения о квоте указывались «...давление международной общественности; возможность освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков; и оперативные цели КГБ» [Еврейская эмиграция, 1998, с. 62–63].

В 1970–1980-х гг., учитывая постоянный рост еврейской эмиграции из СССР, советское руководство пыталось регулировать ее законодательным путем, при этом дополняя официальные решения многочисленными условиями, требованиями и подчас противоречивыми указами и постановлениями, на практике замедлявшими выезд в Израиль. Длительный сбор многочисленных документов из различных инстанций; предоставление так называемого «вызова» от родственников из Израйля; материальные расходы в существенном размере (оплата налогов, пошлин, загранпаспор-

тов и т. д.) и при этом преодоление всех бюрократических формальностей затягивали процесс рассмотрения заявлений и принятия решения властями на длительный период. Требования к выезжающим могли меняться властями по мере необходимости, тем самым затрудняя оформление выездных виз. Так, например, в конце 1971 г. СМ СССР специальной инструкцией ввел положение об одновременном отъезде всех членов семьи, но позднее власти уступили выезжающим, наделив персональным правом каждого совершеннолетнего при наличии письменного согласия от оставшихся ближайших родственников [Костырченко, 2008, с. 207].

Среди проблем, рассматриваемых властями, одной из наиболее сложных была проблема отказа в визе по так называемой причине *секретности*. Во многих официальных документах, как, например, в Постановлении Верховного Совета СССР от 22 сентября 1970 г. (№ 801) «Правила въезда и выезда из СССР», власти, предоставляя право каждому человеку покинуть любую страну, в том числе свою Родину, одновременно вносили ограничения в том случае, если выезжавший являлся «носителем секретной информации», разглашение которой могло нанести ущерб государству.

Тема секретности нашла свое дальнейшее развитие в инструкции СМ СССР от 1 января 1972 г. «О порядке выдачи документов советским гражданам, иностранцам и лицам без гражданства на выезд из СССР за границу», в которой содержалось ограничение на выезд для лиц, владевших «...сведениями, составлявшими государственную тайну; и ставших в ходе службы в вооруженных силах носителями военных секретов...» [Морозова, 2011, с. 6–76; Костырченко, 2009, с. 235–236]. В течение многих лет наиболее частой причиной отказа была «причина секретности», под которую попадал очень широкий круг выезжавших евреев, при этом власти настаивали на том, что государственные секреты – внутреннее дело страны, и только государство решает, какие работы или информация и в течение какого срока являются секретными [Морозова, 2011, с. 75].

Помимо причины «секретности» официальные лица отказывали многим выезжавшим по «семейным причинам», требуя нали-

чия справок об отсутствии материальных претензий со стороны родителей и бывших супругов, остававшихся с несовершеннолетними детьми в СССР. При этом представители власти ссылались на выполнение Международного Пакта о гражданских и политических правах (1976 г.) и Хельсинских соглашений по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). Отвечая на вопросы зарубежных журналистов о проблемах советских отказников, высокопоставленные чиновники подчеркивали, что каждая страна вправе защищать свои военные секреты и заботиться о правах стариков и детей [Морозова, 2011, с. 75].

Проблема отказа приобретала международный резонанс; количество отказников росло; многие находились в отказе в течение длительного времени (15 лет и более); борьба отказников за выезд в Израиль, набирая силу, превратилась в движение за еврейскую эмиграцию, лидеров и участников которого поддерживали зарубежные сионистские организации.

В феврале 1976 г. на XXV съезд КПСС лидеры отказного движения направили результаты опроса 500 отказников: для 210 человек причиной отказа была государственная секретность; у 160 – отказ в связи со службой в армии; 22 – из-за секретности родственников; 16 – из-за отсутствия справки от родителей по материальным претензиям; 10 – их отъезд не являлся «воссоединением семей»; у 4 – родственники не вернулись в СССР (из зарубежных поездок); 3 – сочли очень ценными специалистами, которых надо оставить; у 48 – отказ был без объяснения причин [Морозова, 2011, с. 70].

Эмиграционная политика брежневского руководства носила двойственный, противоречивый характер: несмотря на улучшение динамики в начале 1970-х гг., по данным МВД, разрешения на выезд получили в 1970 г. 992 человека, в 1971 г. – 13 700, в 1972 г. – 29 800, в 1973 г. – 35 800 [Морозов, 2007, с. 478]. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 3198-VIII от 3 августа 1972 г. «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение» были затруднены советско-американские отношения, что привело к ограничению контактов СССР с Запа-

дом [Дёнингхаус, Савин. 2012, с. 105–110; Дёнингхаус, Савин. 2013, с. 130–159]. Одновременно с Указом Совет Министров СССР одобрил Постановление с Инструкцией, установившее нормативы компенсации, а также условия частичного или полного освобождения от «налога на дипломы». Так, например, для выпускников МГУ им. М. В. Ломоносова сумма компенсации составила 12 200 руб.; за дипломы институтов искусств (консерватории, театральные и др.) – 9600; медицинские (стоматологические и др.) – 8300; инженерно-технические, высшие военные учебные заведения – 7700; сельскохозяйственные, экономические, юридические, педагогические и др. – от 5600 до 4500 руб. Кандидаты и доктора наук с присвоенной ученой степенью должны были уплатить 5400 и 7200 руб. соответственно [Собрание постановлений правительства. 1973. № 1, с. 11; 12–14. (Инструкция)].

В ответ на введение «налога на образование» в Конгрессе США была принята *поправка сенатора Генри Мартина Джексона и конгрессмена Чарльза Вэника к Закону о торговле 1974 г.* Эта законодательная норма устанавливала свободу эмиграции из государств с нерыночной экономикой в качестве условия предоставления им статуса «наиболее благоприятствуемой нации» (*most favored nation* – MFN) в торговле с США. Традиционно поправка рассматривается как один из факторов, препятствовавших развитию политики разрядки международной напряженности и приведших к ее свертыванию. Ограничительные нормы, установленные поправкой, сохраняли свою юридическую силу в течение многих лет после окончания холодной войны и были отменены только в декабре 2012 г. вместе с принятием так называемого «закона Магнитского» [Юнгблуд, Ильин, 2020, 13(2), с. 7–8].

Среди причин введения налога в крайне неподходящий период для СССР можно назвать как бюрократическую нестыковку советского партаппарата, так и стремление предотвратить «утечку умов» в Израиль и укрепление его военного потенциала с ущербом для арабских стран [Юнгблуд, Ильин, 2020; Морозов, 2007]. Резкая реакция Л. И. Брежнева наглядно продемонстрировала на заседании Политбюро ЦК КПСС 20 марта 1973 г. как его

недовольство срывом разрядки советско-американских отношений, так и его безразличие и равнодушие к судьбам евреев-эмигрантов. Иллюстрацией к позиции Л. И. Брежнева могут служить выдержки из его высказывания на заседании Политбюро: «...приостановить взимание налогов, не отменяя закон ... сионисты разожгли кампанию вокруг поправки Джексона ... надо отпускать ... 500 второстепенных лиц ... пусть говорят, что с них ничего не взяли ... пару инженеров с высшим образованием, не имеющих ... отношения к секретам ... пускай едут бесплатно. Это временный тактический маневр», и далее «...можно отобрать много стариков, и если среди них пропустите 150 инженеров из сферы обслуживания, то ничего не случится»; «...в этом месяце отпустить одну партию – 100 чел., затем вторую – 100 чел., третью – 100 чел. и не брать с них налогов, включить несколько второстепенных специалистов – вот о чем идет речь» [«Как выпустить из кармана еврейский вопрос». 1996/1(20). С. 156–157].

В ходе острой дискуссии Брежнев предложил компромиссный вариант в решении проблемы «налога на образование»: «Указ правильный, а инструкции неправильные». В результате без отмены закона сбор налога был приостановлен окончательно с 20 марта 1973 г. по устному решению Л. И. Брежнева. Вместе с тем до принятия этого решения в 1972 г. 912 евреев с высшим образованием, выехавшие в Израиль, возместили затраты на образование в размере 4 млн 427 тыс. руб., а за два месяца 1973 г. 393 эмигранта заплатили 1 млн 561 тыс. руб [«Как выпустить из кармана еврейский вопрос». 1996/1 (20). С. 156; Цена советского ВУЗа, 2019].

Новый этап в развитии эмиграционного законодательства связан с приходом к власти М. С. Горбачева, процессом перестройки, гласности и демократизации общества. Соблюдение прав человека и демократические нормы требовали от руководства страны изменения и упрощения правил выезда граждан за границу вплоть до снятия всех ограничений на эмиграцию. Одновременно в этот период происходят кардинальные изменения в советской ближневосточной политике: постепенный отход от ориентации на арабские страны и налаживание контактов с Израилем с целью восста-

новления дипотношений. На всех предварительных советско-израильских встречах и переговорах израильская сторона постоянно затрагивала вопрос о еврейской эмиграции. В конце 1980-х гг. разрешение на выезд получили 10–12 тыс. человек, в 1987 г. 8 тыс. человек выехали в Израиль, в 1988 г. это число удвоилось, затем резко возросло до 10 тыс. человек в месяц [Васильев, 2018, с. 309].

28 августа 1986 г. СМ СССР внес специальное дополнение в указ 1970 г. о порядке рассмотрения въезда и выезда в (из) СССР, существенно упростившее процедуру выезда из страны с целью воссоединения семей, и впервые в открытом документе такого уровня были зафиксированы необходимая для воссоединения степень родства и обязательства перед членами семей, остающимися в СССР. В результате в 1987–1988 гг. все существовавшие запреты на эмиграцию были сняты, и отказники получили разрешение на выезд в Израиль [Морозов, 2007, с. 481].

Право свободного выезда и въезда из (в) СССР было окончательно закреплено в Законе СССР от 20 мая 1991 г. № 2177–1, отменившем указы от 17 февраля 1967 г. (о лишении советского гражданства лиц, выезжающих на ПМЖ в Израиль), и от 3 августа 1972 г. (о компенсации затрат на образование). Свободная эмиграция евреев из СССР в Израиль приняла цивилизованный характер, сняв с «повестки дня» и кардинально разрешив «еврейский вопрос».

§ 2. Шестидневная война (1967 г.) и ее влияние на евреев в СССР

Шестидневная война (1967 г.) между Израилем и соседними арабскими государствами (Египтом, Сирией, Иорданией) изменила облик ближневосточного региона и привела на многие годы к разрыву советско-израильских отношений. В конфликте 1967 года СССР, оказывая как политическую, так и военную поддержку арабским странам, определял Израиль как «пособника империализма», «агрессора», «агента международного сионизма» и т. д. В конце 1960-х гг. происходит повсеместное нагнетание антиизраильских

и антисемитских настроений; появляются многочисленные публикации в СМИ, «разоблачавшие происки Израиля и международного сионизма», в которых авторы не делали различий между сионистами и евреями. Более чем на год была приостановлена выдача выездных виз в Израиль.

Влияние Шестидневной войны на национальное «пробуждение» советских евреев

В результате советской антиизраильской пропаганды и яростного «разоблачения сионизма» были затронуты национальные чувства многих евреев, и даже те, кто был «...настроен против сионизма, не могли не чувствовать себя неуютно в связи с постоянными нападками в прессе, по радио и телевидению» [Гительман, 2008, с. 244]. В еврейской среде начал усиливаться протест против политики советского руководства: в средства массовой информации и партийные организации стали поступать многочисленные открытые письма протеста с требованием прекращения официального антисемитизма. Так, например, в феврале 1968 г. коллективная петиция 26 представителей еврейской интеллигенции была направлена Первому секретарю ЦК КП Литвы А. Снечкусу, в которой подчеркивалось, что антиизраильская пропаганда вызывает антисемитские чувства «среди определенных слоев населения» и выдвигались требования: положить конец антисемитизму, увековечить память жертв Холокоста в Панеряе (Вильнюс) и Девятом Форте (Каунас) и позволить желающим выехать в Израиль [Евреи и еврейский народ, 1973, с. 1–4].

Клеветническая кампания, обрушившаяся на Израиль, вызвала у части евреев, по мнению французского исследователя С. Весье, «чувство глубокой горечи и стыда», впервые они ощутили «неразрывную связь» с израильтянами, и «победа Израиля показала советским евреям, что они не обречены вечно быть жертвами» [Весье, 2015, с. 253]. Шестидневная война дала импульс еврейскому движению, как считает известный правозащитник Л. М. Алексеева, победу Израиля советские евреи «... пережили... особенно остро, она подняла их самоуважение, ... свидетельствовала о воинской

доблести их народа», при этом был дан отпор антисемитским заявлениям о том, что во время войны с фашистами евреи якобы «отсиживались» в тылу [Алексеева, 1992, с. 116–117].

В работах зарубежных и отечественных исследователей большое внимание отводится роли и значению Шестидневной войны как поворотному этапу в развитии отношений между советской властью и евреями; подчеркивается влияние победы на усиление их национального самосознания, гордости и чувства солидарности с Израилем [Подробнее см.: Рои Я., Гительман Ц., Весье С., Бейзер М., Пинкус Б., Морозов Б., Юхнёва Н., Кошаровский Ю., Алексеева Л. и др.].

Многие исследователи сходятся во мнении, что Шестидневная война произвела впечатление «шока» и «эйфории»; вызвала подъем сионистских настроений и придала новый импульс борьбе за выезд из СССР. По мнению израильского историка Б. Пинкуса, многие формы сионистской деятельности, как и само еврейское движение, существовали до 1967 года (выпуски самиздата; работа ульпанов; домашние семинары; ограниченный выезд в Израиль к ближайшим родственникам и др.), вместе с тем Шестидневная война сыграла роль «катализатора, приведшего к созданию массового еврейского движения, ориентированного на репатриацию» [История евреев России. 2005, с. 616].

У многих евреев в этот период возникало чувство тревоги, протеста, стремления безотлагательно покинуть СССР. Анализируя новые тенденции в среде советского еврейства, на XXVIII Всемирном Сионистском конгрессе (январь 1972 г., Иерусалим) один из участников Д. Гилады подчеркивал, что если у евреев до июня 1967 г. были иллюзии о возможности существования с советской властью, то в дальнейшем «... они осознали, что правительство идентифицирует себя с теми, кто хочет уничтожить Еврейское государство... и поняли, что не смогут жить при этом режиме». В результате, испытывая чувство гордости за победу Израиля в Шестидневной войне, евреи столкнулись с необходимостью выбора между двумя противоборствующими сторонами, у одних рост еврейского национального сознания сопровождался разоча-

рованием собственным положением в советском обществе; других война заставила задуматься о своей национальной идентичности и статусе в советской системе [Гительман, 2008, с. 242–243].

В конце 1960-х гг. у части советских евреев происходит усиление израилюцентристских настроений, зародившихся еще в период создания Государства Израиль (1948 г.). По данным архивных материалов, это событие породило у них большие надежды, вызвало прилив национальной гордости; образ Израиля стал неотъемлемым компонентом в еврейском национальном сознании даже в годы активных антисемитских репрессивных кампаний. Так, например, в 1948 г. в связи с созданием Государства Израиль были предприняты попытки проведения многолюдных торжественных богослужений в ряде городов – Одессе, Львове, Ужгороде, Черновцах, а также в райцентрах бывших местечек (Комаргоры, Мясковка, Гайсин, Черновцы, Чечельник и др.) [Шестидневная война, 2008, с. 34]. В Москве массовые стихийные демонстрации сопровождали прибытие Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра Израиля Г. Меир, в частности, при посещении в 1948 г. Московской хоральной синагоги. В 1950–1960-х гг. для советских евреев само существование Израиля и его дальнейшие достижения во многих областях (технической, военной, научной и др.) сыграли позитивную роль в развитии еврейского национального сознания [Ro'i, 2003, p. 25].

В записке ЦК КП Украины «О так называемом «еврейском вопросе» в УССР от 24 апреля 1969 г.» подчеркивалось, что начиная с 60-х годов в местах массового уничтожения евреев: на месте Черновицкого гетто, в Дробицком Яре под Харьковом, и, особенно, в Бабьем Яре в Киеве проходили митинги памяти, постоянно перераставшие в демонстрации солидарности с Израилем. В этот период оперативные документы КГБ при Совмине УССР фиксируют и информируют партийные органы о настоящем взрыве «сионистских» (произраильских и патриотических) настроений во многих городах Украины [Шестидневная война, 2008, с. 32–34].

По оперативным данным, в конце 1960-х годов особенно напряженная обстановка сложилась на Украине (в Закарпат-

ской, Львовской, Черновицкой областях), где протест выливался в публичные выступления с требованиями свободы выезда в Израиль, прекращения дискриминации по национальным признакам и антисемитских кампаний [Беленькая, Зингер, 2004, с. 122].

В июне 1967 г. группа черновицких евреев обратилась с просьбой о разрешении на выезд в Израиль, аргументируя тем, что они хотят быть с родиной, которую с «...муками удалось добыть в 1947 году (резолюция ГА ООН 181/II о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское – *И.М.*)» и поэтому они «должны отстоять свое Отечество, ... единственное, которое может приютить и дать опору» [Шестидневная война, 2008, с. 33–34].

В мемуарах, воспоминаниях, интервью многих активистов еврейского движения «красной нитью» проходит мысль о том, что им была «близка судьба Израиля», и возникло ощущение, что они принадлежат к народу, «героически сражавшемуся против ... превосходящих сил за свою страну» [Морозова, 2011, с. 36–37]. По мнению одного из активистов еврейского движения – востоковеда М. Занда, пришло осознание, что «Шестидневная война – война за существование нашего народа» (хотя до событий 1967 г. у многих евреев была иллюзия сосуществования евреев и советской власти внутри СССР). На примере Шестидневной войны, по мнению М. Занда, «... советское государство ... стало союзником тех, кто провозгласил своей целью уничтожение еврейского государства» и в результате подавляющее большинство советских евреев пришли к выводу, что «... нет возможности сосуществования между советским правительством и евреями с национальным самосознанием» [Zand, 1971, p. 4].

Шестидневная война ознаменовала новый этап в развитии еврейского движения за выезд в Израиль с одной стороны, и отношений между советской властью и евреями, с другой. Процесс трансформации отношения советского руководства к проблеме еврейской иммиграции в Израиль был длительным и крайне противоречивым. «Советская власть, – писал израильский исследователь Я. Рои, – никогда не признавала право евреев на репатриацию в Израиль, по крайней мере до 1989 г., так как Москва не при-

знавала Израиль исторической родиной своих граждан еврейского происхождения» [Еврейская эмиграция из России. 2008, с. 187]. Советское руководство применяло различные методы подавления еврейского национального движения.

В результате антисемитских компаний 1940–1950-х гг. сформировалась полуофициальная легитимизация взглядов, согласно которым евреи представляют собой национальную общность, имманентно нелояльную властям, и, как следствие, евреям было отказано даже в минимально допустимых для других этносов проявлениях «национальной социалистической культуры»; любые признаки еврейства (традиционная символика, музыка, праздники и т. д.) считались проявлениями «буржуазного национализма» и произраильских настроений [Шестидневная война, 2008, с. 20]. В середине 1960-х гг. в советском обществе постепенно появляются новые идеологические тенденции: крайне левые, либеральные, националистические и др., и одним из компонентов после- сталинского возрождения гражданского общества со всем его идейным и социальным разнообразием становится возрождение и усиление еврейского национального самосознания [Простаков. Как Шестидневная война решала еврейский вопрос]. Во второй половине 1960-х гг. после краха демократических иллюзий, порожденных так называемым периодом «оттепели», происходит поиск новых ценностей; и для части евреев эти ценности – национальные [Юхнева, 2008, с. 151]. Если после создания Государства Израиль (1948 г.) советская еврейская молодежь, добровольно стремившаяся бороться на стороне Израиля в Войне за независимость, была убеждена, что не существует противоречия между их отношением к СССР и стремлением оказать помощь Израилю, то в 1967 году ситуация стала критической: евреям необходимо было выбрать одну из сторон. Шестидневная война «... стала водоразделом, и евреи, сознательно сделавшие выбор в пользу Израиля, понимали, что достигли точки невозврата»; проявляя солидарность с Израилем, они ставили себя за рамки советской системы, руководство которой требовало проявления тотальной лояльности по отношению к себе и своей идеологии [Ro'i, 2003, p. 16].

В результате в 1960–1970-х гг. – период усиления еврейской эмиграции – советскому руководству пришлось признать, что «эмиграция становится новым выбором» советского еврейства, и евреи, решившиеся на выезд из страны и добившиеся права осуществить свой выбор, по сути, «представляли собой в эти годы единственную массовую оппозицию режиму» [Алексеева, 1992; Лазарис, 1981].

Борьба евреев за выезд в Израиль после Шестидневной войны

После разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем произошел рост антиизраильских и антиссионистских настроений, что, в свою очередь, дало мощный импульс еврейскому национальному движению и усилению борьбы за выезд в Израиль.

Еврейская эмиграция стала актуальной проблемой на международном уровне. Советские евреи активизировали борьбу за выезд в Израиль на всех направлениях: обращаясь за помощью не только к советским властям, но и в ООН, к лидерам зарубежных государств с петициями о предоставлении права на эмиграцию в соответствии с гарантиями, предусмотренными Всеобщей декларацией прав человека и Хартией ООН. Массовые заявления на выезд поступали из всех регионов и городов СССР (Рига, Вильнюс, Киев, Москва, Ленинград и др.); петиции и манифесты с требованиями разрешения выезда подписывались иногда целыми семьями или жителями одного района, как например, в Грузии; многочисленные заявления также приходили из Молдавии, Прибалтики, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и других республик [Масюкова, 2016, с. 294–299].

В конце 1960-х – начале 1970-х годов число эмигрантов росло в геометрической прогрессии, среди подписывавших требования, петиции, просьбы на выезд были представители различных социальных слоев – от рабочих – до академиков: цепочки мигрантов, соединенных родственными и дружескими узами, становились все длиннее, разворачиваясь по всей стране и охватывая десятки тысяч людей [Гительман, 2008, с. 250].

В конце лета 1967 г. и в последующий период (по информации, поступавшей в центральные органы власти из различных регионов со значительным еврейским населением) на ОВИРы обрушился поток заявлений и просьб о выезде в Израиль, в некоторых регионах (на Украине, в Литве) происходили стихийные публичные выступления. В отчете, подготовленном в 1972 г. руководителями силовых ведомств Украины для Секретаря ЦК КПУ В. В. Щербицкого, подчеркивалась повсеместная тенденция, когда на требования администрации предприятий евреи все чаще отвечали «угрозами выезда и в большинстве случаев отстаивали свои права» [Шестидневная война. 2008, с. 35].

Во многих регионах СССР происходит самоорганизация и возрождение еврейского движения: регистрация и появление неформальных еврейских объединений (сионистский клуб в г. Харькове); группы организаторов движения за выезд евреев из СССР раскрыты КГБ в Киеве, Харькове, Одессе; «комитеты» сионистских активистов в Ленинграде; группы в Риге и др. В 1969 г. в Москве проводилась встреча представителей сионистских групп Москвы. Ленинграда, Киева, Риги, Тбилиси, на которой была достигнута договоренность о создании Всесоюзного комитета для координации сионистской деятельности с проведением дальнейших совещаний (ноябрь 1969 г. в Риге, январь 1970 г. в Киеве, июнь 1970 г. в Ленинграде). Летом 1970 г. состоялся съезд активистов еврейского движения (Одесса) с организацией семинаров по изучению иврита, еврейской истории и традиций [Шестидневная война. 2008, с. 27].

Характерной особенностью еврейской эмиграции в конце 1960-х – начале 1970-х гг. явилась впервые в истории СССР ее официальная легитимизация. Как подчеркивает исследователь С. Хейтман, эта «волна» являлась «...беспрецедентным эмиграционным событием в Советском Союзе, была уникальна, своеобразна и единственна в своем роде, поскольку впервые с 1917 года – это добровольная, организованная и разрешенная властями эмиграция из СССР тех советских граждан, которые сами этого пожелали» [Heitman, 1987, р. 20]. На протяжении многих лет происхо-

дила трансформация позиции советского руководства к проблеме эмиграции: от сталинского периода (когда эмиграция из СССР приравнивалась к измене Родине и соответственно жестоко каралась) до постепенного официального разрешения на выезд (со многими условиями и оговорками) в 1968 г.

В этот период в СССР процесс разрядки в отношениях между Востоком и Западом позитивно влияет на позицию советских властей в вопросе эмиграции. Парадоксальность ситуации состояла в том, что, несмотря на разрыв дипотношений между Израилем и СССР, антиизраильскую и антиссионистскую политику советского руководства, впервые кардинальные изменения произошли в подходе к вопросу еврейской эмиграции, придав ей законный характер.

По оценке исследователя истории советского еврейства М. Альтшулера вопрос о воссоединении семей стал постепенно перед высшими кругами партийного руководства в период усиления внешнего давления на СССР [Altshuler, 1995, р. 57–58]. Израильский историк Я. Рои, анализируя открывшуюся после Шестидневной войны возможность покинуть СССР, считает, что это – центральное и закономерное «событие в истории послевоенной борьбы за эмиграцию советских евреев», – борьбы, которую вел Израиль совместно с еврейскими общинами и лидерами демократических стран мира [История евреев России, 2005, с. 617].

В докладной (секретной) записке от 10 июня 1968 г., подготовленной Председателем КГБ СССР Ю. Андроповым и министром иностранных дел А. Громыко для ЦК КПСС, обосновывалось возобновление выезда «советских граждан еврейской национальности на постоянное жительство в Израиль». По оперативным данным за четыре месяца 1968 г. (с сентября по декабрь) в ОВИРы было подано около 7 тыс. заявлений, но разрешение получили всего 379 человек [Беленькая, Зингер, 2004, с. 132–133]. Большой поток заявлений захлестнул регионы с компактным проживанием еврейского населения: Украина (Закарпатская, Львовская, Черновицкая области); районы Грузии, Прибалтики и др. В конце 1960-х гг. еврейское движение за выезд в Израиль значительно усилилось:

митинги протеста с обвинением властей в антисемитизме и требования свободы эмиграции получили международную огласку.

Во время встреч представителей еврейского движения и советских властей каждая из сторон всё больше убеждалась в невозможности конструктивного диалога. Фактически власти считали любую исходящую снизу еврейскую инициативу провокацией, инспирированной Израилем и Западом [*Кошаровский*, 2007, т. 3, с. 116–142; *Лазарис*, 1981, с. 123–131].

В течение 1969 г. число обратившихся к родственникам в Израиль с просьбой прислать вызов достигло 27 тыс. человек. В том же году ОВИР СССР выдал 2673 разрешения на выезд [*Беленькая, Зингер*, 2004, с. 136]. В справке КГБ, представленной в ЦК КПСС о враждебной деятельности сионистских элементов внутри страны, дается развернутый анализ действий «еврейских националистов и сионистов» с 1967 по 1974 г., и усиление этой активности рассматривается как следствие победы Израиля в войне 1967 года [Шестидневная война, 2008, с. 28]. Справедливо, на наш взгляд, определение еврейской эмиграции из СССР, происходившей после Шестидневной войны как «сионистской эпопеи», перешедшей на новую стадию в эволюции «от островков сионизма к организованному движению, в котором участвуют массы» [История евреев России. 2005, с. 617]. Еврейская эмиграция из СССР в Израиль постепенно проделала путь от «евреев молчания» (по определению писателя Э. Визеля) до «евреев надежды» (по мнению английского историка М. Гилберта) и ее динамика неуклонно увеличивалась: в 1971 г. в Израиль прибыло 12839 человек, в 1972 г. – 31652, в 1973 г. – 33277 [*Gur-Gurevitz*, 1995, p. 6] (см. табл. 1). Несмотря на то, что еврейские активисты, выступавшие за свободу эмиграции, неоднократно подчеркивали, что не желают вмешиваться во внутренние дела СССР, их многолетняя напряженная борьба за выезд в Израиль превращалась в часть борьбы за демократизацию страны. Последующие социально-политические изменения в советской системе; восстановление дипломатических отношений с Израилем привели к нормализации эмиграционного процесса.

§ 3. Усиление эмиграционных настроений: поддержка и роль Запада

Борьба евреев за эмиграцию из СССР, ее результат и масштабы были бы невозможны без эффективной поддержки со стороны международных сионистских организаций, правящих кругов Израиля, США и стран Запада. Благодаря их целеустремленной многоуровневой деятельности проблема дискриминации евреев в СССР, борьба за свои национальные права и за выезд из страны вышла на международный уровень и стала рассматриваться в контексте борьбы за права человека как в ООН, так и на различных международных форумах и конференциях; саммитах глав государств; международных конгрессах и совещаниях по вопросам национального равноправия, противодействия дискриминации и антисемитизму.

Израильское руководство, убедившись в невозможности развернуть масштабную сионистскую пропаганду внутри СССР, использовало широкую и всестороннюю поддержку (политическую, интеллектуальную, финансовую, общественную и др.) США и ведущих западных стран [Костырченко, 2012, с. 296–310]. Значительный вклад в разработку стратегии и тактики борьбы за евреев в СССР как внутри страны, так и на международном уровне внесли израильские спецслужбы. В 1950-х годах в МИДе Израиля появился специальный «Русский Отдел» по инициативе Н. Леванона, а также спецслужба Натив с агентурой в СССР и странах Запада. Стратегия Натива состояла в долгосрочной борьбе за евреев СССР, при этом тактические задачи заключались в постоянной демонстрации на международном уровне нарушения прав и дискриминации советских евреев; в необходимой помощи для развития еврейской культуры, образования, языка, религии; в борьбе за воссоединение семей и выезд из СССР [Прохоров, 2002, с. 178–199; Костырченко, 2012, с. 296–322; Натив. Долгий путь. 2021].

В начале 1956 г. при содействии израильских спецслужб американский журналист Леон Кристал опубликовал сенса-

ционное раскрытие сталинской расправы с известными деятелями еврейской культуры. Во второй половине 1950-х гг. представители Натива (во Франции – посол Израиля М. Розен – затем посол в США; в Лондоне – Э. Литвинов, в Нью-Йорке – Б. Элиав) внесли вклад в привлечение внимания мировой политической и культурно-общественной элиты к еврейской проблеме в СССР. В 1956 г. Э. Литвинов сумел побывать в Москве и встретился с главным раввином Шлифером; в 1958 г. при поддержке Э. Литвинова был создан журнал, освещавший проблемы евреев в странах Восточной Европы («Jews in Eastern Europe»). Параллельно в этот период Э. Литвинов привлек к масштабным акциям в защиту советских евреев Б. Рассела, Ж.-П. Сартра, а также лидера британских лейбористов Х. Гейтскела и других видных западных политиков. Одновременно в 1956 г. Б. Элиав, совершив вояж в Латинскую Америку, способствовал публичному выступлению лидера радикальной аргентинской партии Артуро Фрондиси (1958–1962 гг. – президент Аргентины) в поддержку свободной эмиграции евреев (*Ro'i*, 1991, p. 110–111).

Решающим моментом в конце 1950-х гг. в борьбе за выезд евреев из СССР в Израиль и защиту их прав стало принятие Исполкомом Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) резолюции (Лондон, май 1957 г.), обязывавшей все международные еврейские организации включиться в совместную компанию в поддержку советских евреев и их прав на эмиграцию из СССР в Израиль. На заседании ВЕК его президент Н. Гольдман в обращении к мировому еврейству призвал «поставить на повестку дня еврейский вопрос в России» и 20 мая 1957 г. обратился с открытым письмом к советскому правительству о необходимости возрождения еврейской культуры в СССР [*Костырченко*, 2012, с. 305]. Незадолго до этого обращения 3 апреля 1957 г. с характерным заявлением, поддерживающим позицию ВЕК, выступил премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион, осудивший процесс ассимиляции в СССР, который «...давит на евреев уже более 40 лет, и молодежь, воспитанная этим строем, не знает ни одного слова на иврите и не имеет связи с еврейским миром...» [*Костырченко*, 2012, с. 305].

18 июня 1959 г. в Комиссию по правам человека при ООН был представлен Отчет о том, что позиция Кремля стала еще жестче в сфере свободы отправления культа. В стране не только не прекратилось закрытие синагог, но началось повсеместное уничтожение еврейских кладбищ, включая мемориалы жертвам Холокоста.

В ответ на акты вандализма и надругательства над памятью жертв нацизма активисты еврейского движения организовали акции протеста, за что были подвергнуты аресту по стандартному обвинению в сионистской деятельности. В представленном отчете подчеркивалось, что в отношении евреев позиция Москвы была продиктована не столько желанием покончить с иудаизмом, сколько политическими соображениями, как писала газета «Нью Йорк Таймс» в июне 1959 г. В Минске (декабрь 1958 г.) арестовали 8 студентов по обвинению в создании сионистской организации; аналогичные аресты – в Кишиневе, Бендерах (Молдавия) и других городах. В статье, опубликованной в «Джуиш Кроникл» (21.08.1959), говорилось о политике советской власти, которая «...следуя запрету Сталина на существование еврейских организаций и любых форм еврейской национальной жизни, пытается ликвидировать последние проявления того, что может быть названо «еврейской общинной жизнью в Советском Союзе». В условиях отсутствия каких бы то ни было еврейских институтов, синагога превращается в единственный центр, где евреи, собираясь, имеют возможность самоидентифицироваться со своими соплеменниками...» [Беленькая, Зингер, 2004, с. 88–89].

После разгрома в 1957–1958 гг. сионистских групп появились новые группы среди ассимилированной молодежи в Москве, Свердловске, Кутаиси, Тбилиси, Баку, Риге, Челябинске и других городах. Главной задачей одной из центральных групп Дольника-Маргулиса являлось пробуждение национального еврейского самосознания путем распространения правды о Холокосте, сталинском терроре, государственном антисемитизме и ассимиляции, а также о борьбе за право на беспрепятственную репатриацию в Израиль [Беленькая, Зингер, 2004, с. 91].

В середине 1960-х годов еврейские активисты приступили к созданию организаций нового типа, в которых индивидуальное членство и взносы были обязательны, а деятельность регламентировалась уставом и программой. Осенью 1966 г. в Ленинграде одна из первых подпольных сионистских организаций с уставом, членскими взносами, сетью ульпанов (преподавание иврита, связь с сионистскими группами в других городах) была создана по инициативе и возглавлялась С. Дрезнером, Г. Бутманом, В. Могиленвером, Д. Черноглазом, А. Гольдфельдом. Большое внимание в ее работе уделялось подготовке и распространению неподцензурной литературы, созданию редакционно-издательского совета [*Беленькая, Зингер*, 2004, с. 123–124].

Исследователь и активный участник событий – ленинградец М. Бейзер считает, что в Москве, в отличие от Ленинграда, инициатива чаще исходила от старших и более опытных сионистов, прошедших лагеря и тюрьмы, таких как М. Гельфонд, В. Свечинский, Д. Хавкин, И. Минц (*История еврейского народа в России*, 2017, т. 3, с. 328). В дальнейшем, как вспоминал ветеран сионистского движения М. Гельфонд, «...противоречивая эмиграционная политика властей не устраивала представителей еврейского национального движения и ... сионисты приняли решение еще больше драматизировать проблему выезда» [*Беленькая, Зингер*, 2004, с. 133]. Одновременно стали поступать заявления о выезде в Израиль со всех концов страны: из Грузии, Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и других регионов, а также петиции и манифесты по вопросам равноправия евреев в различных областях. Число желающих выехать в Израиль росло быстрыми темпами.

Во второй половине 1960-х гг. Израиль развернул кампанию в поддержку советских евреев, в основе которой был секретный план, разработанный израильским МИДом (середина июля 1966 г.), согласно которому предусматривалось использование ООН и других международных организаций для мобилизации мирового общественного мнения. В режиме non-stop должна была проводиться вся деятельность – как важнейшая политико-дипломатическая задача, и в этой связи предусматривалось подключение

ние поддержки со стороны организации Натив [Беленькая, Зингер, 2004, с. 125].

Секретная израильская служба Натив в эти годы стремилась всеми способами организовать контакты с советскими евреями и активизировать эмиграцию из СССР, используя для прикрытия посольство; проводя активную работу во время международных фестивалей, конференций, книжных ярмарок, выставок, спортивных соревнований, а также прибегая к помощи участников культурного обмена, туризма, через контакты с родственниками и т. д. [Север, 2011]. По мнению посла СССР в США М. А. Меншикова, ВЕК стремилась к «распространению сионизма в СССР», что нашло конкретное подтверждение в последующие годы.

Начало 1960-х гг. связано с резкой критикой и обвинениями в адрес СССР в нарушении прав человека, требованиями национального равенства советских евреев. По инициативе международных еврейских организаций в Париже (сентябрь 1960 г.) состоялась первая международная конференция с участием представителей из 14 стран, посвященная положению евреев в СССР и решению еврейской проблемы. Участники форума выработали позицию, которая способствовала принятию на очередной сессии ЮНЕСКО (декабрь 1960 г.) Конвенции, констатирующей обязанность стран-членов ЮНЕСКО уважать «право национальных меньшинств на образовательную деятельность, включая создание школ и обучение на родном языке». (СССР ратифицировал Конвенцию в августе 1962 г.) [Sherman, 10 October, 1960; Беленькая, Зингер, 2004, с. 90]. Центральным событием в борьбе за права евреев стал XXV конгресс ВСО (Иерусалим, 27.12.1960–11.01.1961 г.), проходивший под лозунгом «Алия», призвавший евреев во всем мире к иммиграции в Израиль. Конгресс подчеркнул, что созданная правовая база лишила Советский Союз возможности игнорировать требования о неукоснительном соблюдении национальных и религиозных прав еврейского национального меньшинства [Беленькая, Зингер, 2004, с. 90]. Участники конгресса, подробно проанализировав аналитические материалы сотрудников Натива о ситуации в СССР внутри еврейской общины

в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (сбор у синагог до 10 тыс. человек в дни еврейских праздников – как верующих, так и неверующих, в том числе и молодежи – в Москве, Киеве, Ленинграде и других городах для демонстрации солидарности с еврейским народом), пришли к выводу об усилении сионистских настроений среди советских евреев.

В связи с этим Конгресс констатировал необходимость принятия международного юридического акта, гарантировавшего право на свободу передвижения и контактов, учитывая положение евреев в СССР. На следующем очередном XXVI Конгрессе ВСО (конец 1964 – начало 1965 гг.), проходившем под лозунгом: «Лицом к диаспоре», была поставлена основная задача развития национального самосознания (в первую очередь среди еврейской молодежи) и подготовки их к эмиграции [Jerusalem Post. 1964, 31 December; 1965, 3 January. Архив Еврейского телеграфного агентства: URL: <http://archive.jta.org>]. Мощная кампания в защиту советских евреев развернулась на международном уровне; в начале 60-х гг. проводились регулярные конференции: в Париже (1960, 1961, 1964), в Риме (1961, 1963), в Лондоне (1961), в Рио-де-Жанейро (1961), в Нью-Йорке (1963), в Вашингтоне (1964) [Говрин, 1994, с. 230–233].

Для первой половины 1960-х годов характерны новые тенденции в развитии как международного сионизма, так и еврейского движения. В марте 1963 г. в Иерусалиме на ежегодном собрании Совета ВСО (The Zionist General Council) были подведены итоги дискуссии за длительный период (с 1953 по 1961 гг.) о месте и роли сионизма в процессе складывания взаимоотношений Израиля с зарубежными еврейскими общинами. Анализируя новые тенденции в отношениях с диаспорой, президент ВСО Н. Гольдман в своем докладе сделал вывод о том, что идеология классического сионизма исчерпала себя и не удовлетворяет целям и задачам движения; с появлением Израиля антисемитизм не исчез, но перестал быть главной угрозой физическому существованию еврейского народа. Основная проблема, по мнению Н. Гольдмана, в настоящий момент – это угроза ассимиляции евреев в диаспоре, и, чтобы этот процесс не стал необратимым, необходимо «<...> связать народ

с новым центром еврейской нации – Государством Израиль, главным источником <...> воспитания у молодого поколения еврейского самосознания и желания оставаться евреем» [Беленькая, Зингер, 2004, с. 119].

Характеризуя отношение советских властей к евреям, Н. Гольдман подчеркивал, что «... в СССР в отличие от демократических стран, ассимиляция – государственная политика», и, следовательно, одной из стратегических задач государства Израиль является «... защита национальных интересов советского еврейства под лозунгом предоставления ему таких же личных, культурных и религиозных прав, как у других народов страны» [Беленькая, Зингер, 2004, с. 119–120]. Государство Израиль, чтобы противостоять ассимиляции, должно развернуть, как считал председатель ВСО, прежде всего в России и странах Восточной Европы, широкую пропаганду национальных духовных ценностей и особенно алии, в противном случае она просто иссякнет [Беленькая, Зингер, 2004, с. 119–120; Говрин, 2004, с. 214, 225].

В начале 1960-х г. активную кампанию на международном уровне в знак солидарности с советскими евреями организуют западные СМИ: в октябре 1963 г. в международном центре Карнеги (Нью-Йорк, США) прошла конференция солидарности с советскими евреями с участием Мартина Лютера Кинга, известного американского драматурга и писателя А. Миллера, американского сенатора Г. Лемана, канадского активиста коммунистического движения Д. Солсберга и др. [Кошаровский, 2008, т. 1, с. 149–150].

Посол СССР в Израиле М. Ф. Бодров в своем послании заместителю министра иностранных дел С. Г. Лапину предлагал воздержаться против расширения советско-израильских отношений из-за «... подрывной деятельности и сионистской пропаганды» руководства Израйля [Костырченко, 2012, с. 313–314].

В 1964 г. (апрель) в Вашингтоне состоялся учредительный съезд Американской еврейской конференции в защиту советских евреев (организатором выступала Натив), а в октябре того же года в Нью-Йорке на встрече руководителей американских еврейских организаций в приветственной телеграмме президента США

Л. Джонсона содержался призыв к людям всех вероисповеданий объединяться для моральной заботы о евреях Советского Союза «...ни одно правительство не может игнорировать мнение миллионов людей во всем мире» [Говрин, 1994, с. 233].

Несмотря на всестороннюю кампанию в поддержку евреев, советское руководство постоянно подчеркивало, что никакое давление из-за рубежа не повлияет на ее позицию в отношении «еврейского вопроса» и все попытки расценивает как вмешательство во внутренние дела своей страны. Вопрос о выезде евреев из СССР постепенно становился все более актуальным. В апреле 1967 г. Американская Лига защиты евреев в России (American League for Russian Jews), объединявшая 25 еврейских организаций США, распространила Меморандум, призвав использовать обещание А. Косыгина (о воссоединении семей) для оказания дальнейшего давления на Советский Союз. В Меморандуме содержался конкретный план выезда из СССР в ближайшие 5 лет от 500 тыс. до 1 млн евреев, стремящихся к воссоединению семей, на что выделялось 500 млн долл. [Беленькая, Зингер, 2004, с. 127]. В период правления Н. С. Хрущева, особенно в 1960–1964 гг. постепенно росло количество официальных разрешений на получение израильских виз: если в 1960 г. – их было всего 60, то в 1961 г. – уже 202, в 1962–184, в 1963–305, в 1964–537 и всего за «хрущевское десятилетие» (1954–1964 гг.) в Израиль выехало 2418 советских евреев [Костырченко, 2012, с. 321–322].

Советское руководство, категорически выступая против эмиграции евреев из СССР в 1950-х – начале 1960-х гг., постепенно под воздействием международного давления и внешнеполитической ситуации (процесс детанта), стало менять акценты в своем подходе к этой проблеме. Позиция советских властей по поводу выезда евреев в Израиль изменилась в конце 60-х и особенно в начале 70-х годов (см. табл. 1). Советское правительство все основные решения по эмиграции принимало в абсолютной тайне. Не последнюю роль здесь играли внешнеполитические причины: детант с Западом; политические, экономические и культурные связи СССР с США; встреча Брежнева с Никсоном в 1972 году; переговоры по ОСВ

и т. д. Помимо установления межгосударственных связей, кремлевские руководители пытались вовлечь крупнейшие западные еврейские организации в процесс детанта. В январе 1969 г. советские официальные лица встретились с представителями ряда еврейских организаций: Американского Еврейского Комитета /American Jewish Committee/, Анти-диффамационной Лиги /Anti-Defamation League/, Американского Еврейского Конгресса /American Jewish Congress/ и др.

Рост еврейской эмиграции в начале 1970-х годов из СССР, по мнению американского исследователя Ц. Гительмана, происходил под воздействием двух факторов: усиление национального еврейского движения в СССР и активная поддержка иммиграции советских евреев на международном уровне [Gitelman, 1977, с. 543]. Решение о созыве первой Всемирной конференции в защиту прав советских евреев было принято 12 апреля 1970 г. на встрече в Париже лидеров еврейских общин 17 европейских стран. В решении подчеркивалось, что во Всемирной конференции будут участвовать представители международных еврейских организаций: Всемирного еврейского конгресса; Всемирной сионистской организации (ВСО), Международной организации Бней-Брит и других, а также представители нескольких национальных еврейских организаций, поддерживающих борьбу советских евреев [Chernin, 1999, p. 99].

Для подготовки проведения первой Всемирной конференции в защиту прав советских евреев был сформирован Секретариат, в состав которого вошли представители спонсоров Всемирной конференции из Израиля, США, Англии и Франции. Секретариат провозгласил 20 сентября 1970 г. – дату открытия заседания ГА ООН – Днем Всемирной солидарности с евреями Советского Союза. В этот день в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Торонто, Сиднее и других больших городах были организованы крупные демонстрации в поддержку советских евреев [Кошаровский, 2008, т. 2, с. 9].

Первая Всемирная еврейская конференция, посвященная исключительно проблемам советских евреев, была созвана 23–25 февраля 1971 в Брюсселе под председательством Д. Бен-

Гуриона. На ней присутствовали 1500 делегатов из 38 стран, представлявшие практически все еврейские общины западного мира. Советское еврейство представляли только что выехавшие из Советского Союза: Виталий Свечинский, Мендель Гордин (Москва); Гриша Фейчин (Рига); Карина Шур (Ленинград) [*Eisen*, 1995].

В марте 1971 года под влиянием изменений во внешней политике СССР в направлении «детанта» с Западом и давления со стороны международного еврейского и нееврейского общественного мнения и, главным образом, под давлением беспрецедентной по своей смелости борьбе евреев за право на эмиграцию из СССР, советские власти значительно увеличили количество разрешений на выезд в Израиль (см. табл. 1).

§ 4. Отказники и еврейское движение за выезд в Израиль

В середине 1970-х гг. после отъезда части евреев из Прибалтики и Западной Украины, эмиграции из СССР грузинских евреев, на первый план вышли представители еврейской интеллигенции, часть из них работала на предприятиях ВПК, имея допуск к секретной информации. Именно они, а также и многие другие – представители различных профессий, получая отказы от властей не только в связи с секретностью, но часто без объяснения причин, составили основу еврейского движения во второй половине 1970–1980-х гг., получив название так называемых отказников. С 1974 по 1980 гг. отказ в выезде получили около 14 тыс. человек [*Зиссерман-Бродская*, 2007, с. 634; *Евреи*, 2018, с. 139]. Многие из отъезжавших, получая отказы, пытались по несколько раз вновь подавать заявления, и этот тяжелый путь отказа в отъезде они проходили в течение долгих лет. В период до Шестидневной войны 1967 г. отказники были разобщены, действовали индивидуально, не выражая протест и не вступая в конфликт с властями [*Морозова*, 2011].

Приняв решение об отъезде в Израиль, подав заявление в ОВИР, люди превращались в изгоев общества, которое их оттор-

гало на всех уровнях. В результате, будучи в отказе иногда в течение многих лет, многим приходилось испытывать трудности и проблемы, опалу, аресты, слежку, отторжение привычного социума. Помимо увольнения с работы, их обличали на собраниях трудовых коллективов (особенно, если это были члены ВЛКСМ или КПСС). Трудности трудоустройства, материальные проблемы, отстраненность и недоброжелательность по отношению к ним со стороны бывших друзей и знакомых, образовывали как бы вакуум, заставляя их спланиваться и поддерживать друг друга. Объединяясь и спланиваясь, еврейское движение за выезд, в котором активную роль играли отказники, постепенно набирало силу, сосредотачиваясь на совместной борьбе.

Еврейское движение в СССР – сложная многоплановая тема, охватывающая различные проблемы: возникновение; этапы развития; роль лидеров и активистов и т. д. Проблемы еврейского движения нашли отражение в работах *Алексеевой Л., Бейзера М., Зиссерман-Бродской Д.; Морозовой М., Кошаровского Ю., Рои Я.* и других авторов. Среди исследователей и самих участников борьбы существуют различные определения и характеристики этого движения: «еврейское национальное движение», «сионистское движение», «независимое еврейское движение», «еврейское движение» и т. д. Дискуссии о том, в чем состояла сущность этого явления и какую роль оно сыграло в советской действительности, продолжаются среди отечественных и зарубежных специалистов. Так, например, дискуссия о сущности движения состоялась в апреле 2008 г. на заседании Клуба сионистских ветеранов (Иерусалим) в рамках круглого стола: «За что боролись? Чем было еврейское движение 60-х – 80-х годов?» [*Бейзер, 2017, с. 321–322*].

Еврейское движение в СССР, на наш взгляд, тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной работы, где автор делает акцент на борьбе за еврейскую эмиграцию из СССР в Израиль. В связи с этим определение Л. М. Алексеевой – «еврейское движение за выезд в Израиль» (в ее известной работе «История инакомыслия в СССР»), автор считает наиболее правомерным. При этом автор также разделяет позицию историка-отказника из Ленин-

града М. Бейзера о том, что «...движение советских евреев было и еврейским национальным; и эмиграционным, и сионистским по идеологии, но далеко не всегда только таковым на практике...» [Бейзер, 2017, с. 349].

После Шестидневной войны произошли существенные изменения в сознании многих евреев, ощутивших причастность к судьбе Израиля (подробнее Гл. II.2. Шестидневная война (1967 г.) и ее влияние на евреев в СССР). Активнее стали выступать отказники за право на эмиграцию, используя различные методы: от петиций, коллективных обращений и писем во властные структуры до проведения голодовок, массовых пикетов и демонстраций в различных официальных учреждениях: приемных ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, МВД; в ОВИРах; на Центральном телеграфе и т. д.

Самой ранней формой сопротивления стали петиции и открытые письма к властям – индивидуальные и коллективные, в которых содержались не только личные проблемы и просьбы о разрешении на выезд для своих семей, но и протесты против нарушения права на эмиграцию, против национальной дискриминации евреев и антисемитских кампаний в советской прессе [Алексеева, 1992, с. 115–133. Евреи, 2018, с. 615–618; Кандель, 1979; Gelfond, 1982, p. 42–45].

С 1968 по 1978 гг. из СССР было отправлено более 2300 коллективных и личных писем евреев, обращенных к советским властям и западной общественности. Наиболее известные среди них: 1968 г. – «Письмо 26 евреев Литвы»; 6 августа 1969 г. – письмо 18 семей грузинских религиозных евреев (г. Кутаиси), направленное в ООН с требованием репатриации; сентябрь 1969 г. – обращение 10 московских евреев к еврейской общественности мира; ноябрь 1969 г. – открытое письмо 25 московских евреев Генсеку ООН У Тану и председателю 24-й сессии ГА ООН Энджи Брукс. Аналогичное письмо также отправлено из Риги с 25 подписями. 4 марта 1970 г. – ответная реакция властей: телевизионная пресс-конференция выдающихся и известных евреев-ученых, литераторов, актеров и т. д. с критикой сионизма, Израиля и с публикацией протестного заявления в «Правде» (05.03.1970), что вызвало

резкое негодование у московских и ленинградских еврейских активистов, и их протестные заявления, подписанные десятками человек [Бейзер, 2017, с. 328].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. рост эмиграционных настроений консолидирует еврейских отказников и появляются новые формы протеста против национальной дискриминации и антисемитизма. Традиционными становятся митинги памяти в местах массовой гибели евреев во время Второй мировой войны.

Осенью 1968 г. в очередную годовщину трагедии – массовом расстреле евреев под Киевом в Бабьем Яре, активистами Киевской еврейской организации (Б. Кочубиевским, М. Н. Немировским, Куперманом и др.) и представителями других городов был организован митинг. Выступавшие участники обвинили власть в антисемитизме и насильственном удержании евреев в СССР [Беленькая, Зингер, 2004, с. 133]. Поминовения погибших стали традицией и собирали все больше людей: в 1968 г. – 50–70 человек, в 1969 г. – 300–400 человек, в 1970–700–800. Власти, пытаясь помешать, стремились превратить все происходящее в официальный митинг с выступлениями и заранее подготовленными ораторами. В 1971 г. собралось около тысячи человек, включая отказников из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Тбилиси, возложивших венки. В Риге 29 ноября на Румбольском кладбище ежегодно также проводились дни памяти погибших от нацизма евреев.

Борьба за выезд и конфронтация с властями набирала обороты: происходили попытки незаконного перехода границ; но самым громким событием явилось ленинградское «самолетное дело» – попытка угона пассажирского самолета 15 июня 1970 г. В ходе расследования была арестована группа из 16 человек – в основном состоявшая из евреев-отказников. КГБ, зная о побеге, специально довел план угонщиков до завершающей стадии, чтобы максимально обеспечить основания для последующих арестов и вынесения показательных приговоров. Вслед за ленинградским процессом по «самолетному делу» последовали суды над еврейскими активистами в других городах по всей стране [Зиссерман-Бродская, 2007, с. 625; Кремер, 2011].

Нарастало противостояние: с одной стороны, КГБ и МВД усиливали борьбу с сионистами, официально дискредитируя их деятельность; с другой – усиливался протест и активизация протестных действий с требованиями выезда в Израиль. Несмотря на репрессии властей, «самолетное дело» и его последствия стали стимулом для продолжения алии в начале 1970-х гг. Если в 1970 г. из СССР выехало 999 евреев, то в 1971 г. – их было в 13 раз больше – около 13 тыс человек. Продолжение борьбы за выезд сопровождалось обращениями за помощью в ООН, к государственным деятелям разных стран, правительству Израиля. Проводились голодовки, сидячие забастовки в советских правительственных учреждениях. Создавались группы по изучению иврита, еврейской истории и культуры, традиций и т. д.

В начале 1970-х гг. активисты еврейского движения, понимая невозможность проведения диалога с властью по проблемам выезда в Израиль, перешли к более активным действиям. В феврале 1971 г. в приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР вошли 24 советских еврея, отказавшихся уходить до тех пор, пока им не дадут разрешение на выезд в Израиль. Министру внутренних дел СССР Н. Щелокову доложили, что приемная «захвачена». Позже выяснилось, что полноценным захватом это назвать нельзя: все евреи безоружны, но решительно настроены остаться в приемной до тех пор, пока не получат права уехать из СССР в Израиль. Прождав ответа весь рабочий день, они отказались покинуть приемную и после шести вечера (когда учреждение закрылось). В итоге к ним вышел помощник председателя Верховного Совета СССР и сообщил, что документы на выезд уже на стадии оформления, и, кроме того, их не будут ни арестовывать, ни штрафовать [Крючков, Братетский, 2016, с. 22–27].

Уступки, на которые в данном случае пошла власть, можно расценивать как успех отказников. Ю. Каннер (будущий президент РЕК) считал, что для подобного поступка в тот период «... нужно было быть героем... никто не мог быть уверен в том, что с ним произойдет». Эта ситуация была настолько неожиданной для властей, что, когда информация о «захвате» приемной достигла руковод-

ства Политбюро ЦК КПСС, был отдан приказ решить этот вопрос быстро и без лишнего шума [Крючков, Братетский, 2016, с. 22–27]. Известный активист еврейского движения в 1970-х – 80-х гг. Иосиф Бегун подчеркивал, что в начале 1970-х заметно усилились активные действия отказников. Неоднократно проводились аналогичные протесты в ОВИРах; в приемной ЦК КПСС и т. д. теми, кому не давали визы без объяснения причин, и каждый раз активисты оказывались в милиции [Крючков, Братетский, 2016, с. 22–27].

Ярким примером борьбы отказников стала голодовка, проведенная 10 марта 1971 г. В ней приняли участие около 100 евреев из разных городов СССР, занявших приемную Президиума Верховного Совета СССР с требованием разрешения на выезд в Израиль. В переговорах с участниками голодовки также участвовал Н. Щелок, и к концу мая 1971 г. большинство из них получило разрешение на выезд [Евреи, 2018, с. 137]. В июне того же года состоялась голодовка 30 отказников из прибалтийских республик на Центральном телеграфе в Москве, пославших телеграмму советскому руководству с требованием разрешения на выезд в Израиль, угрожая, что не покинут телеграф, пока не получат разрешение, и оставшись там в течение трех суток. Голодовки также провели 44 отказника из Тбилиси, а затем и московские евреи. В августе 1971 г. 300 евреев-отказников, добившись приема у министра внутренних дел Грузии, получили обещание властей о том, что им еженедельно будут давать разрешения на выезд, и в течение нескольких месяцев это обещание выполнялось [Алексеева, 1992, с. 119].

Важным компонентом еврейского движения стал еврейский самиздат, выходивший нелегально в 1970-х – 80-х гг. Среди обширного массива издаваемой периодики самым известным был литературно-публицистический журнал «Евреи в СССР», выходивший в Москве с 1972 по 1979 г. В его работе приняли участие активисты и сторонники еврейского движения – А. Воронель, В. Яхот, И. Губерман, М. Азбель, Б. Орлов, А. Лунц, В. Браиловский, Б. Палатник и другие.

Еврейский самиздат – уникальное явление в условиях тоталитарного режима, когда власти и специальные структуры КГБ,

МВД уделяли «повышенное внимание» еврейскому движению, его издания и периодика были большой опорой для активистов и рядовых членов сионистского движения. Одним из первых самиздатовских журналов стал выходить «Итон» (г. Рига) в 1970 г.; в этом же году в Москве издавался информационный бюллетень еврейского движения за выезд «Исход» (сборник документов) под редакцией В. Федосеева. С лета 1971 г. «Исход» сменился «Вестником исхода» (В. Меникер, Ю. Брейтбарт, Б. Орлов, М. Занд) и в 1972–1973 гг. вышли три номера «Белая книга исхода» под редакцией Р. Рутмана, подчеркивавшего преемственность всех этих изданий от правозащитного самиздата – «Хроника текущих событий» и «Белая книга» о суде над А. Синявским и Ю. Даниэлем [Алексеева, 1992, с. 118]. Тематике выезда был посвящен сборник документов «Выезд в Израиль: право и практика», (с № 4 – «Право и практика. Бюллетень материалов об эмиграции в Израиль»), издававшийся в Москве под редакцией И. Рябкина, И. Цитовского, М. Беренфельд.

В данном контексте упоминается периодика, посвященная эмиграции, и огромный пласт еврейского самиздата требует своего отдельного исследования. Среди документальных серий можно выделить: «Петиции, письма и обращения евреев СССР»: в 10 т. Иерусалим: Центр документации и исследований восточноевропейского еврейства, 1969–1977; Вести из СССР: в 5 т. / Под ред. К. А. Любарского. Мюнхен: Страна и мир, 1989–1991 и другие.

Еврейское движение, расширяясь по своей численности и «географии», претерпевало внутреннюю трансформацию, что привело к разделению в его рядах на «политиков» (или «эмиграционщиков») и «культурников», ряд исследователей также выделяет еще одно направление – «религиозники». Первые два направления – весьма условные, между ними границы часто сдвигались; они участвовали в одних и тех же мероприятиях; публиковали статьи в общих журналах.

Вместе с тем лидеры «политиков» *А. Лернер, А. Луц, Н. Щаранский, В. Слепак, В. Рубин, М. Азурский* и другие в первую очередь боролись за выезд из СССР в Израиль; укрепляли и развивали связи с международными еврейскими организациями; организовывали

вали сбор сведений об отказниках по всему Советскому Союзу (численность, статус, семейное и материальное положение, причины отказа: официальные и фактические, длительность ожидания и т. д.). Все собранные факты как можно быстрее передавались за рубеж, что в свою очередь, активизировало материальную помощь советским евреям и нажим на советское руководство из США и стран Запада [Алексеева, 1992, с. 126].

«Культурники» – В. Браиловский, В. Файн, В. Престин, Ф. Дектор, М. Азбель и другие группировались вокруг журнала «Тарбут» («Культура»); организовывали кружки по изучению иврита во многих городах; семинары по изучению истории, культуры, традиций и иудаизма. Традиционным стало проведение за городом неформальных праздников национальной музыки и песен. «Культурники» пытались организовывать неофициальные детские сады с еврейским воспитанием, что привлекало не только отказников, но и евреев, не планировавших выезд из страны. Большую роль «культурники» играли в организации семинаров ученых; участвовали в подготовке международного семинара по еврейской культуре в декабре 1976 г [Алексеева, 1992, с. 125–127].

В одном из интервью ветеран еврейского движения, профессор М. Членов сформулировал содержание деятельности «культурников»: «... когда государство всячески препятствует проникновению любого еврейского знания, будь то языковое, историческое, литературное, культурное, религиозное <...> наша задача <...> освоить это знание самим и передать его другим» [Членов, 2021].

«Политики», понимая стремление «культурников» к возрождению национальной культуры, образования, языка и т. д., не верили в осуществление этих замыслов в СССР, где «...ни один народ... не имеет полноценной национальной жизни, и евреи тем более не смогут этого добиться» [Алексеева, 1997, с. 126–127]. Вывод, к которому пришли «политики», их кредо – необходимость борьбы за выезд в Израиль. Они стремились укрепить и наладить связи с зарубежными евреями, подробно информируя их о состоянии еврейского движения и положения советских евреев, что, в свою очередь, обеспечивало поддержку из-за рубежа. При-

езд посланцев-туристов с необходимой литературой, учебниками иврита и материальной помощью, наряду с мощной пропагандистской кампанией в западных СМИ о дискриминации советских евреев и требованиями к советскому руководству предоставления свободы эмиграции евреев из страны, поставили многие вопросы, касающиеся советских евреев, в центр повестки дня руководства страны.

В 1970-х – 80-х гг. продолжалось противостояние властей и активистов еврейского движения. Наряду с нелегальными кружками по изучению иврита, проводились семинары по еврейской истории, философии, культуре, традициям и т. д. Особое место в этой деятельности занимала попытка проведения в Москве в 1976 г. симпозиума «Еврейская культура в СССР. Состояние и перспективы». Впервые на официальном уровне был создан оргкомитет и разосланы приглашения крупным ученым, лауреатам Нобелевской премии как в стране, так и за рубежом; собраны 65 докладов; приглашены советские чиновники из министерства культуры и других организаций.

Власть отреагировала не сразу, но, осознав происходящее, пригласила часть организаторов для беседы с заместителем министра культуры СССР В. И. Поповым. Во время беседы В. Файна, В. Престина, В. Лазариса с В. И. Поповым, высказав претензии по проблемам развития еврейской культуры, участники столкнулись с отказом В. И. Попова от имени всех советских организаций от участия в симпозиуме, поскольку он якобы преследовал «провокационные цели» [Членов, 2021]. Параллельно проводилась слежка, обыски, отказ в визах зарубежным участникам. Хотя симпозиум 1976 года был сорван и разогнан властями, он ознаменовал прорыв на международном уровне, когда на повестке дня открыто встал вопрос «о состоянии и возможных путях развития еврейской культуры в СССР» [Клаль, 2007, с. 13].

Конец 1970-х – начало 1980-х гг.: давление властей нарастало. Были арестованы Н. Щаранский, И. Нудель (март 1977 г.), Й. Бегун (1978 г.), а также редакторы журнала «Евреи в СССР» – И. Губерман (1979), В. Браиловский (1980). Несмотря на аресты, с 1977 г.

семинары по еврейской культуре проводились в Кишиневе, Харькове, Риге, Киеве, Ленинграде; возросла самостоятельность и активность отказников в этих городах. Например, если в Харькове в 1977 г. было всего 20 семей отказников, работал семинар по еврейской культуре, то с конца 1979 г. их численность выросла до 400 человек; в Новосибирске в 1979 г. трое активистов создали Общество дружбы с Израилем. По мнению Л. М. Алексеевой, активная роль московских отказников снизилась из-за арестов 1977–1978 гг., но одновременно возросла активность в регионах и увеличилось число отказников.

В начале 80-х годов наиболее решительными в публичных выступлениях стали отказники Киева, которых к концу 1979 г. насчитывалось около 2 тысяч человек. К апрелю 1980-х гг. их численность возросла из-за очень жестких правил на получение разрешения – его стали выдавать только по вызовам от родителей и детей. В марте 1980 г. киевские отказники сообщили, что за предыдущие 6 месяцев было получено 70 разрешений и 3 тысячи отказов. На массовые отказы киевляне ответили коллективными протестами, постоянным местом проведения которых стал киевский ОВИР [Алексеева, 1992, с. 130].

В середине 1980-х годов ситуация постепенно стала меняться. «Железный занавес» получил ряд «брешей» из-за активной позиции еврейского движения за выезд из СССР в Израиль: вопросы эмиграции постоянно находились в поле зрения властей. Часть отказников-активистов, так называемых «Узников Сиона», после тюрем, ссылок, лагерей выехали в Израиль (В. Дымшиц, Э. Кузнецов, И. Менделевич, С. Залмансон, М. Гельфонд, С. Свечинский и другие). Власти более решительно принимали решения об освобождении отказников: 1986 г. – освобожден Н. Щаранский (в заключении с 1977 по 1986 гг.); 1987 г. – освобождены И. Бегун, Ю. Эдельштейн. В связи с этим интересен, на наш взгляд, эпизод 23 марта 1987 г. в Ленинграде, когда группа отказников с плакатами «Мы хотим права на выезд», «Отпусти народ мой» ровно в полдень встали напротив входа в Ленинградский обком КПСС, располагавшийся в Смольном. Власти не решились разогнать пикет, но приг-

нали некую группу людей, вступивших в дискуссию с активистами и заслонившую плакаты от улицы.

На следующий день утром в радиопрограмме «Ленинградская панорама» прозвучал короткий репортаж о пикете, а в газете «Вечерний Ленинград» (24.03.1987) было напечатано интервью с начальником ленинградского ОВИРа, который откровенно соврал, сказав, что отказники располагают знаниями о «гостайнах». Через 3 дня после выхода выпуска газеты ленинградскому отказнику М. Бейзеру с 8-летним стажем, участнику пикета, позвонили из ОВИРа и сказали, что его запрос об отъезде решен положительно. В течение полугода выпустили из страны остальных активистов пикета.

Одной из форм работы отказников была организация семинаров и кружков по изучению иврита, истории и культуры евреев, основ иудаизма и т. д. Помимо Москвы, семинары по еврейской культуре работали в конце 1970-х гг. в Кишиневе, Харькове, Риге, Киеве. В 1980-е годы два семинара были организованы в Ленинграде. В Москве активисты еврейского движения за выезд организовали семинар по юридическим проблемам, связанным с эмиграцией, а в 1979 г. выпустили бюллетень «Выезд в Израиль – право и практика» [Алексеева, 1992, с. 115–131]. Кружки по изучению иврита посещали не только отказники, а более широкий круг людей, интересовавшихся ивритом и еврейской культурой. В начале 1980-х гг. преподаватели иврита стали испытывать давление властей, уведоливших 80 московских преподавателей иврита о необходимости прекращения занятий.

Отказники также организовывали семинары по различным отраслям науки для оставшихся без работы ученых, чтобы поддерживать их профессиональный уровень. В начале 1970-х гг. в Москве проводились регулярные семинары в основном для математиков и физиков при поддержке В. Воронеля, М. Я. Азбеля, В. Л. Браиловского (до его ареста в 1980 г.), А. Я. Лернера. В июле 1974 г. участники семинаров попытались организовать неофициальную международную научную встречу по проблемам приложения физики и математики к различным отраслям науки, но в мае члены подгото-

товительного комитета были арестованы, и мероприятие сорвано властями. В 1981 г. власти запретили проведение «незаконных собраний» на квартире А. Я. Лернера, но в 1982 г. семинар продолжил работу при поддержке профессора В. Сойфера [*Сойфер*, 2020, с. 12–13].

На протяжении многих лет властные структуры пристально следили и противодействовали действиям отказников, активистов и рядовых участников еврейского движения. В 1967 г. по инициативе Ю. В. Андропова было создано Пятое (идеологическое) управление КГБ, работавшее по многим направлениям. Совместно с идеологическим отделом ЦК КПСС разрабатывались и осуществлялись «мероприятия» по критике «международного сионизма», что включало: 1) публикации в СМИ писем и обращений как «простых» еврейских тружеников, так и части еврейской интеллектуальной и творческой элиты, лояльной режиму; 2) пресс-конференции и документальные фильмы; 3) издание массовыми тиражами книг и статей по критике сионизма [*Костырченко*, 2012, с. 214].

В конце 1970-х гг. усилилась атака на еврейское движение. Аресты происходили в Киеве, Москве, Ташкенте, Кишиневе, Харькове и других городах. Использовались сфабрикованные уголовные преступления: шпионаж, спекуляция, тунеядство, хулиганство, «хранение оружия и наркотиков (заранее подброшенных в квартиры отказников)». С 1980 г. возобновились осуждения активистов еврейского движения и «нелояльных» отказников, в основном, по статье 190 УК РСФСР «за распространение заведомо ложных обвинений, порочащих советский государственный и общественный строй» [*Костырченко*, 2012, с. 213]. В 1981–1982 гг. были осуждены В. Цукерман и Я. Локшин в Кишиневе, А. Магидович в Туле, А. Парицкий в Харькове, В. Браиловский в Москве и многие другие. В конце 1970-х – начале 1980 гг. реже стали демонстрации отказников. Единственная известная в 1979 г. демонстрация была проведена в Москве 9 отказниками 19 апреля перед зданием МИД после того, как 50 женщин получили в ЦК КПСС отказ в приеме. Демонстрантки держали плакаты «Визы в Израиль!». Несколько часов всех продержали в милиции, нескольких человек

оштрафовали, Б. Елистратову арестовали на 15 суток [Алексеева, 1992, с. 127, 130].

В начале 1980-х гг. усилились преследования еврейских активистов. Среди наиболее характерных приемов, правоохранные структуры использовали: тайную слежку, шантаж, угрозы, «промывку» мозгов («профилактирование») в ходе «душеспасительных» бесед на Лубянке; вербовка негласных осведомителей; административные задержания и домашние аресты «наиболее активных экстремистов»; уличные нападения и избиение «неизвестными»; направления «невменяемых» отказников на принудительное лечение в психбольницы [Костырченко, 2012, с. 213].

Давление и преследование со стороны властей постоянно испытывали члены кружков по изучению иврита, еврейской культуры, истории, традиций, основ иудаизма и т. д. Об этом так вспоминает ленинградский отказник Евгений Лейн: «...зарубежные туристы привезли несколько экземпляров израильских самоучителей иврита. Я взялся переснять их на пленку и размножить <...> делалось это в глубокой тайне. Изготовление и распространение учебников иврита было делом опасным. Власти не без оснований считали, что изучение языка... «разжигает эмигрантские настроения» [Кремер, 2013].

В 80-х годах, несмотря на давление властей, в Ленинграде продолжали работать ульпаны (преподаватели – И. Радомысльский, Л. Фурман, Н. Шпейзман, Э. Рохлин и другие); М. Бейзер проводил экскурсии по еврейским местам Петербурга; выходил нелегальный журнал «Ленинградский еврейский альманах» и т. д. В конце 1970-х гг. в Ленинграде также были организованы научные семинары ученых. Первым руководителем стал кандидат физико-математических наук Б. Грановский, но власти потребовали прекратить «сионистские сборища». Несмотря на угрозы властей и отъезд Б. Грановского, собрания продолжились под руководством математика, доктора наук А. Когана. Семинары, кружки, встречи с иностранцами происходили на частных квартирах, и в начале 1984 г. были приняты постановления о запрете приема иностранцев в частных помещениях без официального разрешения, а также

было запрещено принимать подарки от иностранцев. За нарушения постановлений грозили суровые наказания [Евреи, 2018, с. 602].

Вместе с тем еврейское движение набирало темп, увеличивалось по количеству участников, объединяя все больше людей в совместных мероприятиях. Профессор М. Членов вспоминает, что праздники еврейской песни, проходившие под Москвой в Овражках в 1978 г., собрав 400–500 человек, в 1980 г. уже объединили около трех тысяч человек [Членов, 2021].

Культовым местом для проведения массовых встреч евреев во время праздника Симхат Тора стала улица Архипова в Москве, где расположена синагога. Традиция открытых празднований еврейских праздников продолжилась в других городах, несмотря на все запретные меры, предпринимавшиеся милицией.

Во второй половине 1980-х годов отношение властей к проблеме эмиграции стало постепенно меняться. Если в 1986 г. разрешение на выезд из СССР в Израиль получили всего 904 человека, то в 1987 г. таких было около 8 тыс., а в 1988 г. – около 18 тыс. [Зиссерман-Бродская, 2007, с. 651]. К 1989 г. в СССР осталось менее 3 тысяч отказников, и в этом году советские власти сделали режим выезда более свободным. Закон 1991 г. предоставлял возможность получения загранпаспорта и выезда из страны как временно, так и на ПМЖ. В результате в 1989 г. СССР покинули 70 тыс. евреев и членов их семей; в 1990 г. – 228 тыс.; 1991 г. – 187 тыс.; т. е. число евреев, составлявшее к 1989 г. около 1,5 млн человек, за 3 года уменьшилось в СССР почти на треть [Зиссерман-Бродская, 2007, с. 652].

Глава 3

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

§ 1. Закон о возвращении (1950 г.) и дополнения (1970 г.)

После создания Государства Израиль (1948 г.) массовый поток евреев из разных стран, воплощая на практике идеи сионизма по созданию государства для всех евреев, вызывал напряжение в израильском обществе между различными группами: старожилами и вновь прибывшими; евреями европейских и восточных стран; более и менее обеспеченными слоями. Страна, с трудом выдерживая напор многочисленной «волны» иммигрантов, продолжала последовательно осуществлять законодательную деятельность, направленную на их абсорбцию. Законодательно-правовая система Государства Израиль формировалась в условиях массовой иммиграции, и, в период ее наивысшего подъема, — 5 июля 1950 г., Кнессет принял Закон о возвращении (Хок-ха-Швут) — один из первых законодательных актов, предоставлявших право каждому еврею иммигрировать и поселиться в Израиле при содействии и помощи со стороны государства. Многовековое стремление еврейского народа к возрождению своего государства получило официальное юридическое оформление в Законе о возвращении (ЗОВ), гарантировавшем всем евреям право на возвращение на родину предков: «...каждый еврей имеет право на иммиграцию (дословно «подняться») в эту страну» [Закон о возвращении (1950) и дополнения (1970). Сайт Кнессета на русском языке]. И далее,

в Законе: «...двери его (государства Израиль. – *И.М.*) открыты для каждого еврея, стремящегося иммигрировать в страну» [*Gouldman*, 1976, p. 19].

В своей первоначальной версии Закон не давал конкретного определения для лиц, которые могли пользоваться правом на иммиграцию, к ним относились верующие евреи и евреи, чувствующие себя связанными с еврейским народом и разделяющие общую веру [*Бин-Нун*, 1993, с. 14–15]. В 1950-х годах чиновники Министерства внутренних дел (МВД) записывали национальность иммигрантов на основе представленных устных заявлений в портах прибытия; неевреи из смешанных семей по желанию могли принять иудаизм, и раввинатские суды были весьма лояльны в решении этого вопроса [*Торпусман*, 2001, с. 7]. В начале 1950-х гг. в связи с большим притоком евреев из стран Ближнего Востока Д. Бен-Гурион, беспокоясь о чрезмерной «левантизации страны», предложил контролировать этот процесс, не убыстряя его искусственно [*Smootha*, 1978].

Закон о возвращении позволил иммигрировать в Израиль каждому еврею кроме лиц, действия которых направлены против еврейского народа (эта процедура никогда не применялась на практике); тех, кто представлял опасность по медицинским показаниям; нес угрозу безопасности государству либо имел «криминальное прошлое, способное нарушить общественный порядок». Это положение часто использовалось в отношении евреев, пытавшихся избежать судебных расследований в стране проживания [*Воробьев*, 2002]. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. первое израильское правительство было вынуждено делать акцент в своих законодательных постановлениях на формулировках, необходимых для охраны здоровья и безопасности населения. Так, например, на заседании Кнессета в мае 1949 г. было принято решение «запретить въезд в страну туберкулезным, душевнобольным и носителям заразных заболеваний» [*Рамм*, 1996, с. 20–21].

Закон о возвращении (1950 г.) утвердил основополагающий принцип государства: каждый еврей имеет право поселиться в Израиле и беспрепятственно получить гражданство, что также

относилось к любому еврею, поселившемуся в стране или родившемуся в ней до принятия Закона. С принятием ЗОВ возник ряд юридических проблем, основной из которых являлась проблема установления критерия, позволяющего признать данное лицо евреем: должен ли этот критерий совпадать с критерием Галахи (согласно которому евреем считается человек, рожденный от матери-еврейки или принявший иудаизм), либо евреем может быть признан всякий, кто заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу. (Закон не распространяется на евреев, перешедших в другое вероисповедание). Хотя после образования Государства Израиль проблема национальной идентичности не была первоочередной, и сотни тысяч новых репатриантов, многие из которых не являлись евреями по Галахе, регистрировались в качестве таковых, израильские власти и раввинат постепенно начали более пристально и тщательно относиться к проблеме оформления документов и обращения в иудаизм. В марте 1958 г. бывший в тот период министр внутренних дел Бар-Иехуда (партия Ахдут ха-Авода-Поалей-Цион) издал директиву для служащих регистрационного ведомства, согласно которой «лицо, чистосердечно декларирующее свое еврейство, следует регистрировать как еврея, не требуя от него иных доказательств» [*Shafir, Peled*, 2002, p. 145]

Данный документ вызвал протест в религиозных кругах и под их давлением в июле 1958 г. правительство было вынуждено изменить директиву Бар-Иехуды, уточнив, что тот, «кто чистосердечно декларирует, что является евреем и не принадлежит к иной конфессии, регистрируется как еврей» [*Масюкова*, 2009, с. 120]. По мнению ряда израильских исследователей и политических деятелей, это решение правительства не успокоило религиозную общественность, поскольку утвержденная формулировка всё еще была далека от религиозной концепции.

1 января 1960 г. было издано «процедурное распоряжение» относительно установления еврейства. В соответствии с этим документом, «еврей – тот, кто рожден от матери-еврейки и не принадлежит к иной конфессии или принял иудаизм согласно Галахе» [*Нойбергер*, 1997, ч. 6, с. 117]. Подобная формулировка, принятая под

давлением религиозных кругов, не могла не беспокоить светскую часть населения страны.

С начала 1970-х гг. в связи с ростом еврейского движения в СССР и в результате его активной поддержки на международном уровне усиливалась эмиграция советских евреев в Израиль, которая явилась своеобразным «прорывом» в иммиграционном процессе.

В 1970 г. Кнессет, стремясь уточнить формулировку, кого считать евреем, и положить конец постоянным спорам и конфликтам по этому вопросу, принял дополнение к Закону о возвращении, где в статье 4Б давалось определение еврея по религиозному закону – Галахе: «...еврей тот, кто родился от матери-еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии». В том же году в Законе появилась еще одна поправка, расширившая его формулировку, в связи с необходимостью, в период активизации иммиграции в Израиль из СССР, разрешения проблем советских евреев, многие из которых состояли в смешанных браках. В соответствии с этой поправкой, в пункте 4А «Права членов семьи», отмечалось: «...права еврея, предусмотренные настоящим Законом, а также права репатрианта, предусмотренные Законом о гражданстве 1952 г., и все права репатрианта, предусмотренные другими законодательными актами, предоставляются также детям и внукам еврея, его супруге/супругу, супругам его детей и внуков» [Закон о возвращении (1950) и дополнения (1970)].

В мае 1971 г. Кнессет единодушно одобрил резолюцию М. Бегина (бывшего в тот период членом Кнессета) с обращением к правительству СССР разрешить евреям свободную иммиграцию. Одновременно Кнессет внес дополнительную поправку в Закон о возвращении о предоставлении израильского гражданства евреям, требовавшим его, даже если они не переезжали (а в случае с советскими евреями не могли физически) переехать в Израиль [Israel and the Jewish World, 1995, p. 172].

Поправка 1970 г. к Закону о возвращении создала, по мнению израильских авторов, парадоксальную ситуацию: возникало противоречие между демографической целью сионизма (рост еврейского населения) и законодательно-правовой системой страны, способ-

ствовавшей в последующие годы увеличению числа нееврейского и неарабского населения Израиля [Shafir, Peled, 2002. p. 146]. Поправка 1970 г. не устраивала ортодоксальные круги, требовавшие дополнить формулировку уточнением о переходе в еврейство «в соответствии с Галахой», тем самым подчеркивая законность и приоритет ортодоксального гиюра (*гиюр* – ритуальное обращение неевреев в иудаизм) и исключая регистрацию евреев, прошедших реформистский или консервативный обряд за рубежом.

Стремясь к преодолению противостояния и поиску компромисса, была выдвинута инициатива создания специального Комитета с участием представителей различных течений иудаизма, правящих и общественных кругов, ученых, специалистов и многих других для поиска решений спорных проблем и, в первую очередь, вопроса о гиуре. Эта проблема становилась все более актуальной в связи с ростом числа иммигрантов-неевреев в смешанных семьях многотысячной русскоязычной репатриации 1990-х гг. Ортодоксальные религиозные круги, настаивавшие на ужесточении закона о прохождении гиюра, выступали против его реформистского и консервативного варианта. До последнего времени процедура ортодоксального гиюра (а только он признается в Израиле) остается крайне сложной.

В связи с наплывом иммигрантов и остротой этого вопроса в 1995 г. было создано Управление по проблемам гиюра, а в 1998 г. в результате компромисса, достигнутого при содействии правительства – Институт по переходу в иудаизм с отделениями в различных районах страны и с участием представителей ортодоксального, консервативного и реформистского иудаизма. Для решения проблем еврейской идентичности, приобщения к традициям и культуре были организованы образовательно-информационные программы для будущих репатриантов, с которыми они могли ознакомиться еще до отъезда в Израиль.

Вместе с тем процесс адаптации и интеграции иммигрантов в Израиле, проходивший трудно и подчас болезненно, еще больше осложнялся в связи с многочисленными проблемами неевреев, прибывшими в соответствии с ЗОВ в составе смешанных семей. Наи-

более острыми проблемами неевреев в 1990-х гг. (помимо прохождения гиора) были вопросы захоронений, заключения светских браков, определение еврейства у потомков в смешанных семьях и др. Тенденция увеличения неевреев среди русскоязычных репатриантов вызывала негативную реакцию среди ультрарелигиозных кругов.

§ 2. Особенности еврейской иммиграции 1970-х гг. (мотивы, численность, «география» выезда)

Мотивы иммиграции в Израиль, как правило, представляют собой сложный комплекс различных причин. На протяжении многих десятилетий большинство советских евреев были полностью оторваны от еврейской истории, традиций, культуры и языка. В особенности это касалось евреев в центральных регионах. Элементы традиционного еврейского уклада оставались в еврейских общинах Прибалтийских республик, в Грузии, в Средней Азии. Евреи западных территорий, войдя позднее в состав СССР, имели более тесную и продолжительную связь с еврейскими традициями, культурой, языком и исторической памятью, в меньшей степени были аккультурированы [Shepherd, 1994. p. 245–266].

В 1970-х гг. выбор страны-реципиента во многом определялся регионом проживания в СССР, а также возрастом, профессией, семейными связями, контактами и многими другими обстоятельствами, в частности, намерением различных стран принять евреев. Среди иммигрантов 1970-х гг., когда сионизм официально рассматривался властями как антисоветская деятельность до конца 1980-х гг., две трети респондентов называли «сионистские убеждения» одной из основных причин отъезда (по данным опроса 1972 г.). Однако после примерно трех лет проживания в Израиле (по данным опроса 1975 г.) снизилось число тех, кто упоминал сионизм в качестве причины отъезда [Russian Jews on Three Continents, 1997, p. 14].

По данным израильских источников, с 1971 по 1974 гг. иммиграция достигла примерно 100 тыс. человек и в течение 70-х годов составила более 150 тысяч человек (см. табл. 1).

Таблица 1

Еврейская эмиграция из СССР, 1971–1979 гг.

Год	Всего выехали по израильским визам	Приехали в Израиль	%	Уехали в другие страны	%
1971	12 897	12 839	99,6	58	0,4
1972	31 903	31 652	99,2	251	0,9
1973	34 733	33 277	95,8	1456	4,2
1974	20 767	16 888	81,3	3879	18,7
1975	13 363	8435	63,1	4928	36,9
1976	14 254	7250	50,9	7004	49,1
1977	16 833	8350	49,6	8483	50,4
1978	28 956	12 090	41,8	16 866	58,2
1979	51 331	17 278	33,7	34 053	66,3

Источник: Gur-Gurevitz B. After Gorbachev. The Zionist Library – The Jewish Agency for Israel. Jerusalem, 1995, p. 6.

Иммиграционные потоки отличались не только по географии расселения, но также по социально-экономическому положению евреев в каждом регионе, культурно-традиционному укладу и т. д. Иммиграцию евреев в 1970-х гг. можно (весьма условно) разделить на несколько основных направлений: из славянских республик (регионов) – Россия, Украина, Белоруссия; западных – республики Прибалтики и территории, присоединившиеся к СССР накануне и после Второй мировой войны; кавказский регион – Грузинская ССР, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия; Молдавская, Армянская и Азербайджанская ССР; Средняя Азия – Узбекистан, Таджикистан. На протяжении многих лет с момента образования СССР для евреев центральных районов России, Украины, Белоруссии, а также жителей Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других крупных городов характерна большая степень ассимиляции и аккультурации, значительное число смешанных браков по сравнению с общинами Кавказа и Средней Азии. С конца 1930 гг. до начала перестройки евреи практически не имели возможности на протяжении нескольких поколений получать еврейское образование. Попытки сохранять еврейскую традиционную

и религиозную жизнь подвергались нападкам и преследованиям со стороны властей [Gitelman, 1995, p. 15].

Евреи Прибалтики и западных регионов до присоединения к СССР проживали на территориях государств, где в значительной степени сохранялась внутренняя еврейская культурная автономия, и процесс советизации коснулся их на 20 лет позже, чем в «старых» советских районах. Выжив в Катастрофе, они сохранили сильное национальное самосознание, а также в большинстве своем – идиш в качестве разговорного языка (нередко – иврит). Наряду с влиянием сионизма и развитием традиционной еврейской культуры именно в этих районах в конце 1950-х гг. происходит возрождение неформальной еврейской деятельности.

В иммиграции 1970-х гг. наметилось несколько характерных тенденций: около одной трети советских иммигрантов прибыли в Израиль из западных районов, где евреи составляли не более 10% от всего еврейского населения СССР [Russian Jews on Three Continents, 1997, p. 29]. Так, например, среди литовских и латвийских евреев, численность которых составляла 2,8% от числа всего еврейского населения СССР, число иммигрантов было около 18% (см. табл. 2).

Таблица 2

**Еврейская иммиграция в Израиль из СССР
по республикам (регионам) в 1971–1974 гг., %**

Республика (регион)	Процент евреев, проживавших в 1970 г.	Процент еврейской иммиграции в 1971–1974 гг.
Украина	36,1	29
Грузия	2,6	27
Латвия, Литва	2,8	18
Молдавия	4,6	10
Средняя Азия	7,2	8
РСФСР	37,5	7
Кавказ	—	1

Источник: Gitelman Z. Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres // Soviet Studies. V. XXIX, № 4. October 1977, p. 546.

Евреи Кавказского региона и Средней Азии отличались от евреев центральных и западных районов своими характерными особенностями исторического развития, традициями и культурой. В большинстве случаев у них были многодетные патриархальные семьи (особенно в сельских районах и небольших городах), проживавшие рядом, а также низкий уровень смешанных браков. Тезис сионизма – «возвращение в Сион» – был понятен и популярен среди грузинских и горских евреев [Гительман, 2008, с. 268–269; Горские евреи, 1999].

В 1970-х гг. грузинские евреи (2,6% от численности советских евреев) составили 27% иммиграции в Израиль, а к 1980 г. из 55 тысяч евреев Грузии более 30 тысяч переехали в Израиль. (см. табл. 2) [Gitelman, 1997. p. 546].

Каждая иммиграционная «волна» характеризовалась определенной «географией» выезда, и в результате – если один район покидало значительное число евреев, он уже переставал служить источником иммиграции. «География» еврейской иммиграции отражена в Таблице 2, где показано соотношение (в процентах) между количеством евреев, проживавших на данной территории (по переписи 1970 г.), и количеством иммигрантов, покинувших этот регион.

В 1970-х гг. советская иммиграция в Израиль имела подъемы (1971–1973 гг. и 1978–1979 гг.) и спады (1974–1976 гг.). В конце 1973 г. на снижение уровня иммиграции оказала влияние Октябрьская война, с одной стороны, и, с другой, евреи, выезжавшие из СССР по израильским визам, получили возможность, следуя через Вену, направляться в США и другие западные страны. Это явление, известное под названием «нешира» (от ивритского глагола «линшор» – выпадать), стало заметным уже к 1973 г. и постепенно приобрело массовый характер. К 1976 г. количество репатриантов и «ношрим» сравнялось.

Анализируя данные по количеству «ношрим» за 1968–1976 гг. в общей эмиграции по городам: наибольшее количество – 93,6% у Одессы; далее в порядке убывания: Харьков – 86,0, Киев – 80,0, Львов – 72,5, Москва – 71,3, Ленинград – 69,7, Кишинев –

15,5, Черновцы – 8,9. Общественный деятель и исследователь украинского еврейства Й. Зисельс на основе этих данных делает вывод, что самый «национально мотивированный» город в СССР в 1970-е гг. это Черновцы; самый «немотивированный» – Одесса [Зисельс, 2001, выпуск 1].

Таблица 3

Выезд по городам (1968–1976 гг.), чел.

Годы Города	1970	1968– 1972	1973	1974	1975	1976	1968– 1976	% к общему числу евреев в городе
Москва	251 253	1815	1513	1382	1204	1301	7215	2,9
Ленинград	162 587	520	840	765	1243	4133	7501	4,6
Нальчик		10	119	80	36	27	272	
Дербент			107	1009	658	433	2207	
Минск	47 057	707	440	179	191	205	1722	3,6
Рига	30 581	4414	1285	636	352	350	7037	23,0
Вильнюс	16 491	4978	1276	482	248	206	7190	43,5
Каунас	4284	1000	470	136	63	39	1708	39,9
Кишинев	49 905	1153	1272	2269	819	963	6478	13,0
Тбилиси	19 579	3328	1942	807	227	187	6491	33,1
Кутаиси		2655	1757	411	110	48	4981	
Сухуми		1285	1239	345	77	42	2988	
Ташкент	55 758	1326	1045	304	92	103	2870	5,1
Самарканд	15 000	1144	1268	1133	41	36	3622	24,1
Душанбе	11 424	147	938	223	55	94	1457	12,7
Украина	334 006						33 661	10,1
Киев	152 006	1254	1700	1070	981	1036	6041	3,9
Одесса	117 000	1508	1652	1727	1825	2785	9497	8,1
Черновцы	37 000	4788	4784	1431	681	725	12 409	33,5
Львов	28 000	914	991	821	535	582	3843	13,7
Мукачево		246	422	113	53	55	889	
Харьков			57	102	313	510	982	
Всего СССР	997 925	33 194	25 117	15 425	9326	10 970	94 032	9,4

Источник: Литвинов Э. Алия-76: цифры и факты // Сборник «Сион», № 19, 1997, Иерусалим.

Необходимо отметить, что после резкого снижения общего уровня эмиграции из-за Октябрьской войны, а также политики советских властей, направленной на снижение эмиграции, пропорции по республикам изменились. Так, например, если в 1968–1972 гг. доля Украины в общей эмиграции составляла 23%, то в 1975 – 39%, 1976 – 46%.

Анализ данных, приведенных в Таблице 3, показывает, что 71% (94 тысячи) всех евреев и членов их семей, эмигрировавших после Шестидневной войны из СССР, выехали из 20 городов (в основном из столиц республик). В некоторых случаях это составило значительную часть всего еврейского населения этих городов (Вильнюс, Каунас, Черновцы, Самарканд, Рига). Среди городов Украины и в абсолютных и относительных величинах эмиграции лидировали Черновцы, город, откуда за описываемые годы уехал каждый третий еврей.

§ 3. Грузинская ССР и кавказский регион

Для еврейских грузинских и горских общин (а также среднеазиатских) характерно несколько общих моментов, отличавших их от евреев центральных и западных регионов СССР. История еврейских общин Грузии и горских евреев уходит в глубь веков. До революции евреи на Кавказе в основном занимались сельским хозяйством, проживая в многочисленных селениях на большом расстоянии от городов, что способствовало сохранению их традиций и самобытности. Помимо сельского хозяйства евреи владели различными ремеслами и занимались мелкой торговлей.

У грузинских и горских евреев были многочисленные патриархальные семьи, практически отсутствовали смешанные браки, сохранялся традиционный общинный образ жизни, передававшийся из поколения в поколение (соблюдение кашрута, субботы, еврейских праздников и т. д.). Для грузинских и горских евреев были типичны многодетные семьи (5–6 детей). Многие главы семей или кормильцы работали разнорабочими, ремесленниками, торговцами.

После революции евреи продолжали вести свой традиционный образ жизни, сохраняя лояльность к властям, при этом им были понятны и близки сионистские устремления. У многих из них присутствовало намерение уехать в Палестину.

Ещё во второй половине XIX века существовала эмиграция из Грузии на Святую землю, которая прервалась с началом Первой мировой войны. По переписи населения Палестины 1916 г. община грузинских евреев насчитывала 439 человек, из которых 420 проживали в Иерусалиме. Одной из основных причин эмиграции были религиозные мотивы. Среди грузинских евреев, прибывавших в Палестину в те годы, преобладали в основном представители бедных слоев населения.

После Октябрьской революции 1917 г., в феврале 1921 г. Красная армия вошла на территорию Грузии, которую вместе с эмигрантами покинули от полутора до двух тысяч грузинских евреев, из которых приблизительно 1200 человек прибыли в подмандатную Палестину. В 1921 г. число грузинских евреев в Палестине составило 1700 человек [In the Land of Golden Fleece, 1992].

Евреи в советской Грузии

Советский период – новый этап в развитии Грузии. В ее состав входили две автономные советские социалистические республики – Абхазская и Аджарская, а также один автономный район – Южная Осетия. По переписи 1959 г. в СССР насчитывалось более 35 тыс. евреев, назвавших грузинский язык родным. К 1970-м гг. грузинских евреев насчитывалось около 55 тысяч человек, и к 1980 гг. из Грузии уехало более 30 тыс. евреев в Израиль [Gitelman, 1997, p. 546].

Советское руководство безуспешно пыталось искоренить религиозные традиции: большинство грузинских евреев в 1960–1970-х гг. исповедовали иудаизм, придерживались религиозных канонов, посещали синагоги, соблюдали кашрут. Часть грузинских евреев негласно посещала занятия в нелегальных хедерах, власти не препятствовали занятиям [Altshuler, 1980, p. 254].

Во второй половине 1950-х годов значительная часть населения Грузинской ССР переживала усиление националистических

настроений. В период между 1959 и 1970 г. (двумя Всесоюзными переписями населения) Грузия была единственной союзной республикой, где количество русских уменьшилось; в Тбилиси количество местных жителей, утверждавших, что бегло владеют русским языком, также сократилось между 1970 и 1979 г. (по данным переписей этих лет) [Parsons, 1982, p. 547–569].

В 1978 г. в связи с обсуждением предложения о том, чтобы поднять статус русского языка до официального уровня, тысячи демонстрантов вышли на улицы Тбилиси, выражая протест и негодование, что заставило власти отказаться от этого намерения. В этот период в республике появилось первое созданное в СССР общество по охране исторических памятников. С большим размахом было отмечено 1500-летие основания Тбилиси. Отношение Грузии к центральной власти имело свою специфику: с одной стороны, беспрецедентный рост теневой экономики (в которой активно участвовали евреи) дополнял негативизм и проявление антироссийских тенденций; с другой – нежелание Москвы – в 1960-х гг. слишком сильно нажимать на коррумпированное руководство республики многие расценивали как безнаказанность и проявление слабости центра.

В советской Грузии декларирование властями принципа свободы вероисповедания позволяло иметь в республике половину всех синагог в СССР (несмотря на то, что в ней проживало только 3% от всех советских евреев). Раввинам отводилось центральное место в общине как духовным и общинным лидерам, которые помимо религиозных обязанностей руководили неформальной системой сбора налогов и контролировали расходы. Мнение и позиция раввина учитывались как в религиозных, так и светских спорах [Schreider, ch. 7, 1979].

В 1950–1960-е гг. закрытие в Грузии около 40 синагог нанесло серьезный удар по еврейской общине, но, несмотря на эти меры, Тбилисская синагога даже в период ужесточения политики властей могла снабжать мацой (выпекая 93 тонны) не только грузинских евреев, но и другие регионы СССР [Гительман, 2008, с. 274]. Часть евреев соблюдали законы кашрута (хотя кошерное мясо было

намного дороже, чем обычное). Придерживаясь традиций, многие евреи регулярно посещали синагогу в Шаббат и в праздники: один из участников исследования, будучи в Израиле, гордо заявил, что никогда бы не пропустил службу в Йом Кипур. Однако среди широких слоев еврейских трудящихся (даже посещавших синагогу) многие не были знакомы ни с основными еврейскими законами, ни с кошерными заповедями.

Большую роль для предотвращения ассимиляции грузинских евреев имело негативное отношение к смешанным бракам, особенно среди религиозных евреев и жителей в сельской местности. Постепенно в 1960-х годах число смешанных браков начинало увеличиваться, особенно в крупных городах, например, в Тбилиси, где их уровень был выше, чем на периферии.

До 1937 г. в республике официально существовали еврейские школы, власти Грузии не закрывали в Тбилиси еврейскую школу вплоть до 1970-х годов. В Грузинской ССР евреи и неевреи сохраняли дружеские отношения. Вместе справляли Рождество (хотя это был христианский праздник), «потому что евреи и христиане были соседями»; «христиане были почетными гостями на еврейских фестивалях Пурим; танцевали с евреями на праздниках Симхат Тора» [The Soviet Man, 1986, p. 297].

Уровень антисемитизма в Грузии был гораздо меньше, чем где-либо в СССР. На протяжении многих сотен лет Грузия для евреев – это гостеприимный дом, к которому они были глубоко и искренне привязаны. В советский период к 1960-м гг. социально-экономическое положение евреев оценивалось как вполне благополучное (как и уровень жизни в республике в целом, по сравнению с другими регионами в СССР). Евреи занимали высокие посты в республиканском руководстве и партийном аппарате, в промышленности, науке, высших учебных заведениях, медицине и т. д. В «теневой» экономике евреи занимали ведущие позиции.

Мотивы иммиграции в Израиль представляли сложный (подчас противоречивый) комплекс проблем, который, на наш взгляд, нельзя ограничивать (как принято у западных исследователей) только выталкивающими («push out») и притягивающими («pull in»)

факторами. Несмотря на общие тенденции в масштабах одной республики, региона, района и т. д., даже внутри одной семьи иммиграционные настроения и мотивация отъезда могут быть различными. Если старшее поколение уезжало на Святую Землю, руководствуясь религиозной традицией, а среднее – светское и нетрадиционное – стремилось покинуть СССР, чтобы получить возможности для реализации своих профессиональных планов и задач, то молодежь надеялась на новые перспективы в учебе, трудоустройстве. Амплитуда мотивации отъезда была довольно широкая и разнообразная: от сионистских и религиозных идей до сопричастности к коллективным действиям (то есть: «все уезжали, я тоже уехал»). Анализируя мотивацию иммиграции в Израиль грузинских евреев, следует рассмотреть несколько тенденций, тем более, как справедливо подчеркивали многие израильские исследователи, евреи были хорошо интегрированы, экономически благополучны, не испытывали притеснений и дискриминации, не страдали от антисемитизма. Одно из объяснений причин отъезда в Израиль состоит, безусловно, в религиозной мотивации, так как «для многих открылась возможность сохранить свою религиозную и этническую идентичность, которые начали разлагаться под давлением секуляризации и трансформации социальной структуры» [Гительман, 2008, с. 275].

Привязанность евреев к Грузии не заслоняла еврейскую идентичность: как евреи, так и неевреи считали вполне естественным для евреев возвращение к Сиону, где их идентичность могла бы быть выражена в полной мере. Один из лидеров грузинских евреев, выступавший за свободный выезд евреев в Израиль вспоминал: «...я вырос в религиозной семье, которая все время думала об Израиле и о возможности туда переехать... получил религиозное образование в хедере при синагоге г. Цхинвала... изучал иврит, Тору... Лично я не страдал от антисемитизма, но мы чувствовали, что мы чужеродный элемент среди грузинского и осетинского населения или других народов Грузии» [In Search of Self, 1982, p. 76–77].

Стремление уехать в Израиль нашло свое конкретное воплощение в беспрецедентной акции, получившей большой международный резонанс: в августе 1969 г. 18 еврейских семей из Грузии

написали обращение в Комитет по правам человека при ООН, приложив три сопроводительных записки. Адресатами сопроводительных записок были: организация «Друзья Анны Франк» в голландском посольстве с просьбой препроводить обращение премьер-министру Израиля Г. Меир; во второй записке выражалась просьба к Г. Меир переадресовать обращение в ООН; в третьей, адресованной постоянному израильскому представителю в ООН Й. Текоа, подчеркивалась просьба распространить обращение среди всех членов ООН и опубликовать в печати с именами и адресами подписантов [Кошаровский. 2012, т. I, с. 323–336; *Schreider*, 1979, p. 126–127].

Обращение грузинских евреев имело сильный эмоциональный эффект: авторы в драматическом и национально-религиозном стиле зывали о помощи и о разрешении иммиграции в Израиль, вспоминая трагическую историю евреев, жизненный путь своих предков, призывая власти разрешить отъезд в Израиль. 19 ноября 1969 г. Г. Меир зачитала обращение грузинских евреев в Кнессете, подчеркнув, что Советскому Союзу «...не удалось заглушить еврейский голос и насильственно оторвать миллионы советских евреев от мирового еврейства. Советское руководство должно иметь мужество признать свою неудачу и отпустить евреев... Настанет день, когда мы будем свидетелями большой алии из Советского Союза...» [*Schreider*, 1979, p. 128].

Впервые премьер-министр Израиля, бывший посол в СССР официально выступила с поддержкой борьбы советских евреев за иммиграцию. Реакция советских властей последовала незамедлительно: 29 ноября в зарубежном вещании прошла информация, что обращение 18 грузинских евреев – израильская фальсификация; но в заявлении, распространенном среди членов ООН, было подчеркнуто, что подписанты не подвергаются преследованиям и продолжают работать. В Грузии власти резко отреагировали на создававшуюся ситуацию: на подписантов оказывалось давление с требованием отказа от своих подписей.

Й. Текоа представил обращение 18 грузинских семей на пресс-конференции в Нью-Йорке; Кнессет в ходе обсуждения положе-

ния советских евреев принял резолюцию, призывающую Советский Союз разрешить им выезд в Израиль [Redlih, 1974, v. 4, № 2].

Исследования грузинской иммиграции 1970-х гг., проведенные в Израиле, подтверждали влияние победы Израиля в Шестидневной войне (1967 г.) на иммигрантские настроения, на усиление национального самосознания, особенно у молодого поколения. Большинство иммигрантов в ходе интервью, как подчеркивали израильские исследователи, заявляли, что победа Израиля «... важное событие, которое заставило их гордиться тем, что они евреи» [Altman, Mars, 1984, v. 26, № 1, June, p. 35–43]. Многие участники интервью сетовали на недостаток правдивой фактической информации об Израиле в тот период. Например, в одном из интервью: «...до Шестидневной войны я знал, что на глобусе есть место под названием Израиль, но я не знал, что это еврейское государство». Победа Израиля в 1967 г. вызывала у грузинских евреев чувство сопричастности и идентификации с еврейским государством, что, по их мнению, было достаточно веским основанием требовать у властей разрешения на иммиграцию. По западной терминологии Шестидневная война, пробудив ощущение значимости и значения Государства Израиль для каждого еврея, оказала воздействие «притягивающего» фактора («pull in»).

Второе событие, сыгравшее роль «выталкивающего» («push out») – смещение в 1972 г. первого секретаря ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе, которого заменил на этом посту министр внутренних дел Э. Шеварднадзе. За отставкой В. Мжаванадзе, занимавшего свой пост в течение 19 лет, когда коррупция и «теневая экономика» достигли огромного масштаба, последовали массовые «чистки», сотни увольнений с руководящих должностей и арест около 25 тыс. человек [The Soviet Man, 1989, p. 302].

В «теневой экономике» Грузии евреев было не меньше, чем «теневиков» грузин, поэтому для многих будущее рисовалось безрадостным, росло чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Евреи, как и представители других национальностей, могли оказаться в центре коррупционных скандалов, что, безусловно, «выталкивало» их из республики.

Израильские исследователи всесторонне изучили грузинскую еврейскую иммиграцию 1970-х годов. С этой целью специалисты приезжали в советскую Грузию и в течение длительного времени детально анализировали внутривластную и социально-экономическую обстановку и положение евреев в грузинском обществе. Израильские исследователи Г. Марс и И. Альтман назвали принципиальным фактором, объединяющим людей, социальный институт «связей» («цепочка связей») как одно из основных звеньев грузинского общества [Mars, Altman, 1983. p. 546–560].

Особое значение в специфической среде Советской Грузии отводилось родственным и семейным связям, исходившим из ядра, вокруг которого объединялись члены семьи, а также друзья и «друзья друзей». Родственные и семейные связи давали человеку первоначальный источник поддержки и безопасности не только в кризисных жизненных ситуациях, но также и в исключительных обстоятельствах, которые могли происходить в централизованном бюрократическом государстве, где произвол властей мог быть навязан в любой момент. По мнению израильских исследователей, возможность входить в число чьих-то сторонников была предметом гордости за себя, свою семью и свое близкое окружение, в то время как невозможность предложить или получить поддержку вызывала чувство дискомфорта. В среде и культуре, ориентированной на систему связей, как в Грузии, роль государства и верность ему рассматривались как второстепенные составляющие по сравнению с ответственностью, которую каждый индивид имел перед своим окружением [Elam, 1980].

Смена власти в Грузии и последующие события нанесли значительный удар по самобытной специфической системе связей и особенностям грузинского национального характера, активизировав иммиграционный процесс. Грузинские власти не препятствовали первому потоку грузинских евреев, выехавшему после Шестидневной войны 1967 г., разрешив взять с собой в Израиль большую часть своего имущества – в отличие от ситуации в других регионах СССР [Elam, 1980].

Среди первых новых грузинских иммигрантов были три известных религиозных лидера, считавших, что они не только

имеют право, но их моральный долг в том, чтобы посылать персональные указания и призывы своим последователям для иммиграции в Израиль. Поток иммиграции нарастал благодаря приезду родственников, друзей и т. д. Вслед за патриархами и главами семей следовали их потомки, благодаря сильному чувству солидарности и семейным обязательствам у грузинских евреев. Израильский исследователь Й. Элам подчеркивал, что во время интервью многие респонденты заявляли: «...мы поехали не ради Израиля, а потому что уехали наши родственники» [Elam, 1980, р. 8].

Один из участников интервью, находясь в Израиле, заявил, что 25% евреев в его деревне уехали в Израиль в течение 6 месяцев, объясняя это тем, что «...вдруг, неожиданно вы понимаете, что уже не можете навестить свою бабушку или того или другого дядю, как раньше было во время Шаббата. Так неожиданно произошло со мной. Я не мог оставаться в одиночестве». Другой участник интервью был удивлен, когда из его маленького города в 10 000 жителей, где 90% были евреи, почти все (кроме нескольких десятков человек) уехали в Израиль. Он сам не мог понять, почему один из его двоюродных братьев остался: «Что он должен там делать? Вся его семья – в Израиле. Что могло его заставить остаться?». Грузинские евреи высоко ценили чувство безопасности и привязанности, которые воспитывались тесными семейными узами, качества, отличавшие и выделявшие их в Израиле среди всех других советских иммигрантов: ответственность за родственников и свою общину.

Семейные связи выразились в большом количестве приглашений со стороны иммигрантов. Советские власти требовали, чтобы каждый потенциальный мигрант получал приглашение от родственников, проживающих в Израиле до решения властей вопроса о выдаче выездной визы. С 1969 – до конца 1971 – в Израиль приехало около 4700 грузинских евреев, приславших в Грузию 40 649 приглашений от родственников, с целью воссоединения семей. Количество этих приглашений примерно равнялось 2/3 от общего числа евреев Грузии по данным советской переписи 1970 г.казалось, что практически все евреи, оставшиеся в Грузии, имели прямых близких или дальних родственников в Израиле. Иммигранты

считали себя ответственными за широкий размах семейных связей с теми, кто остался в Грузии [The Soviet Man, 1989, p. 303].

В начале 1970-х годов в течение нескольких лет «ручеек» еврейско-грузинской иммиграции превратился в поток: если в 1971 г. выехало 4300 человек, т. е. одна треть от всей еврейской эмиграции из СССР, то в последующие годы динамика численности выехавших из Грузии в Израиль, была следующей: 1972 г. – 10 000; 1973 г. – 7750; 1974 г. – 2700. Ранее в наиболее успешные годы ежегодное число евреев, покидавших Грузию, едва достигало (и даже часто было меньше) 1000 человек, даже когда не было ограничений (для выезда) в течение 1970-х годов [Litvak, Yehoshabat, Magor, 1981].

Последующие изменения в численности грузинской иммиграции авторы исследования объясняют поражением Израиля в Октябрьской войне 1973 г., которая «погасила» настроение победы после Шестидневной войны 1967 г. Постепенно в израильском обществе как эйфория, так и паника пошли на спад. Среди евреев, оставшихся в Грузии, были представители разных социальных слоев, не разделявшие сионистские взгляды; часть из них состояла в смешанных браках, а часть были нерелигиозные представители молодого поколения.

Проблемы адаптации грузинских евреев

Иммиграция в Израиль из СССР в 1970-х гг. в целом расценивается специалистами как успешная. После различных жизненных испытаний, пройдя трудный и подчас долгий путь в Израиль, преодолев период адаптации, многие сумели овладеть ивритом, получить работу и жилье, стать полноправными гражданами страны. Вместе с тем, анализируя процесс на первом этапе адаптации грузинских евреев, хотелось бы более подробно остановиться на ряде проблем, типичных для представителей кавказского региона.

Израильские антропологи М. Альтман, Д. Марс в 1972–1973 гг. постоянно проживали в грузинской общине г. Ашкелона, насчитывавшей в этот период около 5000 евреев, прибывших из всех районов Грузии, т. е. одна шестая часть от всей грузинской иммиграции

в 1970-х гг. Евреи, прибывшие в Ашкелон, в большинстве своем были выходцами из небольших грузинских городов.

Политика Министерства абсорбции заключалась в том, чтобы направлять более образованных представителей гуманитарных профессий в более крупные города, а менее образованных, связанных с неквалифицированным ручным трудом (разнорабочих) или тех, кто не заявил о своей профессии, а также мелких торговцев – в города развития. Таким образом, рассматриваемый г. Ашкелон не характерен для грузинских евреев с высшим образованием и для представителей гуманитарных профессий, процент которых среди прибывших евреев был низкий – около 20% от общего числа приехавших иммигрантов [Altman, Mars, 1984, p. 3–12].

Грузинские иммигранты, утверждавшие, что совершали алию по национально-религиозным причинам, были крайне разочарованы преобладающим светским окружением, с которым они столкнулись в Израиле. Израильский исследователь И. Элам пришел к следующим выводам о положении грузинских евреев. Во-первых, отсутствие достаточной (по мнению иммигрантов) религиозной атмосферы в Израиле воспринимается ими как ослабление иудаизма. Во-вторых, стиль жизни религиозных евреев из Грузии, их характеристика религиозности не всегда идентичны (в некоторых случаях отличаются) от религиозного образа жизни израильских ортодоксов [Elam, 1974, p. 63].

Одна из самых больших причин неудовлетворенности среди грузинских иммигрантов в Израиле – их неспособность осуществлять всю комплексную систему привычных общинных социальных обязательств, существенных для их общинной жизни. В ходе интервью иммигранты заявляли, что многие проблемы, с которыми они столкнулись в Израиле, мешали им вести аналогичный образ жизни, как в Грузии (например, недостаточно высокий уровень доходов не позволял проводить семейные церемонии).

Многочисленные семьи ютились в переполненных домах; низкое качество материалов, используемых в строительстве жилья, и среда, отличающаяся от той, к которой они привыкли, свидетельствовали об общем снижении их уровня жизни. Тем не менее,

многоквартирные дома были популярны у грузинской общины как защита против чуждого им окружения; члены общины немедленно получали поддержку по всем проблемам от своих соседей, которые часто являлись их коллегами по работе, близкими друзьями или даже родственниками.

По мнению израильского исследователя Й. Элама, многие информанты утверждали, что уровень дохода существенно снизился после приезда в Израиль. Однако все финансовые ресурсы, привезенные из Грузии, со временем перераспределялись в связи с тем, что родственники и друзья, иммигрировавшие в Израиль из Грузии, привозили с собой (личные) вещи, часть из которых иммигранты могли оставить для своего пользования. Многие, приехав в Израиль, возвращали различные долги тем, у кого заняли до отъезда. В результате доход семьи как бы выравнивался, способствуя отчасти финансированию различных социальных обязательств иммигрантов [*Elam*, 1974, p. 64].

В ходе интервью иммигранты подчеркивали, что свободное время, которое они могли использовать для выполнения своих многочисленных социальных обязательств, значительно сократилось. Удаленность от родственников и друзей по всему Израилю усиливала назревшие социальные проблемы и приводила к возрастанию недовольства.

Количество и разнообразие вариантов для трудоустройства грузинских иммигрантов было ограничено в Израиле. Многим пришлось отказаться от профессий ремесленников или мелких торговцев и перейти на ручную неквалифицированную работу. По данным опросов израильских исследователей, негативное отношение усиливалось также в связи с тем, что грузинским евреям приходилось работать вместе с арабами из сектора Газы. Еврейская молодежь не стремилась изучать профессию отцов или работать под их руководством.

Среди приехавших иммигранток в Израиле работали многие вдовы, у которых не было материальных средств, а также специалисты (с профессиями), сумевшие трудоустроиться: в основном медсестры, а также врачи и инженеры.

Трудное финансовое положение в Израиле, особенно если муж не работал или работал не постоянно, заставляло многих женщин работать вне дома: либо сезонно (например, упаковка фруктов), либо постоянно – в больницах, пансионатах, ресторанах или школах. Обычно грузинские иммигранты не посылали работать вне дома молодых незамужних девушек или молодых замужних женщин с маленькими детьми. Так, например, в Ашкелоне на заводе по упаковке цитрусовых грузинская рабочая сила была представлена замужними пожилыми и средних лет женщинами. Эта работа – сезонная и оплата сдельная (свободный день – пятница) [Elam, 1974, p. 65].

Основной проблемой среди грузинских иммигрантов стало изыскание времени, места, помощи в ведении домашнего хозяйства и особенно финансов, необходимых для сохранения традиционного образа жизни. Израильские авторы исследования пришли к выводу, что для грузинской общины были характерны коллективные демонстрации протеста, в которых выражалось недовольство создавшейся ситуацией. Коллективные проявления недовольства в некоторых случаях снимали напряжение и разряжали обстановку.

В 1970-х гг. грузинская община не имела своего внутреннего признанного руководства, и единственным признанным общинным лидером являлся традиционный, религиозный «мудрец», чье лидерство в Израиле распространялось исключительно на религиозную сферу. Задача «мудреца» заключалась в снижении напряжения, предотвращении инцидентов различного характера, но он не давал никаких конструктивных общинных советов в условиях новых реалий.

Грузинские иммигранты предпочитают женить своих детей (особенно выдавать замуж дочерей) в раннем возрасте. В Грузии дочерей выдают замуж относительно рано, в отношении сыновей говорится: «...в 13 – бар мицва, в 18 – жених; в 19 – отец». В Израиле средний брачный возраст по закону о браках выше в связи с ограничениями несовершеннолетних от вступления в брак [Elam, 1974, p. 65].

В Ашкелоне грузинские иммигранты хотели быстро женить своих сыновей и выдать замуж дочерей, чтобы новобрачные получили бы свое жилье, предоставленное на льготных условиях. Грузинские иммигранты предпочитали браки внутри общины, то есть выбирать невесту-землячку из того же города Грузии. Иммигранты в Ашкелоне, например, как правило, искали невесту из своего (грузинского) города, даже если она проживала в другом районе Израиля (Ашдоде, Беер-Шеве и т. д.). По данным исследований И. Элама, существуют также «смешанные» браки между семьями, приехавшими из разных грузинских городов. После брака невеста входила в семью мужа, и супруги переезжали в дом родителей мужа. Молодая жена, проживая с родителями мужа, брала на себя многие домашние обязанности, которыми ранее занималась свекровь, освобождая ее от ухода за внуками. На работу вне дома выходила не молодая невестка, а пожилая свекровь. Самый младший сын в семье проживал со своей женой и детьми в доме родителей до их смерти; взамен он получал дом и его содержимое. Постепенно усиливалась тенденция ухода из семейного дома для создания своей семьи [Elam, 1974, p. 66].

Традиционно в семьях выходцев из Грузии замужняя женщина, особенно мать – центральная фигура в доме, вокруг которой концентрируется вся семья. Отец является большим авторитетом у детей, но его роль в семье – только как «добытчика», обеспечивающего материальный достаток. Центральная роль женщины внутри семьи, по сравнению с ролью мужа, место которого на работе, на рынке или в синагоге, часто влияет на создание прочных, доверительных отношений между грузинской еврейской матерью и ее детьми, особенно ее сыновьями. Как считает И. Элам, грузинские евреи бурно реагировали и протестовали, когда им казалось, что правительственная политика в отношении наемных работниц-женщин – незаконна и неуважительна. Грузины выражали протест против произвола чиновников и руководителей предприятий, где работали их жены и матери [Elam, 1974, p. 66].

Евреи кавказского региона

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. насчитывалось примерно 50–60 тыс. евреев: около 50% из них проживали в Дагестанской АССР; 33% – в Азербайджанской ССР; значительные общины находились в г. Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР); в г. Грозном (Чечено-Ингушская АССР); несколько тысяч человек проживали в Северо-Осетинской АССР, Грузинской ССР, в Ставропольском крае и в других районах СССР.

Несмотря на вложения в развитие экономики кавказского региона в конце 1960-х гг., постепенное увеличение уровня производства, рост количества квалифицированных рабочих и профессиональных специалистов в различных областях, уровень жизни населения, в том числе и евреев, был ниже, чем в других регионах СССР. В советский период существовали значительные различия и специфика между еврейскими общинами внутри одного географического административного региона: евреи – жители развитых городов имели больше возможностей получать образовательные, медицинские и другие услуги по сравнению с жителями сельских районов.

Евреи Махачкалы были более образованы, профессиональны и их культурный уровень, и социальный статус были выше, чем у евреев Дербента (большинство из которых проживали в старом квартале, соблюдали традиции, в их жизненном укладе существовало много старинных общинных устоев) [Checinsky, Litvak, 1978, р. 60–61]. Традиционно горские евреи были плотниками, слесарями, ремесленниками, крестьянами. По мнению Ц. Гительмана «... среди них было немного специалистов, и они были наименее образованной и самой бедной частью советского еврейства» [Гительман, 2008, с. 286]. Средний уровень образования среди взрослых в 1960-х – 70-х гг. был ниже по сравнению с другими иммигрантами из СССР; характерны многодетные семьи, в которых кормильцы или главы семей, часто не имея специальностей, работали мелкими торговцами, подсобными рабочими и т. д.

В 1970-е гг. более 10 тыс. горских евреев – примерно одна четверть всей общины – иммигрировали в Израиль (тысячи дру-

гих последовали за ними в 1990-е годы) [Гительман, 2008, с. 286]. Прибывая в Израиль, большинство иммигрантов из кавказского региона непосредственно из аэропорта направлялись для расселения в постоянные жилые помещения по всему Израилю (но часть в течение некоторого времени оставалась во временном жилье, ожидая постоянных квартир). Многочисленные проблемы и трудности, с которыми столкнулись выходцы с Кавказа в Израиле, оказались в центре внимания израильских чиновников, ответственных за абсорбцию эмигрантов из СССР, а также ученых и исследователей различных специальностей. Среди огромного количества трудностей повседневной жизни наиболее типичными являлись, по мнению израильских исследователей Авидора и Цина, непривычные нормы в работе и необходимость овладения новыми навыками в своей профессии; адаптация к новой культурной и образовательной системе; освоение новых методик по уходу за детьми; ведению домашнего хозяйства (домашней экономике) и др.

Евреям из кавказского региона необходимо было преодолеть социальный и культурный разрыв, трудности в коммуникации, наладить взаимопонимание не только с израильским окружением, но и с другими эмигрантами из СССР. Изоляция евреев кавказского региона от иммигрантов из других советских республик и ранее приехавших евреев, проживавших в Израиле в течение длительного периода, была основным препятствием на пути успешной адаптации новых репатриантов. Для евреев кавказского региона было характерно отсутствие общинных социальных организаций, неформальных объединений (например, вокруг синагоги) и активных общинных лидеров [Avidor, Zin, 1976, p. 53–55].

В июне 1970 годов израильские специалисты провели исследование для выявления конкретных трудностей и проблем адаптации иммигрантов из кавказского региона с целью выработки мер по изменению создавшейся ситуации. В исследовании приняли участие 1496 человек, представлявших 264 семьи с несовершеннолетними детьми, расселившиеся в Беер-Шеве, Хадере, Пардес Ханна (районах с наибольшим процентом проживания семей из кавказского региона). Большинство семей (85%) находи-

лись в стране более одного года. Израильские ученые, специалисты, ответственные за абсорбцию, а также социальные работники собирали необходимую информацию, посещая дома таких семей, а также школы, и дошкольные образовательные учреждения. Анализ материала, собранного израильскими специалистами, позволил сделать ряд обобщений.

По мнению израильских исследователей, 60% детей в возрасте от 2 до 5 лет не были охвачены никакими образовательными программами и детскими учреждениями. Большой процент детей иммигрантов в возрасте начальной школы страдал от адаптационных трудностей и отставал в учебе из-за отсутствия базовых знаний и общих моделей поведения, которые израильский ребенок обычно приобретал в детском саду. В результате ребенок-иммигрант даже с высоким потенциалом не имел возможности нормальной адаптации. Примерно половина молодежи между 14–18 годами не были охвачены какими-либо образовательными и профессиональными программами [Avidor, Zin, 1976, p. 53–55].

Израильские исследователи, изучив проблемы здоровья и гигиены, пришли к следующим выводам. Около четверти глав семей имели хронические заболевания и, соответственно, расценивали для себя интеграцию на израильском рынке труда как очень трудную. Из-за плохого здоровья многие дети и молодежь также не учились и не работали. По данным исследования около 65% семей нуждались в многоплановом социальном и психологическом лечении и были отнесены в категорию «больные». Средняя величина семей, нуждавшихся в лечении, составила 6,6 человек на семью, по сравнению с 4,9 человека на семью, не нуждавшихся в лечении.

Анализируя проблемы трудоустройства, израильские специалисты пришли к выводу, что они связаны с недостатком рабочих мест. Четвертая часть взрослых трудоспособных иммигрантов не имела постоянной работы: большинство из них – молодежь, имевшая семьи, которые необходимо было содержать. Трудности были также связаны с тем, что подавляющее большинство иммигрантов кавказского региона не владело ивритом, даже на элементарном уровне.

При обустройстве жилья выяснилось, что около одной трети квартир имеют недостатки. Не было условий для нормального ведения хозяйства, несмотря на финансовую помощь, предоставленную иммигрантам для этих целей. На наш взгляд, вполне правомерны и обоснованы выводы, сделанные израильскими исследователями, что «для успешной абсорбции необходимо решать перечисленные проблемы иммигрантов как можно раньше, в противном случае, возникает социальное напряжение и недовольство своим положением» [*Avidor, Zin*, 1976, p. 53–55].

§ 4. Бухарские евреи

История так называемых бухарских евреев на территории Средней Азии связана с периодом, когда Бухара была еврейским центром в Узбекистане, куда стремились евреи, которые хотели жить в этнически однородном окружении. Границы между ними и мусульманами были очень четко проведены. Смешанные браки практически отсутствовали. Для бухарских евреев были характерны многочисленные многодетные семьи с патриархальными устоями, когда родственники жили рядом в нескольких домах, окружавших один двор [*Гительман*, 2008, с. 268, 278; *Дворкин, Вишневская*, 1990]. Уважение обычаев и традиций, сильное этническое сознание, приверженность иудаизму, высокая рождаемость позволяли им сохранять самобытность и многовековой уклад жизни.

Многие бухарские евреи имели родственников, проживавших в Палестине с 1930-х годов (еще до образования Государства Израиль), так как часть населения Средней Азии нелегально пересекала государственную границу СССР в труднодоступных горных районах: массовые переходы границы начались в 1929–1930-х гг. и закончились в 1938 г. [*In Search of Self*, 1982, p. 89, 93]. Помимо строгого соблюдения религиозных традиций, наличия большого числа синагог, некоторые представители старшего поколения среднеазиатских евреев знали иврит. Бухарские евреи говорили на еврейско-таджикском (еврейско-персидском языке), который ино-

гда называют диалектом таджикского, но сейчас исследователи склонны считать его самостоятельным языком [Евреи, 2018, с. 177].

В начале 1970-х годов из Средней Азии начался поток иммигрантов в Израиль и к 1980-м годам приехали более 15 тыс. евреев, к концу XX века – 30 тыс. евреев (из них 14 тыс. из Узбекистана). Одной из причин отъезда в 1970-х г. было влияние Шестидневной войны 1967 г., которая у многих мусульман ассоциировалась не только с Израилем, но и с евреями, которых советская пропаганда стремилась изображать негативно по отношению к арабским странам и исламу, что вызывало напряжение в мусульманской среде.

Бухарские евреи в Израиле, по мнению израильского антрополога Р. Бен-Шаул, попав в совершенно новую реальность, столкнулись с многочисленными проблемами: многие были сильно разочарованы и не удовлетворены своей жизнью. Исследование бухарской общины в г. Бет-Шемеш, проведенное Р. Бен-Шаул в течение года, проливает свет на проблемы абсорбции этой уникальной малоизученной группы иммигрантов.

Одна из серьезных проблем – недоброжелательное отношение местного населения к бухарской общине со стороны иммигрантов, ранее приехавших из Северной Африки в г. Бет-Шемеш. Обе группы взаимно избегали, игнорировали друг друга. Недостаток социального контакта временами приводил к открытой и оскорбительной враждебности. Старожилы города постоянно выражали свою враждебность по отношению к новым иммигрантам, открыто высказывая протест и заявляя, что власти осуществляли поддержку бухарских евреев за счет сокращения их социальных программ [Ben-Shaul, 1978, p. 56–57].

Многие старожилы г. Бет-Шемеш не делали различий между бухарскими и грузинскими евреями-иммигрантами: их неприязнь ко всем иммигрантам носила враждебный примитивный характер; использовались одни и те же стереотипы в отношении и бухарских, и грузинских евреев.

В израильском обществе во многом имидж бухарских иммигрантов создавался израильянами на основе опыта общения

с жителями г. Бет-Шемеш. В ходе интервью некоторые бухарские евреи выражали недоверие израильтянам из-за принижения последними их самых важных ценностей: уважение родителей и старших по возрасту; строгие моральные установки и принципы у девушек, женщин и детей; женское целомудрие и скромность.

Отличия между традиционным бухарским укладом жизни и жизнью в Израиле являлись серьезной проблемой абсорбции бухарских иммигрантов. По мнению израильских исследователей, среди основных характерных черт уклада жизни бухарских евреев в 1970-х гг. можно было выделить ряд следующих моментов. Так, например, большое значение имели семейные и общинные социальные события, которые проводились в частных дворах в Бухаре во время проживания в Средней Азии. В переполненных многоквартирных домах в Израиле это было неосуществимо, но этот создавшийся дискомфорт мог бы быть устранен, если бы бухарских иммигрантов расселяли в более комфортных домах.

Бухарские евреи, проживавшие в кварталах Бет-Шемеш, производили негативное впечатление на израильтян: община была безразлична к чистоте, и это усиливало ее отторжение в городе. Проблема в том, что в Бухаре индивидуальное «частное пространство», которое должно быть чистым, было четко отделено от «общественного пространства». Власти стремились объяснить выходцам из Средней Азии, что в Израиле нет такого пространства, и требовали не загрязнять общественные территории [*Ben-Shaul*, 1978, p. 57].

Традиционно у бухарских евреев большое значение и внимание уделялось родителям и пожилым людям. По традиции бухарских евреев самый младший сын и его семья проживали в доме родителей и заботились о них. Иммиграция в Израиль в определенной мере подрывала традиционный авторитет родителей и их статус среди бухарских евреев, увеличив зависимость родителей от своих детей. Во многих ситуациях сын владел жильем, и родители жили с ним по его доброй воле (с его разрешения). Низкий уровень владения ивритом, необходимость контактов с израильскими общественными инстанциями из-за многочисленных жиз-

ненных ситуаций, заставляли пожилых членов семьи быть зависимыми от более юных родственников со знанием иврита.

Как подчеркивали израильские исследователи, чиновники и социальные служащие должны были принимать во внимание отчаяние, возникшее в этой ситуации у бухарских иммигрантов старшего поколения, а также учитывать болезненное ощущение из-за ущемленного чувства гордости у пожилых членов бухарской общины. Бухарские иммигранты также испытывали дискомфорт в связи с грубостью и некорректностью по отношению к взрослым и пожилым бухарцам со стороны израильских служащих (пренебрежительное отношение; недостаток терпения чиновников в отношении иммигрантов, незнакомых с бюрократическими процедурами) [*Ben-Shaul*, 1978, p. 57].

Часть молодых бухарских иммигрантов подчеркивали в ходе интервью, что они чувствовали себя в СССР как дома и иммигрировали в Израиль только из уважения к своим родителям, которые захотели жить на Святой Земле, где, как оказалось, они не могут жить достойно.

В исследованиях израильских авторов подробно рассматривался конфликт между традиционной патриархальной бухарской еврейской семьей и стремлением бухарских евреек к самостоятельному трудоустройству. Хотя бухарская семья традиционно патриархальная, среди иммигрантов 1970-х гг. большинство бухарских женщин имели специальности и навыки работы вне дома. Основы образования и профессиональный уровень женщины в общине временами превосходил уровень их мужей (женщины работали парикмахерами, швеями, техническими работниками в лабораториях, преподавателями по сравнению с мужьями – сапожниками, водителями, разнорабочими). Аналогичный конфликт, вызванный традиционным семейным статусом женщины, существовал также и в Бухаре, но в меньшей степени.

В Израиле сложилась совершенно другая ситуация: женщины, которые стремились работать, находили в этом поддержку, разделяя семейные обязанности с другими членами семьи. По мнению израильского антрополога Р. Бен-Шаул, подобная ситуация приво-

дила к отчаянию бухарских мужчин, многие из которых пытались разрешить её насильственными методами. В результате этого внутреннего конфликта бухарские женщины ориентировались на созданные социальные группы поддержки, особенно среди молодых женщин. Эта ориентация создала большую степень открытости и готовности адаптироваться к современному израильскому окружению. Несмотря на то, что бухарские женщины являлись подходящими кандидатурами для новых изменений внутри общины, практическое введение подобных инноваций вызывало сопротивление и неприязнь со стороны мужей и родителей, усиливая внутрисемейные конфликты [*Ben-Shaul*, 1978, p. 58; *Гитлин*, 2008, с. 764–766].

Анализируя проблемы бухарской общины, в исследованиях израильских специалистов подчеркивалось, что израильские чиновники, социальные служащие и т. д. рассматривали еврейские общины из южных частей СССР как однородную группу. По мнению израильских ученых, необходим учет базовых различий между грузинскими и бухарскими иммигрантами; выработка специальных методов работы внутри каждой отдельной общины.

Бухарские иммигранты, в отличие от грузинских, не представляли собой единую группу. Проблемы, с которыми сталкивался один член общины, не вызывали коллективных протестов, забастовок или демонстраций, как происходило среди грузинских иммигрантов. Если возникала общая проблема в бухарской общине, коллективные действия редко предпринимались, а за индивидуальные проблемы ответственность брал на себя индивид или несколько человек, вовлеченных в конфликт. Израильские исследователи пришли к выводу, что подобное отсутствие взаимной общинной помощи происходило из-за недостатка доверия между членами общины.

Бухарская семья (а не община!) контролировала социальное состояние своих членов, что часто препятствовало их адаптации в новой среде. Общинная концентрация в определенной степени создавала трудности для индивидов, особенно молодых людей, стремившихся от нее отделиться. Молодежь ощущала, что общинная концентрация – это «этническое гетто», которое препятствовало адаптации в израильском обществе [*Ben-Shaul*, 1978, p. 59].

§ 5. Республики Прибалтики

Евреи в республиках советской Прибалтики

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в республиках Прибалтики проживало 65 тыс. евреев (в Латвии – 37 тыс., в Литве – 24 тыс., около 4 тыс. – в Эстонии). Несмотря на то, что это лишь около 3% от всего еврейского населения СССР, иммиграция прибалтийских евреев в Израиль в 1970-х гг. составила одну треть от общего числа иммигрантов. Региональное развитие республик имело свои особенности: Латвийская ССР была более индустриально развитой по сравнению с остальными республиками и привлекала большой поток трудовых мигрантов из разных регионов СССР. Между 1959–1970 гг. число русских в Латвии достигло 149 000 человек по сравнению с 37 тысячами в Литве [Parming, 1977, p. 37].

В 1970 г. литовцы составляли 80%, а латыши – только 57% от населения своей республики. По переписи населения 1970 г. в Литовской ССР более 8000 евреев назвали родным языком русский и только 667 – литовский, хотя 7862 человека заявили, что свободно им владеют. В Латвийской ССР более 19 000 евреев назвали родным языком русский, 435 – латышский (несмотря на то, что 7451 еврей владел латышским языком) [Итоги Всесоюзной переписи населения. 1970 г., 1973, т. IV, с. 273, 280]. Если в 1970-х гг. среди евреев СССР только 17,7% назвали идиш родным языком, то в Литве и Латвии этот показатель достигал 62% и 46% соответственно. Для евреев Прибалтики была характерна тенденция небольшого количества смешанных браков, при этом евреи/еврейки, как правило, чаще женились/выходили замуж за евреев или представителей других национальностей, чем за прибалтов [Холмогоров, 1979, с. 237, Таблица 34].

Одна из отличительных особенностей прибалтийских евреев (особенно в Литве) заключалась в том, что они рассматривали себя как группу, отдельную от титульной нации и не стремились к асси-

миляции, в отличие от евреев центральных районов СССР, интегрированных в российский социум. Сравнивая евреев Прибалтики и центра СССР, следует, безусловно, исходить из исторического развития этих территорий. Войдя в состав СССР в 1940-м году, пройдя этап советизации, прибалтийские евреи не ощущали привязанности к доминирующей национальной культуре и местным традициям прибалтов, старались развивать и укреплять свои традиции и культуру.

Если евреи центральных регионов воспринимали российскую культуру на протяжении длительного периода как свою, близкую их менталитету, то культура Латвии и Литвы расценивалась многими прибалтийскими евреями как «крестьянская», значительно уступающая культуре русских или евреев. Большинство евреев из центра и других регионов СССР были гораздо больше адаптированы к советскому социуму, чем «западники» [Gitelman, 1979, p. 89].

В 1940-х годах прибалтийские евреи начали интегрироваться в советскую систему. Многие еврейские прибалтийские семьи, разделенные войной и выжившие в Катастрофе, не возвращались в Прибалтику, а уезжали в Израиль, имея в 1970-х годах реальные основания для своего воссоединения. Евреи, поселившиеся в Прибалтике после войны, попадали под влияние и оказывались в центре еврейской национальной жизни. Постепенно с 1950-х гг. в условиях советских реалий происходит сионистское и национальное возрождение: Вильнюс становится одним из центров еврейского культурного возрождения, а Рига – центром сионистской активности [Кошаровский, 2008, т. 1, с. 238–239].

Основное отличие прибалтийских евреев от евреев центральных регионов заключалось в том, что они в большей степени сохранили еврейские традиции и приверженность иудаизму. Среди еврейского населения европейской части СССР – прибалтийские евреи наиболее длительный период (до 1940-х гг.) были тесно связаны с еврейским образованием, традициями, религией, культурой и т. д. Будучи включенными в состав СССР, прибалтийские и польские евреи оказали влияние на советских евреев. По мнению известного исследователя Ц. Гительмана «...они пробудили

еврейское самосознание, распространяя накопленные знания среди советских евреев, оторванных от мирового еврейства с начала 1920-х гг. и уже забывших свои культурные «корни» [Gitelman, 1979, p. 78].

Одно из отличий евреев прибалтийских республик от евреев центральных регионов СССР заключалось в их этноцентричности и социальной дистанцированности от других национальностей. Традиционно Литва являлась более значительным центром еврейской культуры, чем Латвия, и литовскому еврейству принадлежит большая роль в развитии иудаизма, еврейской традиции, сионизма, и формирование светской культуры на идише и т. д. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Литовской ССР власти предоставили возможность организовать коллективы еврейской художественной самодеятельности и профессиональные эстрадные коллективы. Евреи посещали концерты песен на идише. В праздники собирались в синагоге, которая была не только местом молитвы, но своеобразным клубом; постепенно появилось активное молодое поколение, изучавшее иврит; усилились сионистские настроения; стал распространяться самиздат по еврейской тематике и т. д. [Морозова, 2011, с. 21; Ro'i, 1991, p. 5]. Опыт сионистской деятельности стал распространяться далеко за пределами прибалтийских республик: еврейская интеллигенция Москвы и Ленинграда, например, стремилась использовать методы и навыки сионистской работы, что не могло не вызывать беспокойства у советского руководства.

Многочисленные и разносторонние исследования израильских специалистов, подробно изучавших советских иммигрантов 1970-х гг., дают представление об особенностях иммигрантов – «западников», сравнивая их с евреями из центральных регионов СССР.

Численность и мотивы иммиграции

В начале 1970-х гг. иммиграция прибалтийских евреев («западников») в Израиль носила массовый характер. Если в РСФСР всего 6% евреев обращались с просьбой за вызовами из Изра-

ия, среди евреев Украины эта цифра составила 13%, то за период с 1968 по 1976 гг. 49% литовских и 35% латвийских евреев по официальным израильским данным обратились с просьбой о вызовах [Gitelman, 1979, р. 76]. Большой процент просьб о вызовах увеличивал, соответственно, количество разрешений на выезд прибалтийских евреев по сравнению с центральными регионами. Если центральные регионы получили около одной трети разрешений, то в Литве этот показатель составил – 83% и 63% – в Латвии (намного больше, чем 43% – средний показатель для всего СССР) [Gitelman, 1979, р. 76].

Спонтанная и избирательная политика советского руководства в области иммиграции, вероятно, исходила из учета различных факторов, например: национальный курс руководства республики в отношении миграции населения; уровень солидарности евреев с международным еврейством и шансы получить от него поддержку; усиление националистических тенденций в еврейской среде и т. д. В Литовской ССР обстановка максимально отвечала перечисленным критериям, в Латвии она также приближалась к этим показателям.

В 1972–1973 гг. в Израиле проводились аналитические работы, посвященные советским иммигрантам, где подробно рассматривались: характер, мотивы, социальная структура, численность и т. д. По результатам исследований израильских авторов, сравнивших уровень образования прибалтийских евреев («западников») и представителей центральных регионов, была выявлена закономерность: если старшее поколение (отцы респондентов) имели примерно одинаковый уровень образования в обеих группах, то в следующем поколении уровень образования значительно возростал. Профессиональный состав «западников» и евреев из центральных районов был практически аналогичен.

По опросам общественного мнения израильские исследователи сделали вывод, что «западники» не более религиозны, чем евреи из центральных регионов. Отличие прибалтийских евреев от иммигрантов из других регионов СССР заключалось в знании языка идиш (среди всех поколений). Если по опросам менее

половины старшего поколения (родителей) респондентов из центральных регионов владели идишем, то у родителей «западников» этот показатель был 64%. Если 10% иммигрантов из центральных районов назвали идиш родным языком, то у «западников» – 21% [Gitelman, 1979, p. 84].

С проблемой антисемитизма «западники» сталкивались в меньшей степени, чем евреи из других регионов (24% – «редко» или «никогда»), на этот вопрос аналогично ответили только 14% евреев из центральных регионов. Как пишет Ц. Гительман, изучавший евреев Прибалтики, на вопрос: «чувствовали ли вы себя в СССР как дома» 45% «западников» заявили, что «никогда» не ощущали себя дома в СССР по сравнению с 27% евреев из центральных регионов (остальные заявили, что «редко» чувствовали себя как дома) [Gitelman, 1979, p. 85].

Несмотря на то, что «западники» не испытывали на себе антисемитизм, имели возможность принимать участие в политической и общественной жизни в своих республиках; многие имели высшее образование и работу по специальности – вместе с тем они ощущали гораздо больший дискомфорт не из-за негативного отношения к советской системе, а из-за культурного и социального отчуждения (в большей степени, чем евреи в РСФСР, или на Украине) [Gitelman, 1979, p. 85].

Для прибалтийских евреев еврейские «корни» (родной язык, атмосфера в родительском доме, язык, на котором говорили родители и т. д.) – важные составляющие, определяющие еврейский характер и самосознание («jewishness»). «Высокий» уровень «jewishness» по данным израильских исследователей получили 14% евреев из Прибалтики и 4% – из центра СССР; «низкий» – 29% и 62% соответственно, у остальных «средний» уровень [Gitelman, 1979, p. 84].

В 1970-х годах основной мотивацией и отличительной особенностью еврейской иммиграции из прибалтийских республик, по мнению израильских исследователей, было стремление евреев обрести полноценную еврейскую общинную жизнь. В этой ситуации израильское общество было весьма комфортно для их адап-

тации по сравнению с ассимиляцией евреев из других регионов (центральной части СССР), иммигрировавших по причине национальной дискриминации, антисемитизма или под влиянием сионистских принципов и идеалов.

Во многих исследованиях израильских социологов подтверждалась тенденция более быстрой и успешной ассимиляции евреев из Прибалтики в израильском обществе по сравнению с евреями из центральных регионов, но при этом спустя три или пять лет пребывания в Израиле последним удавалось «догнать» («сравняться») по темпам адаптации с прибалтийскими евреями. Прибалтийские евреи продемонстрировали высокий уровень адаптации, способность и стремление к восприятию израильских норм жизни. По результатам исследований израильские специалисты пришли к выводу, что евреи из Прибалтики быстрее адаптировались к израильской действительности, найдя в израильском обществе свою «нишу» и те ценности, к которым они стремились. «Западники» были гораздо сильнее настроены на ассимиляцию, чем евреи из центральных регионов (на вопрос анкеты: «Насколько оправдались Ваши ожидания от Израиля?» 59% прибалтийских евреев ответили «полностью» или «в значительной степени»; 44% евреев из других регионов СССР ответили аналогично) [Gitelman, 1979, p. 90].

Иммигранты из прибалтийских республик, имея более скромные запросы в отношении Израиля, чем иммигранты из центральных районов, особенно интеллигенция, стремились и обрели в Израиле еврейское общество и культуру. В отличие от прибалтийских евреев, иммигранты из центральных регионов СССР, и, в первую очередь, русифицированная еврейская интеллигенция, покидали страну либо из-за отчуждения со стороны официальных властей, либо из-за национальной и культурной дискриминации, либо под влиянием сионистской идеологии [Gitelman, 1979, p. 89].

У израильских исследователей в ходе многочисленных бесед с советскими иммигрантами создалось впечатление, что евреи из центральных регионов, иммигрируя по сионистским мотивам и не имея опыта проживания в еврейской традиционной среде,

исповедовали более принципиальный, абстрактный и прагматичный сионизм, чем евреи Прибалтики. Сионистская идеология для прибалтийских евреев была более понятна, доступна и логически вытекала из еврейской среды и окружения, в которой они жили до 1940-х гг. и до некоторой степени сохранили ее в течение следующих 30 лет [Gitelman, 1979, p. 89].

«Для тех, кто вырос в еврейской среде и культуре, – делает вывод Ц. Гительман, – обещание и стремление к Земле Обетованной – отличается от этой идеи у тех, кто приобщился к сионизму теоретически и на расстоянии. Иммигранты, приехавшие в Израиль и стремившиеся в первую очередь найти еврейскую социальную и культурную среду, сумели ее найти гораздо легче, чем иммигранты, проповедовавшие сионистские идеологические догмы и теории» [Gitelman, 1979, p. 90]. Прибалтийские евреи, более знакомые с еврейской культурой и обществом, быстрее адаптировались в Израиле, чем евреи из центральных районов, чьи идеи и представления были сформированы в большей мере на теоретическом уровне, а не на жизненном опыте.

§ 6. Иммигранты 1970-х гг. в израильском обществе: проблемы адаптации

Переезд в новую страну на ПМЖ и адаптация в ней проходят у всех иммигрантов по-разному: у кого-то более успешно, а кто-то с трудом преодолевает трудности. По мнению израильских исследователей, часть иммигрантов испытала большое разочарование, столкнувшись с израильской действительностью: бюрократизм, черствое отношение властей, равнодушие, необходимость срочно решать проблемы трудоустройства, жилья и т. д. Новоприбывшие воспринимались как конкуренты: с восточными евреями – за получение льгот и благ; с европейскими израильтянами – за предоставление работы.

Иммигранты 1970-х гг., испытав культурный шок, ощутили негативное отношение к себе со стороны израильтян, прибыв-

ших в конце 1940-х – начале 1950-х гг. из стран Ближнего Востока и Северной Африки в связи с тем, что израильские власти, по их мнению, стремились поселить советских олим в новых построенных домах; проявляли о них заботу; обеспечивали хорошо оплачиваемой работой и т. д. [Shama, Iris, 1977, p. 144–155]. По данным исследования израильских социологов (с участием 1910 человек, представлявших все слои израильского населения в возрасте старше 18 лет) наиболее негативное отношение к советским евреям проявляли уроженцы Израйля восточного происхождения; молодежь – жители густонаселенных и переполненных жилых районов; одинокие (несемейные) израильтяне; молодые бездетные семьи; а также семьи с несколькими детьми. Представители перечисленных категорий населения были наиболее враждебно настроены по отношению к приезжим из СССР, имели с ними минимальный контакт и меньше всего хотели бы оказывать помощь иммигрантам – особенно, если это повлекло бы снижение их собственного уровня жизни [Adar, 1978, p. 209].

Около половины респондентов заявили, что никогда не интересовались абсорбцией, на вопрос о предпочтении проживания рядом с различными группами иммигрантов отдавали предпочтение соседству с иммигрантами-американцами и высказывали сильные возражения против проживания рядом с иммигрантами из Грузии. Среди рекомендаций Министерству абсорбции с целью ослабления напряжения в обществе предлагалось через популярные у израильтян СМИ давать информацию, которая смогла бы преодолеть устойчивые стереотипы и информировать население по любым проблемам, касающимся иммиграции (распределение жилья и т. д.) [Adar, 1978, p. 210].

По мнению израильских исследователей, иммигранты 1970-х годов в основном сумели адаптироваться в Израиле: выучили иврит, нашли жилье и работу, стали как бы «невидимыми» в израильском обществе. Вместе с тем процесс адаптации был сложен и труден. Советским евреям пришлось столкнуться с новой политической системой, культурой, иным содержанием еврейской идентичности; а также традициями, климатом, кухней и многим другим.

Израильская исследовательница Ф. Марковиц, изучавшая советских иммигрантов 70-х гг., проживших десять лет в Израиле, пришла к выводу, что их поведение и образ жизни схожи с нормами израильского общества. По ее наблюдениям подавляющее большинство русскоязычных иммигрантов свободно владеют ивритом; трудоустроены; их заработок достигает средних показателей и даже иногда его превышает; более трех четвертей из них голосовали на выборах в кнессет 1984 г. и планировали вновь принять участие в выборах 1988 г. [*Fran Markowitz*, 1993, p. 103].

Несмотря на трудности, адаптация алия 1970-х годов в целом была успешней, чем алия 1990-х. «Растворившись» в израильском обществе, иммигранты сумели устроиться и выжить. Как подчеркивали израильские социологи Э. Лешем и М. Лиссак, они «...не создали независимых общинных структур и демонстрировали тенденцию к слиянию с различными организациями, созданными для них местными элитами...» [*Leshem, Lissak*, 1999, p. 140]. Примерами могут служить Объединение выходцев из СССР (под контролем Партии труда) и движение «землячеств» – выходцев из различных городов, инициированное Ликудом.

Образованные представители еврейской интеллигенции создали несколько научных и культурологических проектов: журнал «22» (наследник журнала «Сион», редактор Р. Нудель, затем А. Воронель); «русский» научный кибуц на Голанских высотах. В 1970-х гг. издавалось всего две газеты на русском языке – «Трибуна» и «Наша страна» (финансируемые Ликудом и Партией труда).

Добившись определенного социально-экономического положения в израильском обществе, выходцы из СССР, с одной стороны, идентифицировали себя как израильтян и/или евреев, с другой – израильское общество воспринимало их как «израильтян с русским акцентом». Владея ивритом, они продолжали использовать русский как основной даже спустя несколько лет: 93% говорили на нем дома, и большинство читали русскоязычную периодику наряду с израильской прессой.

Одна из характерных особенностей социализации иммигрантов – постоянная тенденция поддерживать дружеские отно-

шения исключительно среди своего иммигрантского окружения, то есть в своей среде. Во время социологических исследований многие респонденты подчеркивали, что, приехав в Израиль, они чувствуют себя «нормальными людьми с нормальной жизнью». Многие евреи подчеркивали, что у них есть знакомые израильтяне, с которыми они общаются, отмечая праздники, свадьбы, дни рождения и т. д., но более близких друзей они находят среди советских иммигрантов. В связи с этим характерна, на наш взгляд, выдержка из интервью русскоязычной иммигрантки. Инна (31 год, приехала в 1977 г. в Израиль, на гражданской службе в израильской армии): «... я приехала в Израиль, когда мне было 20 лет, школу и два курса института закончила в России. Моя культура – русская. В Израиле дети растут на книгах Жаботинского, Герцля, Бялика. ...Я прочитала и оценила эти книги... Я ценю еврейскую историю, историю Израиля, еврейскую культуру; но это в каком-то смысле вне меня... Но я чувствую себя здесь полностью дома, как любая другая израильтянка. Я чувствую именно так, потому что здесь много разных израильтян. Я свободно говорю на иврите, но я чувствую, что у меня больше общего с русскими олим – корни, восприятие, понятия, которые не нужно объяснять». Можно сделать вывод о том, что ее адаптация прошла успешно, но внутреннее состояние и стремление к общению в большей степени связано с российской ментальностью. В 1970-х гг., несмотря на стремление иммигрировать в еврейское государство и несмотря на усилия, которые оно предпринимало для гостеприимной встречи и опеки, в первый сложный период иммигранты должны были бороться за то, чтобы чувствовать себя «как дома». Большинство новых олим (70%) считали себя либо евреями (37%), либо израильтянами (33%), хотя израильтяне оценивали их в первую очередь как «русских» (63%). Этот диссонанс объяснял борьбу многих новых иммигрантов 1970-х гг. за то, чтобы чувствовать себя в Израиле «как дома» [Farago, 1978, p. 115–128].

Спустя десять лет советские иммигранты 1970-х гг., прибывшие в Израиль без знаний о том, как действует израильская политическая система, стали не только хорошо информированы

об основных проблемах, характере и различиях между партиями, но также активно участвовали в выборах. Наиболее существенным для интеграции было понимание, что политические интересы олим не должны быть сфокусированы на самих себе, как этнической группе, а скорее на более широких проблемах, связанных с их присутствием в израильском обществе [Gitelman, 1982, p. 350].

День Победы 9 мая. По улице Герцеля (фото Хайфа, Израиль).
Парад Победы в Хайфе. 2017
(источник: <https://fototerra.ru/Izrail/Hajfa/MATA-3824.html>)

Правнуки рядом. Парад Победы в Хайфе. 2017
(источник: <https://fototerra.ru/Izrail/Hajfa/MATA-3824.html>)

На праздновании 9 мая в Израиле: день только для тех, кто умеет помнить. Парад Победы в Хайфе. 2017
(источник: <https://fishki.net/2346700-na-prazdnovanie-9-maja-v-izraile-deny-tolyko-dlja-teh-kto-umeet-pomnity.html/gallery-4733445/>)

Еврейские эмигранты прибывают из СССР в Израиль. 1972.
Эмиграция евреев из СССР
(источник: <https://photochronograph.ru/2015/02/26/emigraciya-evreev-iz-sssr/>)

Премьер-министр Израиля Ицхак Рабин пожимает руки еврейским эмигрантам на борту самолета, следующим из России в Израиль. 1994. Эмиграция евреев из СССР (источник: <https://photochronograph.ru/2015/02/26/emigraciya-evreev-iz-sssr/>)

Отказники в аэропорту «Шереметьево» провожают своего соратника, уезжающего в Израиль. 1970. Эмиграция евреев из СССР (источник: <https://photochronograph.ru/2015/02/26/emigraciya-evreev-iz-sssr/>)

Демонстрация в Лос-Анджелесе, организованная
«Южно-калифорнийским советом за свободу евреев СССР». 1969
(источник: <https://photochronograph.ru/2015/02/26/emigraciya-evreev-iz-sssr/>)

Грузинские евреи во время голодовки
в здании Центрального телеграфа. Москва. Июль, 1971
(источник: <https://photochronograph.ru/2015/02/26/emigraciya-evreev-iz-sssr/>)

Глава 4

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ИЗРАИЛЬ: 1990-е годы

Одной из характерных особенностей развития страны в начале 1990-х гг. явилась беспрецедентная по масштабу русскоязычная эмиграция из СССР/СНГ. К концу 2001 г. численность русскоязычных израильтян превысила миллионный уровень (920 тыс. репатриантов присоединились к 170–180 тыс. человек, прибывшим с 1970-х гг.) [Русскоязычная община. 2002].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Израиль ощутил массовый подъем эмиграции из СССР, а затем из России и других стран СНГ – самый большой по масштабам начиная с 50-х годов и оказавший огромное влияние на все аспекты развития израильского общества. Данные Центрального статистического бюро Израиля: с 1989 по 1999 г. в рамках Закона о возвращении в Израиль прибыло 903,1 тыс. репатриантов, в том числе 771,5 тыс. человек из бывшего СССР/СНГ. Наибольшее число приехавших с 1989 по 1995 г. – 710 тыс. человек, в том числе из бывшего СССР/СНГ – 609,9 тыс. человек (подавляющее большинство), что увеличило численность населения страны примерно на 13% [Масюкова, 1999, с. 126].

В течение 1989–1996 гг., несмотря на массовый поток иммигрантов, происходили колебания в динамике численности олим. Так, например, после наибольшего притока иммигрантов в 1990 г. отмечалось некоторое снижение числа приехавших и, в первую очередь, из России, что отчасти определялось изменением экономической и политической ситуации, возрождением еврейских культурных традиций, образования, языка, литературы и т. д. По дан-

ным таблицы 4 прослеживается география иммиграции в Израиль по республикам бывшего СССР и стран СНГ, а также наблюдается снижение прибывших из России после 1991 г. и постепенный рост репатриантов из Украины. В последующие годы характерно стабильное нарастание иммиграционного потока репатриантов из Украины (в 1995 г.) – 36%, из России – 24%; в 1996 г. – соответственно 40,3 и 28,3% [Масюкова, 1999, с. 126].

Таблица 4

**Численность иммигрантов в Израиле
из бывшего СССР (по республикам)*, 1989–1996 гг.**

Республика	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	Всего
Россия	$\frac{3,1}{24}$	$\frac{45,5}{25}$	$\frac{47,3}{32}$	$\frac{24,8}{38}$	$\frac{23,1}{35}$	$\frac{24,6}{36}$	$\frac{15,7}{24}$	$\frac{16,45}{28,3}$	$\frac{200,55}{30,8}$
Украина	$\frac{3,6}{28}$	$\frac{58,9}{32}$	$\frac{39,8}{27}$	$\frac{13,1}{20}$	$\frac{12,8}{19}$	$\frac{22,7}{33}$	$\frac{23}{36}$	$\frac{23,4}{40,3}$	$\frac{197,9}{30,4}$
Белоруссия	$\frac{1,1}{9}$	$\frac{23,4}{13}$	$\frac{16}{11}$	$\frac{3,3}{5}$	$\frac{2,3}{3}$	$\frac{2,9}{4}$	$\frac{4,2}{6}$	$\frac{4,35}{7,5}$	$\frac{57,55}{8,8}$
Молдавия	$\frac{1,5}{12}$	$\frac{11,9}{6}$	$\frac{15,4}{10}$	$\frac{4,3}{7}$	$\frac{2,2}{3}$	$\frac{1,9}{3}$	$\frac{2,4}{4}$	$\frac{2}{3,4}$	$\frac{41,6}{6,4}$
Прибалтийские республики	$\frac{6}{5}$	$\frac{7,4}{4}$	$\frac{3,1}{2}$	$\frac{1,3}{2}$	$\frac{1,8}{3}$	$\frac{1,2}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1,15}{2}$	$\frac{17,55}{2,7}$
Ср. Азия, Азербайджан, Грузия, Армения	$\frac{2,8}{22}$	$\frac{34,8}{19}$	$\frac{25,8}{17}$	$\frac{14}{22}$	$\frac{18,4}{28}$	$\frac{14,1}{21}$	$\frac{15,5}{24}$	$\frac{10,75}{18,5}$	$\frac{136,15}{20,9}$
Неизвестно	1	3,3	4	4,3	5,5	0,7	2,4	0,8	16,7
Всего:	$\frac{12,8}{100}$	$\frac{185,2}{100}$	$\frac{147,8}{100}$	$\frac{65,1}{100}$	$\frac{66,1}{100}$	$\frac{68,1}{100}$	$\frac{64,8}{100}$	$\frac{58,9}{100}$	$\frac{668}{100}$

Источник: Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Goals. June 1997, с. 8.

* В числителе – число иммигрантов в тыс.;

в знаменателе – доля общего числа иммигрантов в %.

Для иммиграции 1995–1996 гг. характерно увеличение евреев из периферийных, а не столичных городов. Снизилось число прибывавших из Москвы (где проживала самая крупная еврейская община – около 200 тыс. человек) – в 1995 г. 1872 человека; из Санкт-Петербурга (община 120 тыс. человек) – 1348. Анало-

гичная ситуация сложилась в этот период на Украине – сокращение на 23% приезжих из крупных городов (Киева, Одессы) и ряда других, и одновременно рост на 14% – из периферийных городов [Масюкова, 1999, с. 127].

§ 1. Социальный «портрет» русскоязычной иммиграции 1990-х гг.

На протяжении многих десятилетий каждая иммиграционная «волна» вносила свой уникальный вклад в развитие израильского общества. XX век по праву назван веком «русской» алии, происходившей в различные исторические периоды СССР. Мотивация отъезда иммигрантов 1990-х гг. существенно изменилась с 1970-х годов и во многом определялась событиями, связанными с перестройкой, проведением реформ, распадом СССР и многими структурными изменениями советского общества, вызвавшими развитие противоположных тенденций. С одной стороны, во второй половине 1980-х гг. началась постепенная демократизация общества, либерализация экономики; появилась свобода слова и печати; возможность возрождать еврейские культурные, религиозные, исторические традиции; создавать систему еврейского образования и воспитания. С другой стороны, как в России, так и в бывших советских республиках эти процессы сопровождались экономическими, политическими, национальными и этническими кризисами и конфликтами; техногенными и экологическими катастрофами; резким ухудшением социально-экономического положения трудящихся и массовой безработицей. По результатам многочисленных опросов основными причинами репатриации 1990-х гг. были экономические проблемы. Согласно опросу (1993 г.) об этом заявили более 50% евреев, покидавших страну. Если в 1970-х гг. евреи, стремясь на «землю обетованную», в значительной мере выступали против религиозных, политических, культурных и других ограничений и запретов советских властей, а также против проявления антисемитизма в той или иной форме, то в 1990-х гг. мотивация отъезда

в подавляющем большинстве случаев не была связана с сионистскими убеждениями, а происходила из-за нестабильной обстановки и отсутствия перспектив, с которыми приходилось сталкиваться у себя дома [Масюкова, 1999, с. 128].

Репатрианты 1990-х гг. были менее идеологизированы, имели более четкий прагматичный подход, определявший причины и цели их отъезда. Большинство советских еврейских семей были далеки от иудаизма, еврейской истории и культуры, многие состояли в смешанных браках и (по результатам опросов) называли себя светскими людьми, но «соблюдающими традиции». Только 2% респондентов-иммигрантов в начале 1990-х гг. назвали «сионизм» причиной приезда в Израиль [Gitelman, 1995, p. 27], и среди аргументов в пользу репатриации гораздо реже звучали причины, связанные с проявлением антисемитизма, что было характерно для 1970-х гг. Среди евреев, стремившихся любой ценой покинуть страну в 1990-х гг., 59% назвали причиной отъезда экономические трудности и 20% – политические (опрос 1993 г.) [Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement, 1997, p. 17].

Характерной особенностью русскоязычной иммиграции последней «волны» являлся постоянный рост числа неевреев в смешанных семьях как результат неизбежной ассимиляции советского еврейства на протяжении нескольких поколений. Постоянный рост числа неевреев среди русскоязычных репатриантов превратился в устойчивую тенденцию.

С 1 августа 1989 г до конца июля 2000 г. в Израиль из СНГ приехали 859 502 человека, из них 619 820 евреев. Если в конце 1980-х – начале 1990-х гг. евреи составляли около 70–80%, то в дальнейшем, например, в 2002 г. (с января по август) среди 9357 репатриантов из СНГ евреями были только 3849 человек [Силин, 2002]. Израильские исследователи, анализируя состав неевреев-репатриантов по данным на 2001 г., сделали вывод, что больше всего – 18% – дети отцов-евреев (более половины – несовершеннолетние); 13,9% – внуки евреев; 11,6% – супруги евреев; 5,9% – супруги детей; 9,9% – супруги внуков-евреев; 4,1% – прибывшие по гуманитарным мотивам [Евреи из бывшего СССР. 2001–2002, с. 29]. Евреи, прибывшие

в Израиль в 1990-х гг., на протяжении многих лет воспитывались в условиях атеистической пропаганды, были далеки от иудаизма, еврейской истории, традиций и т. д. В результате более 90% новых репатриантов – люди неверующие, которые осознают себя евреями преимущественно по этническому признаку [*Ременьник*, 2003, с. 17].

Социально-демографическая характеристика русскоязычной общины, на наш взгляд, дает более ясное представление о проблемах ее адаптации в израильском обществе и подчас сложных отношениях с истеблишментом страны. Так, например, в 1994 г. скандально известные высказывания бывшего министра труда и социальных вопросов Оры Намир о том, что «треть алии (иммиграции, – *И.М.*) из бывшего СССР составляют старики, треть – инвалиды и треть – матери-одиночки», опубликованное в газете «Гаарец» в октябре 1994 г., вызвало бурю негодования и протеста среди руководства и широких кругов страны. Ее высказывания были официально опровергнуты и в ответ представлены данные, отражавшие иной социальный «портрет» иммиграции последней «волны». По результатам исследования 2001 г. русскоязычная община отличалась достаточной трудоспособностью: работающее население (от 15 до 65 лет) составило 57%, средний возраст репатриантов – 40,7 лет – у женщин и 38,6 – у мужчин [*Русскоязычная община*, 2002].

Для новых иммигрантов характерен относительно низкий процент (20%) детей и соответственно высокий процент пожилых людей, по сравнению с израильским населением, где дети до 14 лет составляли 29% от всего населения; средняя иммигрантская семья состояла из 2–3 человек, что ниже соответствующего израильского показателя [*Семенченко*, 2002, с. 98]. Отличительной особенностью иммиграции последней «волны» был также большой процент женщин: с 1990 по 1995 г. в Израиль прибыло на 40 тыс. женщин больше, чем мужчин, т. е. на каждую тысячу женщин приходилось 878 мужчин, в то время как в конце 1989 г. на тысячу женщин среди еврейского населения Израиля приходилось 988 мужчин [*Семенченко*, 2002, с. 99]. Для Израиля нетипично значительное число неполных семей, особенно тех, во главе которых находятся жен-

щины, а также большое число разведенных женщин: в 1995 г. этот показатель среди репатриантов составил 15% по сравнению с 3,4% (в 1989 г.) среди еврейского населения Израиля [Statistical Abstract of Israel, 1996, с. 42–47].

Эмигранты 1990-х годов имели высокий образовательный уровень (на 2001 г.): у 60% из них было высшее образование (по сравнению с 30% среди израильтян) [Русскоязычная община, 2002]. В 2001 г. профессиональный состав репатриантов был следующий: 100 тыс. инженеров, 50 тыс. медицинских работников (в том числе 15 тыс. врачей), 54 тыс. преподавателей, 15 тыс. научных работников, 182 тыс. представителей других профессий [Русскоязычная община, 2002]. Рекордно высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции, ее значительный культурный и интеллектуальный потенциал, определили ее занятость в самых перспективных отраслях: в индустрии высоких технологий, наукоемких производствах, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий, в современных финансовых структурах, в оборонной промышленности, торговле, международном бизнесе [Щаранский, 18.03.1999].

Несмотря на огромный приток квалифицированных кадров, который увеличил на 41% число научной интеллигенции, израильское общество и правящие круги оказались не готовы к максимальному и оптимальному использованию этого научно-технического потенциала и ресурса выходцев из бывшего СССР/СНГ.

Сравнивая иммигрантов 1980–1990-х годов с иммигрантами 1970-х годов, можно выделить ряд специфических особенностей. Следует учесть, что все иммиграции проходили в совершенно разные периоды внутривосточного развития страны исхода. Для 1970-х годов характерно большое количество активистов сионистского движения среди иммигрантов («узников Сиона», отказников и др.). Иммигранты 1970-х годов в определенной мере, стремясь на «землю обетованную», выражали протест в связи с положением евреев в СССР (религиозные, политические, культурные ограничения и запреты), а также с проявлением антисемитизма в той или иной форме.

Конец 1989 г. ознаменовался началом распада СССР. В результате для иммиграции конца 1980–1990-х годов характерно наличие большинства людей, стремившихся любой ценой покинуть свою страну, спасаясь от опасностей и безнадежности. В данной ситуации Израиль был для них страной, безоговорочно предоставлявшей свою помощь. В отличие от иммиграции предыдущей «волны» многие репатрианты представляли собой людей далеких от еврейской религии, культуры, традиций, языка, сионистской идеологии, истории своего народа. Немало было и тех, кто был безразличен (в том числе и молодежь) к проблемам еврейского самосознания. У большинства отсутствовало чувство солидарности с евреями Израиля и многие состояли в смешанных браках, не признавались евреями по строгим канонам иудаизма [Масюкова, 1999, с. 128].

Для иммигрантов начала 1990-х годов характерен большой процент репатриантов из бывших советских республик – Украины, Молдавии, Грузии, в связи с ухудшением экономического и политического положения в этих регионах; практически полностью отсутствовали сионистские или религиозные причины: подавляющее большинство иммигрантов – светские евреи, только незначительная часть (по данным опросов) «соблюдали традиции». Среди причин репатриации, в первую очередь, было опасение и тревога в связи с наступающей политической, экономической нестабильностью и возможными экологическими катастрофами в странах СНГ. В 1990-х годах в ряде регионов СНГ происходило резкое ухудшение экономического положения, жизненных условий и усилилась массовая безработица. По данным опросов среди причин отъезда на первый план выходило стремление иметь «будущее для своих детей» [Масюкова, 1999, с. 128].

Характерно, что среди аргументов в пользу репатриации у иммигрантов 1980–1990-х годов, в гораздо меньшей степени звучали причины, связанные с проявлением антисемитизма, что было характерно для алии 70-х годов. В среде научной интеллигенции, по данным опросов, высказывалось острое желание реализовать на практике свои профессиональные знания и способности; внедрить уже имевшиеся планы, идеи, наработки, проекты и т. д.

В целом иммигранты 1980–1990-х годов имели более четкий прагматичный подход, определявший причины и цели их переезда в Израиль. Особенностью иммиграции последней «волны» была социально-психологическая связь и идеологические воззрения, тесно связанные с одной стороны, с концепциями коммунистического периода и, с другой – с последствиями столкновений постперестроечной идеологии с западными ценностями. Иммиграция конца 1980–1990-х годов была большим испытанием для Израиля: она привнесла в страну огромные человеческие ресурсы, оказала глубокое воздействие не только на его экономику, политику, культуру, но и на все общество в целом, создав своеобразный параллельный «русскоязычный мир» [Масюкова, 1999, с. 128–129].

Проблемами иммигрантов в Израиле занимаются различные министерства, агентства, организации. Основные среди них: Еврейское агентство – СОХНУТ (создано в 1929 г.), Министерство абсорбции (основано в 1968 г.), существует также большое число фондов, программ и проектов различных ведомств и учреждений. Несмотря на значительный опыт, накопленный Израилем в области абсорбции в рассматриваемый период, существовала определенная несогласованность в подходах к решению проблем абсорбции и адаптации иммигрантов.

На каждом историческом этапе развития Израиля «механизм» абсорбции был направлен, в первую очередь, на решение двух основных проблем, от которых целиком зависела успешная адаптация репатриантов: проблемы трудоустройства и обеспечения жильем, при этом изменялись формы и методы разрешения этих вопросов [Масюкова, 1999, с. 129–130].

В 1970-х годах и ранее абсорбция осуществлялась через центры абсорбции, где на несколько месяцев иммигрантам предоставлялось жилье с полным обеспечением и возможностью изучать иврит. Эта политика, по мнению известных израильских исследователей Лиссака и Лешема, позволяла постепенно интегрироваться в израильское общество, находя свою «нишу», облегчая поиск работы и жилья. Система центров абсорбции имела ряд недостатков, порождая иждивенческие настроения у части иммигрантов

и в свою очередь являясь препятствием для активной интеграции в израильском обществе [Lissak, Leshem, 1995, p. 22].

Другим направлением абсорбции иммигрантов стала так называемая политика прямой абсорбции: в этом случае иммигранту предоставлялось государственное жилье на льготных условиях оплаты. Жилье было снабжено всем необходимым для нормального проживания (мебелью, посудой, постельными принадлежностями и т. д.). По этой схеме предполагалось, что иммигрант должен был начать интегрироваться в израильскую действительность с первых дней пребывания в стране, без специального адаптационного периода.

Основным моментом в программах абсорбции, по мнению автора, являлась социальная поддержка иммигрантов. Виды этой помощи были различны и многообразны: денежная помощь, налоговые льготы, ссуды на аренду и покупку квартиры, различные консультации и курсы по переквалификации и профессиональной переподготовке и многое другое. Форма и размеры помощи зависели от состава семьи, возраста экономического и социального положения репатриантов (неполные семьи, число иждивенцев и т. д.) [Масюкова, 1999, с. 130].

По плану абсорбции взрослым предоставлялась возможность обучения языку в вечернем ульпане, при этом они должны были одновременно подыскивать работу; их дети могли посещать сад или школу, для этого также предоставлялись определенные доплаты.

Ульпан – один из инструментов адаптации иммигрантов. Помимо основной задачи – изучение языка иврит, его роль и значение состояли в пропаганде основных ценностей израильского общества; приобщении к израильским традициям, культуре, обычаям и т. д. Ульпан выступал как важный компонент культурной абсорбции, выполняя задачу приобщения иммигрантов к еврейским традициям в рамках израильской национальной жизни [Масюкова, 1999, с. 130].

Большинство иммигрантов посещали ульпан в течение первых шести месяцев пребывания в стране, некоторая часть продолжала изучать иврит и в течение последующих шести меся-

цев. Занятия в ульпане – бесплатные за счет фондов, в основном организованы на общественных началах, организациями и фондами религиозного характера, преподносящими изучение иврита с исторических позиций и прививая определенные нормы еврейской жизни.

Параллельно с занятиями слушатели ульпанов путешествовали с гидом по стране, посещая исторические места Израиля. Во многих ульпанах как светских, так и религиозных праздновали как светские, так и религиозные праздники, разъясняя при этом их значение. В результате этой пропагандистско-просветительской работы иммигранты узнали много нового об иудаизме, истории, традициях страны. Министерство абсорбции систематически издавало брошюры на русском языке с информационными статьями об израильском обществе, еврейской культуре и традициях.

В связи со значительным увеличением населения в начале 1990-х годов был разработан метод абсорбции – так называемая корзина абсорбции. Она включала существенную финансовую поддержку на первые шесть месяцев пребывания в стране: пособие по оплате жилья в течение первого года; расходы на транспорт на шесть месяцев для поездок в ульпан; пособия на образование в зависимости от возраста и числа детей; небольшую сумму на оплату переводов и ксерокопий для официальных документов, заявлений, резюме при поиске работы [Adler, 1997, p. 137].

В самом начале иммигрант получал небольшую наличную сумму и более значительную сумму в виде чека. Для получения ежемесячной суммы, предназначенной из «корзины абсорбции», иммигрант должен был открыть счет в банке и систематически предъявлять копию своего банковского счета в местном отделении абсорбции. Остальная сумма переводилась непосредственно на его счет в банке, в определенных размерах в течение первого года проживания в стране.

«Корзина абсорбции» должна была корректироваться каждые три месяца соответственно росту индекса потребительских цен.

Хотя денежные пособия, «корзина абсорбции», ссуды и другие виды социальной помощи не решали многих кардинальных

проблем иммигрантов, они давали поддержку в самый трудный период первоначальной адаптации в стране, сопряженный с многочисленными трудностями, наиболее основными среди которых являлись проблемы трудоустройства и обеспечения жильем.

§ 2. Проблемы абсорбции (жилье, трудоустройство, заработная плата)

Несмотря на то, что в 1995 г. среди репатриантов из стран СНГ были распределены более 5 тыс. единиц государственного жилья, эта проблема оставалась крайне острой. По данным Министерства абсорбции в государственные квартиры в 1995 г. въехало около 15 тыс. человек, а всего с начала массовой иммиграции последнего периода, государственное жилье получили более 23,5 тыс. семей репатриантов (свыше 15% всех приехавших). По мере увеличения числа иммигрантов возрос спрос на съемное жилье и встал вопрос о размере ренты. Многие иммигранты не могли приобрести жилье за сумму, выделяемую по «корзине абсорбции». Практиковалось объединение ссуд двух и более семей для приобретения одной квартиры или дома (Ипотечную ссуду – машканту – предоставляет государство на покупку квартиры или как помощь на съем жилья. Машканта состоит из основной ссуды, условной дотации (так называемого подарка) и условной ссуды. По данным на середину 90-х годов, основная ссуда выдается на срок 28 и 25 лет под 4% годовых. См.: Информация. Вестник для новых иммигрантов. 1996, № 25, с. 2–7). Это явление получило распространение, в большей степени, в центральных районах, включая мегаполис Тель-Авива, Хайфы, где в 1990–1991 гг. проживало 50 и 20% новых иммигрантов соответственно. После первого года пребывания в стране перед репатриантом возникало несколько вариантов решения жилищной проблемы: он мог остаться на своей съемной квартире или переехать в другую (в том же районе); мог приобрести жилье с помощью предоставляемой ссуды (которая тем не менее составляла только 50% или менее от стоимости жилья); либо мог взять на льготных

условиях в аренду сборный дом в районах, определенных государством или получить государственное жилье в городах развития на юге или севере страны [Adler, 1997, p. 143].

Проблема расселения иммигрантов имеет чрезвычайное значение для адаптации в Израиле. Она напрямую связана с решением экономических, социальных проблем и вопросами безопасности. До создания Государства Израиль основным местом расселения иммигрантов служили, в первую очередь, прибрежные районы, но в 50–60-х годах правительство в качестве национальной задачи выдвинуло проблему размещения иммигрантов по всей территории страны. В тот период иммигрантов направляли в так называемые города развития в периферийных районах и в пограничные зоны [Horowitz, 1998, p. 514, 524].

Большинство иммигрантов, подчиняясь правительственной политике и деятельности агентств по расселению, вынуждены были селиться в этих районах. Демографическая политика правящих кругов вызывала жаркие споры и дискуссии. Противники правительственного курса считали, что «политическая цель территориального расселения противоречит политике социальной и культурной интеграции, приводя к изоляции новых иммигрантов от социальной жизни Израиля». «Расселяя иммигрантов (практически против их воли) в районах с достаточным количеством жилья с целью укрепить пограничные поселения, мы ставим их под удар...» [Gonen, 1990].

Отстаивая принцип расселения в центральных районах, его сторонники считали, что «осуществлять массовую абсорбцию легче в центре стран, где имеются преимущества в инфраструктуре, предоставлении рабочих мест и городских условий, которые были важны как для иммигрантов 50-х, так и 90-х годов в подавляющем большинстве жителей городов» [Lehrmen, 1996].

Проблема расселения иммигрантов постоянно стояла на повестке дня, будучи особенно актуальной в связи с эмиграцией из бывшего СССР, а затем и СНГ. В связи с этим в конце 1991 г. правительство внесло на обсуждение Национальный комплексный план, представлявший собой крупномасштабную программу,

в которой акцент был смещен с проблемы, касающейся только жилья, на проблему «рабочие места – жилье» [Lehrmen, 1996].

По схеме, предусмотренной в плане, предполагалось: интенсивное расселение на юге и севере; сокращение расселения иммигрантов во внутренних районах; крайне незначительное расселение в центре. Помимо этих вариантов, были выделены долго- и краткосрочные цели, и задачи: первые включали создание инфраструктуры по абсорбции иммигрантов в периферийных районах; вторые – расселение в центральных районах, где имелась инфраструктура, предоставлявшая рабочие места [Gitelman, 1995, p. 18].

В результате усилий правительства в начале 1990-х годов половина десятимиллиардного займа, предоставленного Израилу США для абсорбции иммигрантов, была израсходована на строительство 140 тыс. квартир и 25 тыс. сборных домов для обеспечения жильем вновь прибывших [Gitelman, 1995, p. 18]. Однако строительство производилось в отдаленных районах, где отсутствовало достаточное количество рабочих мест и впоследствии (январь 1993 г.) половина квартир оказалась незанятой.

Данная ситуация наглядно продемонстрировала правящим кругам страны необходимость учета в процессе абсорбции специфики иммигрантов, для которых в большинстве случаев работа оказалась важнее, чем жилье. По мнению специалистов, проблема трудоустройства имела принципиальное значение для русскоязычных иммигрантов, в связи с тем, что, с одной стороны, в советский период у большинства рядовых граждан СССР жилье было весьма скромным, а с другой стороны – на протяжении многих десятилетий в стране (по крайней мере, официально) не существовало безработицы, и социальный статус человека определяла его профессия. Следовательно, отсутствие работы, по канонам советского периода, означало не только отсутствие средств к существованию, но, что было важнее для иммигрантов, отсутствие достойного социального положения в обществе [Immigrant Absorption, 1996, p. 5].

Для успешной адаптации русскоязычных иммигрантов было необходимо разрешение одной из наиболее жизненно важных проблем – проблемы трудоустройства. Опыт Израиля в этом слу-

чае представляется уникальным, так как за время существования страны, особенно в последний период, его экономика смогла вместить огромное число иммигрантов. Для небольшой по масштабам страны проблема трудоустройства встала крайне остро, так как оказалось довольно сложно, а подчас и невозможно, обеспечить работой многочисленный поток русскоязычных репатриантов: врачей, ученых, инженеров, музыкантов, преподавателей и т. д., число которых значительно превышало потребности страны.

В Израиле в рассматриваемый период постоянно существовала безработица, уровень которой был не постоянным. Процесс трудоустройства затруднялся рядом факторов: существовала жесткая конкуренция между самими иммигрантами и израильтянами; поиск работы проходил неравномерно – кто-то быстрее «вставал на ноги», находя свою профессиональную «нишу», у кого-то этот процесс затягивался. Многим иммигрантам приходилось сталкиваться со снижением своего профессионального и социального статуса в период адаптации. Существовал ряд конкретных специальностей, не требовавшихся в целом: горные инженеры, преподаватели теории марксизма-ленинизма, истории КПСС, многочисленные преподаватели русского языка и ряд других.

Приток человеческих ресурсов всего лишь за три года (с 1991 по 1993 г.) увеличил численность рабочей силы на 8% [Gitelman, 1995, p. 20–21]. Для создания новых рабочих мест и расширения существовавших в долгосрочном плане, требовались зарубежные кредиты, предоставленные Израилю под американские государственные гарантии в размере 10 млрд долл., т. е. в политическом и экономическом смысле особая форма американской финансовой помощи [Марьясис, 2017, с. 150–151; Федорченко, 1998, с. 308]. Анализируя проблему занятости, следует иметь в виду два аспекта: число занятых и качество трудоустройства. По данным ЦСБ Израиля, уровень безработицы среди прибывших из СССР/СНГ в 1990–1996 гг. оставался ощутимым, и наибольший подъем в 16% наблюдался в течение трех лет: 1994–1996 гг.

Характерно, что в первые шесть месяцев пребывания в стране наиболее высокая безработица среди иммигрантов составляла 60%. Позднее этот показатель неуклонно снижался в связи с адаптацией, хотя, получив работу, многие репатрианты испытывали чувство неудовлетворенности от уровня предоставленной работы [Масюкова, 1999, с. 134].

По данным исследования израильских специалистов, среди 1,2 тыс. иммигрантов после двухлетнего пребывания в стране уровень трудоустройства, как в целом по стране, составлял 78% среди мужчин и 48% – среди женщин. При сравнении этих показателей с СНГ обнаруживалось, что там работали 80% женщин и почти все трудоспособные мужчины. Трудности при трудоустройстве у русскоязычных иммигрантов, по мнению автора, общавшегося с многими бывшими соотечественниками, были связаны с рядом моментов: практически всем претендентам на рабочие места приходилось подтверждать свой профессиональный уровень и навыки (проходя тестирование, испытательный срок, конкурс и т. д.); за исключением специалистов с международным признанием и соответствующего уровня; жесткий возрастной барьер (предпочтение отдавалось молодежи и специалистам до 40 лет); отсутствие достаточных знаний языка (как иврита, так и английского) [Масюкова, 1999, с. 134].

Проблема для русскоязычных иммигрантов состояла не только в нахождении конкретного места работы: для них было важно качество трудоустройства и, в первую очередь, работа по специальности. Среди русскоязычных иммигрантов, пробывших в Израиле менее одного года, этот показатель составлял 23%, а после двух лет пребывания – до 54% [Immigrant Absorption, 1997, p. 20].

В течение первого года пребывания 34% были заняты на неквалифицированных работах, в сервисе – 24% (уборщики, сторожа, вахтеры и т. д.). Среди иммигрантов, находившихся в стране два года и более, число занятых на неквалифицированной работе сокращалось до 16% и в сервисе – до 18%. По данным ЦСБ Израиля, численность трудоспособного населения из СНГ в 1993 г. составила 188 тыс. человек. Хотя 80% (152 тыс. человек) из них и трудоустрои-

лись, однако подавляющее большинство не смогло получить работу по специальности и, в результате, занимали значительно более низкое положение, чем в СНГ [Масюкова, 1999, с. 135].

По мнению авторов ежегодного отчета Ассоциации израильских промышленников, специалисты из СССР/СНГ, занятые в перерабатывающих отраслях израильской индустрии, работали за весьма скромную плату. Аналогичную точку зрения высказывали также авторы исследования, подготовленного Союзом инженеров-репатриантов, подчеркивавшие откровенно заниженный уровень оплаты, которая «не соответствует обычной для израильских инженеров оплате труда, колеблющейся примерно от 50 до 250 шекелей в час» [Вести. 04–05.03.1999].

Анализируя процесс адаптации специалистов-репатриантов, можно заметить следующую тенденцию: если в начале при трудоустройстве 70% репатриантов-специалистов вынуждены были соглашаться на неквалифицированную работу при низкой оплате труда, то спустя примерно пять лет – 42% специалистов с высшим образованием уже работали по своим специальностям [Абсорбция репатриантов с высшим образованием. 1998].

Израильское руководство, постоянно стремившееся изменить сложившуюся ситуацию, искало пути разрешения социальных проблем новых иммигрантов, создавая специальные центры по переподготовке и переориентации трудовых кадров из числа новых олим.

Многочисленная волна русскоязычных иммигрантов 1990-х годов заставила израильские власти вплотную подойти к решению проблем занятости репатриантов в области бизнеса. Во многих израильских фирмах работали репатрианты из стран СНГ, и в середине 1990-х годов около 40% всех желавших открыть свое дело составили русскоязычные иммигранты, обратившиеся за помощью для развития малого бизнеса в центры поддержки деловой инициативы.

В середине 1990-х годов в Хайфе, например, при помощи такого центра было основано порядка 306 малых компаний, из них 134 компаний – новыми иммигрантами. Предприятия иммигран-

тов в тот период дали городу 370 новых рабочих мест, открыв мини-маркеты, мастерские по пошиву одежды, парикмахерские, пекарни, кондитерские, оптики и ремонтные мастерские. В Иерусалиме примерно за четыре года при поддержке Центра деловой инициативы была создана тысяча новых компаний, обеспечивавших работой 2250 человек, половина которых – русскоязычные иммигранты [Масюкова, 1999, с. 137].

В 1994–1995 гг. правительство в 3 раза увеличило бюджет на стимулирование деловой инициативы иммигрантов из стран СНГ: в 1995 г. ссуды новым иммигрантам, желавших открыть свое дело, составили 15 млн шекелей. В тот период была создана Ассоциация новых предпринимателей, активно выступавшая в их защиту.

По данным Министерства абсорбции за годы алии в страну прибыли более 15 тыс. медиков, из них в середине 1990-х годов примерно 10 тыс. человек подали просьбу о получении израильской лицензии на работу и более 6 тыс. ее получили; около 5 тыс. стали работать в медицинских учреждениях. Министерство абсорбции совместно с Министерством здравоохранения организовывали различные курсы переквалификации и обучения врачей новым специальностям, требующимся в Израиле (гериатрия, трудотерапия и др.), с последующим устройством в больницах и клиниках страны, а также в школах, детских садах, домах престарелых [Масюкова, 1999, с. 137–138].

Многие проблемы трудоустройства медиков, а также преподавателей и представителей ряда других профессий были решены благодаря их собственной инициативе. В 1992 г. русскоязычные преподаватели создали Ассоциацию учителей-репатриантов, обеспечив работой 450 человек. Помимо этой ассоциации существовали различные местные организации, в которых сотрудничали педагоги-репатрианты. В середине 1990-х годов в израильских школах уже преподавали примерно 6 тыс. учителей-репатриантов и около 2,5 тыс. из них получили постоянное место работы [Масюкова, 1999, с. 138].

§ 3. Ученые-иммигранты и израильский хай-тек

С 1989 по 1998 г. в Израиль иммигрировало 13275 ученых. В конце 90-х годов среди этой профессиональной группы можно было выделить: специалистов в области физики, вычислительной математики, программирования – 52%; специалистов в области биологии и биотехнологии – 27%; химиков – 12%, гуманитариев – 9%. Основная возрастная группа (около 50%) – ученые в возрасте от 31 до 45 лет, 56% имели ученую степень кандидата и 16% – доктора наук [Immigrant Absorption, 1998, p. 9; *Simanovsky, Strepetova, Yu Naido*, 1996, с. 68–69]. В результате иммиграции 1990-х гг. не только увеличилось население Израиля, но и на 41% возросло число научной интеллигенции, выведя Израиль на первое место в мире по числу инженеров и ученых на душу населения: 135 – на 10 тыс. жителей (для сравнения в США на 10 тыс. жителей приходилось только 85) [Масюкова, 2000, с. 133–134].

В конце XX в. Израиль превратился в один из центров современных наукоемких отраслей, в значительной мере благодаря специалистам из стран СНГ. Рекордно высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции, ее культурный и интеллектуальный потенциал определили ее занятость в самых передовых и перспективных отраслях: в индустрии высоких технологий, наукоемких производствах, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий, в современных финансовых структурах, в оборонной промышленности, торговле, международном бизнесе.

Большинство молодых перспективных специалистов 1990-х годов из СНГ коренным образом отличалось от своих предшественников – репатриантов 40–50-х годов. По мнению журнала «Шпигель» (август 1999 г.), их правильнее было бы назвать не репатриантами, а экономическими беженцами: блестящее знание компьютерной техники сочеталось в них с индивидуализмом, стремлением к большому заработкам; они высокообразованны и честолобивы,

их притягивала «израильская Силиконовая долина» (прибрежная полоса между Тель-Авивом и Хайфой) – долина наукоемких технологий. Многие из них откровенно заявляли, что их не прельщали ни сионизм, ни религия: «их Библия – это Интернет».

Русскоязычные специалисты принимали участие в разработке большинства передовых технических проектов, среди которых: новая технология получения электроэнергии в пустыне Негев; внедрение метода ранней диагностики рака; работа над эффективной программой ликвидации электронных вирусов и многие другие. В результате в 1990-х годах специалисты из стран СНГ дали мощный импульс для развития наукоемких отраслей и высоких технологий. По данным ежегодного отчета Ассоциации израильских промышленников, в сфере электроники было занято не менее 5 тыс. специалистов-репатриантов, и во многом благодаря им Израиль занимал второе место в мире после США по развитию высоких технологий, увеличив в тот период на четверть экспорт продукции в этой отрасли, тем самым создав десятки тысяч новых рабочих мест, где было занято более 100 тыс. человек, треть из которых – репатрианты [Вести. 4–5.03.1999].

Подчеркивая значимость космических исследований, оборонных проектов и ряда других наиболее актуальных разработок, проводимых специалистами-репатриантами, министр науки Израиля Сильван Шалом в одном из интервью заявил, что реализация программы космических исследований и запуск в 1998 г. израильского спутника во многом стали возможными благодаря ученым-репатриантам, работающим в Технионе: их знания и опыт позволили реализовать проект на несколько лет раньше, сэкономив значительные средства [Котляровский, 1999].

В течение нескольких лет большим и упорным трудом пробивалась идея по внедрению оборонных проектов ученых из стран СНГ. Важную роль в решении этой проблемы сыграло руководство программы БАШАН (цель которой – содействовать продвижению технологических проектов ученых и инженеров-репатриантов), в том числе и ее руководитель – Владимир Рубин, добившийся в июле 1999 г. проведения в Министерстве обороны первой рабочей

встречи по внедрению проектов. Специалисты из Министерства обороны, ознакомившись с предложениями репатриантов, приняли решение о создании специального фонда – объемом около 6 млн шекелей. Это решение помогло трудоустроить около 20 специалистов-репатриантов, а также оказало содействие пожилым специалистам и авторам ряда проектов, безуспешно пытавшимся внедрить свои разработки в течение ряда лет [Лоевский, 1999].

Многим иммигрантам приходилось сталкиваться со снижением своего профессионального и социального статуса в период адаптации. Проблемам интеграции была посвящена международная конференция «Иммигранты и их интеграция на рынке труда», проходившая в Израиле в 1998 г. с участием исследователей из Германии, США, Нидерландов и других стран. В ряде израильских исследований, подготовленных на основе информации ЦСБ и института «Брукдейл» с 1990 по 1995 г., были проанализированы проблемы трудоустройства репатриантов из стран СНГ. Процесс адаптации проходил через несколько этапов: на начальном этапе после приезда в страну около 70% репатриантов с высшим образованием были вынуждены заниматься неквалифицированной работой за низкую зарплату, но спустя пять лет 42% репатриантов уже работали в соответствии с полученным образованием. В течение этого времени им приходилось переживать периоды безработицы, однако они получали и дополнительную переподготовку и постепенно интегрируясь в академические дисциплины, поднимаясь по ступенькам социальной лестницы [Гаарец. – Тель-Авив, 20.03.1998].

Для решения социально-экономических проблем адаптации иммигрантов существовали конкретные системы планирования и координации данного процесса. Центральная роль в этом вопросе отводилась Министерству абсорбции, разрабатывавшему основные направления стратегии и тактики адаптации. Еще в 1973 г. в связи с ростом числа ученых-иммигрантов из СССР специальным постановлением правительства был создан Центр абсорбции в науке (ЦАН) при Министерстве абсорбции для оказания помощи в вопросах трудоустройства ученым и специалистам-репатриан-

там. Основные задачи ЦАН заключались в содействии интеграции ученых в систему израильской науки и промышленности; консультировании и оказании помощи в поисках работы, осуществлении научных планов; а в случае необходимости финансировании исследовательской работы специалистов на начальных этапах ее деятельности [Scientific Research in Israel, 1992, p. 20].

ЦАН объединял три отдела: точных и технических наук, естественных наук и медицины, общественных и гуманитарных наук. Центр оказывал помощь как тем ученым, которые приехали, так и тем, кто еще находился за границей, если они соответствовали одному из следующих условий:

а) имели третью академическую степень (для ученых из СНГ – степень кандидата или доктора наук), занимались научной работой не менее трех лет из пяти и имели, по крайней мере, три научные публикации или патента;

б) имели вторую академическую степень, после получения диплома занимались прикладными исследованиями не менее четырех лет из шести, имели не менее трех публикаций или патентов;

в) имели вторую академическую степень, после получения диплома занимались прикладными исследованиями не менее четырех лет, но не имели научных публикаций. Эта категория могла получить помощь для работы в области прикладных исследований (в промышленности или в промышленных исследовательских группах) [Веселова, № 1, 1996].

Во время первого года работы ученого-репатрианта, доля Министерства абсорбции в расходах на трудоустройство составляла 79,2%, а работодателей – 20,8% годовых расходов. Во второй год министерство вносило 66,7%, а работодатель – 33,3%. На третий год расходы министерства и работодателя делились поровну [Стипендия Министерства абсорбции. 2000].

Ученым могло быть также выплачено единовременное пособие на следующие нужды: расходы по ведению исследовательской работы; приобретение оборудования; приобретение материалов и другие расходы, необходимые для проведения исследовательских работ. Размер помощи ученому, работавшему в государственной

организации или на предприятии, мог достигать 8 тыс. шекелей, а работавшему в общественном учреждении, например, в университете, колледже, клинике – 6 тыс. шекелей [Стипендия Министерства абсорбции, 2000].

В результате комплексного подхода к решению проблем ученых-иммигрантов к началу 1989 г. ЦАН оказал поддержку 3,5 тысячам ученых. Работодатели получили финансовые дотации на трудоустройство 2,6 тыс. ученых, 65% из которых нашли работу в университетах и других высших учебных заведениях; 20% – в правительственных и общественных учреждениях, больницах и лабораториях; 15% – в промышленности. За годы своего существования при содействии ЦАН было создано более 50 временных исследовательских групп для реализации научных проектов [Adler, 1987, p. 52–56].

Проблема финансирования научных исследований и адаптации ученых-иммигрантов постоянно вызывала острые дискуссии в Кнессете. Например, при выделении дополнительных средств к бюджету 1998 г. бывший в то время координатор оппозиции в финансовой комиссии Кнессета Авраам Шохат (Авода) подверг резкой критике предоставление недостаточной суммы – 5 млн шекелей для помощи ученым-иммигрантам (по сравнению с 25 млн шекелей – для передачи йешивам) [Вести. 12.03.1998].

Среди 13275 ученых, прибывших с 1989 по 1998 г., по данным Министерства абсорбции на 1998 г., в сфере науки получили работу 9800 человек, из них с помощью ЦАН трудоустроились 8390 человек; 4040 работают в частном секторе и 2250 – в университетах [Immigrant Absorption. 1998, p. 19].

Правительство разработало систему всевозможных программ и грантов, поддерживавших ученых в предпринимательстве и бизнесе; в научно-исследовательских институтах и университетах и др. Среди наиболее известных: программа «Гилади» (создана в 1995 г.) для материальной поддержки ученых из бывшего СССР, программа «Камея» – оказывала помощь при трудоустройстве ученых и финансировала специалистов, работавших в университетах на постоянной основе. В 1999 г. министру абсорбции Юли Тамиру

удалось в упорной борьбе предотвратить ликвидацию проекта «Камея» и даже увеличить его бюджет [Вести. 02.09.1999].

Довольно сложная ситуация сложилась с трудоустройством в израильских университетах, хотя в каждом из них существовали специальные отделы и штатные сотрудники, занимавшиеся вопросами абсорбции.

Некоторые положительные сдвиги наблюдались в университете им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве: с 1 апреля 1998 г. начался прием на работу ученых-репатриантов на должность «ученый-исследователь». Программа трудоустройства ученых-репатриантов предусматривала в течение трех лет обеспечение работой 80 специалистов, зарплата для них поступала из фонда повышения квалификации с предоставлением условий для научных исследований. По данным на 1998 г., за семь предыдущих лет университет принял 465 ученых-иммигрантов, что составило 20% от числа всех трудоустроенных репатриантов в университетах Израиля. Такое же число ученых принял Технион в Хайфе. В 1998 г. в университете Беэр-Шевы работал 281 ученый-репатриант (230 получали стипендию Министерства абсорбции) [Беэр-Шевский университет примет на работу. 1998].

Проблема интеграции ученых и специалистов-иммигрантов – сложный и подчас болезненный процесс. Трудности интеграции были связаны с объективными и субъективными факторами, разработка этой проблемы нашла отражение в ряде западных и израильских исследований [Toren, Griffel, 1983, с. 10–25; Toren, 1984, p. 125–160; Toren, 1988].

Основные различия в организационной структуре науки в СССР/СНГ и на Западе, в частности в Израиле, состояли в том, что наиболее приоритетные направления исследований проводились в СССР в академических институтах страны, а наиболее актуальные прикладные исследования – в крупных отраслевых институтах, а не в университетах (за исключением ряда ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Киева и др.). В Израиле в рассматриваемый период практически большинство научных исследований было сосредоточено в университетах и в Институте

Вейцмана, а также стали появляться наукоемкие компании со своим штатом ученых, где наряду с «технологическими теплицами» (о них см. ниже), разрабатывались проекты ученых из стран СНГ.

Проблемы интеграции русскоязычных ученых заключались в том, что они не находились на одном уровне и имели различный потенциал. В связи с этим была установлена градация степеней Министерства абсорбции в зависимости от научной квалификации ученых-репатриантов. По мнению израильского профессора Олега Фиговского, отстаивавшего права русскоязычных ученых, научные кадры последней алии 1990-х годов можно было приблизительно разделить на несколько групп. Около 5% – выдающиеся специалисты, работавшие в фундаментальных областях, большая часть – в технических дисциплинах; около 30% – специалисты с прочной научной базой, которые могли бы принести дивиденды Израилю, но они зачастую не владели современными компьютерными технологиями и английским языком; около 50% – рядовые специалисты, люди в возрасте около 55 лет. Многие из них работали в промышленности, в школах и колледжах, а также в «технологических теплицах» вместе с представителями предыдущей группы; оставшиеся – примерно 15% – специалисты, деятельность которых непродуктивна, либо их специализация не востребована [Фиговский, 2000].

По мнению западных исследователей, интеграция репатриантов на рынке труда была затруднена в связи с тем, что израильские ученые выступали как монополисты в отношении всех проблем трудоустройства ученых-иммигрантов, и ни иммигранты, ни чиновники, отвечающие за абсорбцию, не предпринимали каких-либо попыток изменения существующего подхода к проблеме интеграции специалистов-иммигрантов [Lissak, Leshem, 1995, p. 35].

Борьба за решение злободневных проблем интеграции ученых-репатриантов на израильском рынке труда привела их к созданию в 1993 г. своей профессиональной организации – Союза ученых-репатриантов Израиля (СУРИ) – крупнейшей всеизраильской ассоциации, объединявшей в своих рядах более 4 тыс. членов в 40 региональных и профессиональных организациях по всей

стране. Цель СУРИ заключалась в долгосрочном сотрудничестве с государственными институтами с целью развития израильской науки и экономики путем использования профессионального потенциала репатриантов.

По мнению президента СУРИ проф. Эдгарта Альтшулера, прибывшего в Израиль в 1991 г., недостаточное использование мощного научного и технического потенциала ученых-репатриантов имело три причины. Первая: искаженный имидж ученого из СНГ в глазах израильтян; вторая – несогласованность действий тех структур, которые должны были отвечать за абсорбцию ученых; третья – неспособность самих ученых организовать вместе для совместного решения наболевших проблем алии [*Лоевский, 2000*].

Среди недостатков, присущих многим ученым, были неумение пользоваться компьютером, незнание английского и иврита, что не давало им возможности построить работу в соответствии с современными требованиями, проигрывая в сравнении с молодыми выпускниками местных вузов.

В сентябре 1999 г. на III съезде Союза ученых-репатриантов более 200 делегатов обсудили ключевые проблемы интеграции 150 тыс. ученых и специалистов из стран СНГ, основная из которых – трудоустройство и эффективное использование научно-технического потенциала русскоязычной алии. В работе съезда участвовали депутаты кнессета М. Солодкина, Ю. Штерн, А. Нудельман и др. В докладе начальника Отдела науки Министерства абсорбции Омри Ингбар подчеркивалось, что из 4,5 тыс. приехавших в Израиль докторов и кандидатов наук 70% получили работу в рамках программы «Камея», проекта «Гилади» и др. [*Прилуцкий, 1999*].

Президент СУРИ Э. Альтшулер предложил для более эффективного решения проблем интеграции ученых из СНГ начать сотрудничество СУРИ с министерствами науки, промышленности и просвещения и Академией наук Израиля. По его мнению, среди первоочередных задач было необходимо: восстановить связи с российской наукой; «продавать» интеллектуальный потенциал за пределы Израиля; создавать собственные учебные и исследовательские фирмы с привлечением ученых-репатриантов из СНГ, у кото-

рых уже накоплен положительный опыт в разработке ряда проблем [Масюкова, 2000, с. 140].

В центре внимания съезда находились также актуальные проблемы многотысячной армии специалистов-репатриантов. Президент Ассоциации инженеров-репатриантов Николай Векслер и другие выступавшие подчеркивали значение развития так называемых домов технологий и технологических теплиц. При этом отмечалось, что большие возможности открывались при широком использовании в израильской промышленности технологий двойного назначения, секретами которых владели многие русскоязычные инженеры.

В 1999 г. министерства абсорбции, промышленности и торговли выделили 3 млн шекелей для создания инженерных центров по всей стране (в перспективе планировалось создать 52 центра) [Открыт первый центр. 1999].

В мае 1999 г. в Ашдоде был создан первый Дом технологий, задачей которого стало улучшение профессиональной интеграции ученых и инженеров-репатриантов, повышение их конкурентоспособности на рынке труда и создание необходимых условий для выполнения проектных заказов [Масюкова, 2000, с. 140].

Пример успешной интеграции – научные центры, реально работавшие в науке: «Наноптика» – в Иерусалиме, «Новые материалы» – в Мигдаль ха-Эмеке, «Ботехнологии» – в Реховоте, «Индустриальная математика» в Беэр-Шеве и др. Среди различных фирм, созданных специалистами-репатриантами, на протяжении многих лет действовала ашдодская фирма «Изотоп», основанная в 1975 г. По данным на 1998 г. в ее составе было 412 сотрудников, среди них около 150 новых репатриантов с высшим образованием и научными степенями. Фирма «Изотоп» насчитывала более 30 филиалов по всей стране, и годовой объем ее работ – свыше 50 млн шекелей. Фирма специализировалась на проверке стандартов строительных материалов, и в результате упорной работы она стала самой крупной в строительной отрасли страны [Котляревский, 1998].

Большую роль в процессе интеграции специалистов и ученых-иммигрантов играли «технологические теплицы», где соединились

наука и производство. В тот период их насчитывалось примерно 28 (около 1,2 тыс. ученых). Специалистам-иммигрантам предоставлялась возможность разрабатывать свои проекты, большинство из которых – в области электроники, химии, программирования, биотехнологии и ряда других направлений. «Технологические теплицы» предоставляли иммигрантам возможность в течение двух лет разрабатывать свои проекты и оригинальные идеи за государственный счет [*Симановский, Стрепетова, 1995, с. 83–87*].

Государственная поддержка «технологических теплиц» через Министерство промышленности и торговли способствовала развитию технологического предпринимательства в Израиле, обеспечивая начинающего предпринимателя финансовой, правовой, административной, материально-технической, управленческой помощью. В условиях «технологической теплицы» иммигранты стремились не только разработать свои проекты, но и применять их в местных технологических и коммерческих условиях.

Работа над проектом осуществлялась в небольших научно-исследовательских группах, затем, если она была успешной, проект покидал «технологическую теплицу», а работа могла быть продолжена после создания самостоятельной фирмы, основанной на проекте. Проекты покрывали широкий диапазон научных исследований: 32% – электроника, 22 – программное обеспечение, 22 – химия и материалы; 9 – медицинское оборудование и остальное – 14% [Программа развития «технологических теплиц». 1996, с. 5].

Обязательное условие для состава научной группы – наличие 50% новых иммигрантов. В 90-х годах постоянно увеличивалось финансирование «технологических теплиц»: в 1991 г. – 3,25 млн шекелей, в 1992 г. – 23 млн в 1993–51 млн в 1994 г. – 80 млн шекелей (что соответствовало 26 млн долл.) [Программа развития «технологических теплиц». 1996, с. 5].

Помимо разработки перспективных проектов, иммигранты овладевали управленческими навыками, необходимыми для интеграции в рыночную экономику, – составлением сметы проекта; его документации, изучением маркетинга. Интеграция высококвалифицированных ученых и специалистов из СНГ, поддержка «рус-

ских» проектов, максимальное использование интеллектуального потенциала алии 90-х годов позволила Израилю в XXI в. выйти на качественно новый научно-технический уровень [Масюкова, 2000, с. 141].

Адаптация ученых-иммигрантов в Израиле

Источником исследования автора послужили данные, полученные в результате работы в Израиле по Программе полевых исследований по общественным наукам (Центр изучения проблем развития в г. Реховоте. Программа МАШАВ) в августе–декабре 1996 г. Автор проводил неформализованные интервью, носившие характер свободной беседы с 10 участниками – русскоязычными иммигрантами, приехавшими в Израиль за период с 1989 по 1993 гг. (Интервью проводились в октябре–ноябре 1996 г. в г. Реховот и г. Ашкелон).

Социально-демографическая характеристика иммигрантов: возраст – в среднем около 40 лет; из 10 человек – 7 мужчин и 3 женщины; 7 человек имеют одного или двух детей, 1 разведен, 2 одиноких.

Прибыли в Израиль: 2 человека в 1989 г., 3 человека в 1990 г., 2 человека в 1991, 1 человек в 1992 г., 2 человека в 1993 г. Время пребывания в стране на момент интервью – от 3 до 7 лет.

Место проживания в СССР/СНГ: 6 человек из России (2 из Москвы, 1 из Санкт-Петербурга, 1 из Воронежа, 1 из Томска).

4 человека из стран СНГ: 2 человека из Украины (Киев, Харьков), 1 человек из Грузии (Тбилиси), 1 из Таджикистана (Душанбе).

Все 10 человек до переезда в Израиль занимались научно-исследовательской работой в институтах РАН или отраслевых научных центрах. 2 человека имеют степени докторов наук (из них 1 – государственную премию Грузинской ССР); 8 удостоены степени кандидатов наук.

Научная специализация: 3 специалиста в области биологии, биохимии; 2 специалиста в области физики жидких и твердых кристаллов, 4 – прикладная физика, электроника, автоматическое оборудование технологических процессов, применение плазмы; 1 социолог.

Информанты до отъезда в Израиль имели постоянную работу в течение нескольких лет в научно-исследовательских институтах РАН, отраслевых институтах и научных центрах. В ходе интервью участники опроса давали ответы в виде свободной беседы, и полученные информацию и данные, на наш взгляд, целесообразно сгруппировать по нескольким тематическим группам.

Одна из центральных проблем – изменение социального статуса после переезда в Израиль. Из 10 респондентов 3 человека заявили, что их статус стал ниже; 2 утверждают о повышении; по мнению 5 человек, их статус остался на том же уровне.

Приведем несколько отрывков из интервью.

Владимир (в Москве возглавлял лабораторию в одном из институтов РАН, специалист в области биологии, биохимии; доктор наук; в Израиле занимает должность исследователя на сельскохозяйственном факультете Еврейского Университета): «...без сомнения мой статус стал ниже... в России у меня был более высокий научный статус, степень, и я читал лекции, здесь – я только исследователь по контракту...»

Второй информант, также подтвердивший понижение социального статуса – **Виктор** (занимал должность заведующего лабораторией НИИ, кандидат наук; в Израиле стал менеджером на фирме).

У двоих статус, как они считают, стал выше.

Клара (доктор технических наук, лауреат Государственной премии Грузинской ССР, в Тбилиси была научным сотрудником в Институте кристаллографии АН Грузинской ССР; в Израиле – Главный ученый на фирме): «...в СНГ я была “еврейкой из Грузии”... я была самым молодым ученым, получившим степень доктора наук в АН Грузии, но никто обо мне не знал... в Израиле я хорошо известный ученый в научных кругах, принимаю участие в телевизионных программах, даю интервью... мой статус стал выше...»

Алекс (был научным сотрудником, кандидатом наук в институте Санкт-Петербурга, в Израиле – Генеральный менеджер на фирме): «...в Питере я был только исследователем, но в Израиле мой статус выше, сейчас я занимаю пост Генерального менеджера всей фирмы».

Борис (кандидат технических наук, был научным сотрудником в Москве, Институт металлургии РАН; в Израиле – исследователь в технологической «теплице» – «инкубатор»).

«...Я считаю, что, несмотря на удовлетворение от работы и степень кандидата наук, которую я получил (подготовил диссертацию в Израиле, а защищал в Москве, в Институте металлургии АН РАН), что сейчас мой статус ниже, потому что если у вас в Израиле есть работа – всё хорошо... но если ее нет, вы должны подметать улицы <...> здесь очень жестокая борьба за выживание...»

Остальные 5 информантов заявили, что их статус остался на том же уровне.

Игорь (в СНГ – кандидат технических наук, научный сотрудник, совмещал научную работу с предпринимательской на фирме): «...в Израиле <...> руководитель фирмы».

Роман (кандидат технических наук, возглавлял лабораторию): «...сейчас занимаюсь научной работой и бизнесом».

Рената (кандидат наук, специалист в области социологии): в Израиле – исследователь Аналитического отдела в Министерстве труда Израиля.

Наум (кандидат наук, научный сотрудник в НИИ) – в Израиле – исследователь в технологической «теплице».

Нина (кандидат наук, научный сотрудник) – в Израиле – исследователь в технологической «теплице».

Сгруппировав по тематике основной материал «жизненных историй» информаторов, можно выделить несколько центральных проблем.

Причины иммиграции в Израиль

Половина респондентов (5 человек) сообщили, что одна из основных причин – политическая обстановка.

Клара: «была очень сложная политическая обстановка в Грузии в начале 1990-х годов, когда Гамсахурдия пришел к власти».

Игорь: «...Основная причина моего отъезда – положение внутри страны... не было стабильности и уверенности в будущем, я не мог развивать свой бизнес в полной мере, разрабатывать и осуществлять на практике мои проекты... был также рэкет...»

Роман: «...Я не был удовлетворен политической обстановкой в России...»

Рената: «...у меня две причины отъезда: первая – разочарование и потеря уважения к политической системе и ее лидерам <...> мы беспокоились по поводу национальных конфликтов; во-вторых, больше информации появилось об Израиле как еврейском государстве с еврейскими традициями...»

2 респондента заявили, что основные причины иммиграции – их личные проблемы, связанные с семьями.

1 респондент назвал [причиной отъезда] сионизм.

Владимир: «...сионизм был основной причиной моей иммиграции... Я хотел жить в сионистском государстве <...> у меня в России, как у ученого, было всё <...> я давно хотел уехать, но не мог из-за тяжелой и продолжительной болезни моей матери»... и среди причин он также добавил: «стремительный развал науки в России».

Информанты называли среди причин отъезда: «отсутствие перспектив в карьере», «стремление улучшить экономическое положение и условия жизни своей семьи».

Практически все семейные респонденты подчеркнули, что они хотели иметь: «перспективы для детей и своих семей в будущем».

Борис в интервью заявил: «...меня беспокоили националистические антисемитские движения, такие как “Память” ...»

Характерно, что никто не назвал религиозный фактор мотивом иммиграции. Из 10 информантов 8 заявили, что они не религиозны, 2 – придерживаются традиций.

Трудоустройство

Для всех респондентов одним из важнейших критериев успешной интеграции является трудоустройство. Все информанты на момент проведения опроса имели работу (автору не удалось встретиться с безработными учеными-иммигрантами, по разным причинам это оказалось невозможным).

Поиск работы

Большинство респондентов (7 человек) заявили, что процесс поиска работы очень труден. Всё необходимо делать самому: про-

смагивать объявления, рассылать CV, списки публикаций, а также свои проекты и планы. Спустя некоторое время каждый из них получал несколько вариантов, из которых мог что-то выбрать. Приведем отрывки из интервью.

Клара: «...мой опыт интеграции и абсорбции ученого – негативный, несмотря на то, что у меня хорошая и интересная научная работа на фирме... Наука в Израиле финансируется по остаточному принципу... Не хватает средств на фундаментальную и теоретическую науку... Многие талантливые ученые покидают Израиль, потому что они не нужны... больше шансов трудоустроиться есть у специалистов в области прикладной науки (электроника, программирование, прикладная физика и т. д.). «...многие ученые имеют проблемы с трудоустройством из-за завышенной самооценки, чувства превосходства и имперских амбиций...», «...для Израиля типична система корпоративности в научных кругах... идет постоянно очень жестокая борьба за устройство в университеты... и повсюду... даже если у вас высокий профессиональный уровень... вы должны напряженно работать, чтобы найти работу».

Владимир: «...система абсорбции ученых в Израиле неудовлетворительная, происходит резкое ухудшение качества абсорбции <...> израильтяне боятся огромного притока ученых из СНГ, которым приходится вести постоянную борьбу за равные права с израильскими учеными... 99% ученых-иммигрантов получают более низкие зарплаты, чем их израильские коллеги...»

Алекс: «...пока я учился в ульпане, я работал продавцом в магазине электротоваров... Я бегло говорил по-английски и у меня было несколько контрактов... Я искал научную работу и через некоторое время я получил несколько положительных ответов из разных мест. ...Но так как я хотел внедрять на практике свои собственные проекты, я, наконец, нашел работу в технологической «теплице».

Игорь: «...процесс поиска работы сложен... мне повезло, что я сразу же поселился в г. Реховоте, недалеко от технопарка... Я стал работать на фирме и у меня много контрактов с различ-

ными компаниями и организациями <...> через некоторое время мой проект был принят в техническую «теплицу» ...»

Борис: «...в течение двух лет я был без работы, и это был драматичный период в моей жизни... затем я работал над проектом в течение двух лет в Еврейском Университете... и после этого я очень напряженно работал еще год для того, чтобы начать проект в технической «теплице».

Значение иностранного языка

Все участники интервью владели ивритом (благодаря учебе в ульпане), а также английским языком на разном уровне. Во всех интервью они подчеркивали, что уровень знаний иностранных языков очень важен при трудоустройстве: лучше знания – больше вероятность найти работу.

Клара: «отсутствие хорошего знания английского языка – серьезное препятствие... если у ученого слабый английский, ему трудно установить научные контакты, и он не может четко заявить о себе...»

Рената: «...мои знания английского мне очень помогли, когда я устроилась работать исследователем в аналитический отдел Министерства труда...»

Борис: «...у меня были проблемы, когда я искал работу, потому что не было хороших знаний английского...»

Алекс: «...я говорю по-английски бегло и у меня много важных контрактов, это помогло мне».

Возраст

Большинство информантов (8 ученых) подчеркнули, что чем моложе претендент, тем вероятнее, что его примут на работу.

Игорь: «мне говорили, что даже если вы хороший специалист <...> 40 лет – это рубеж для трудоустройства на фирму в Израиле... работодатели предпочитают молодых людей без опыта (только потому, что они – молодежь) вместо профессиональных специалистов среднего возраста...»

Рената: «...Конечно, более молодых принимают на работу охотнее, но, я считаю, что даже за 40 лет, если вы хороший специалист с кандидатской степенью, вы можете найти работу...»

Участие в курсах по переподготовке

Все 10 информантов учились в ульпане, и 1 респондент принял участие в комплексной программе в течение года для ученых с кандидатской степенью в Еврейском Университете и после ее окончания получила диплом преподавателя физики в средней школе.

Процесс успешной интеграции и трудоустройства зависит от многих факторов: претендент должен быть готов проходить курсы по переподготовке, не бояться на каком-то этапе снижения своего социального статуса; стремиться улучшить свои знания и навыки.

Очень важен, по мнению нескольких информантов, правильный психологический настрой, личные отношения ученых к своей работе в период адаптации (когда они получают стипендию им. Шапира).

Клара: «...существуют две альтернативы <...> некоторые ученые сидят и делают свою обычную работу и спустя 3 года – они на рынке труда <...> другие стараются изо всех сил, чтобы улучшить свои знания, просматривают новую литературу по своей специальности... Я знаю пример, когда ученый, получая стипендию, напряженно работал в лаборатории университета, создал новое уникальное оборудование... и был принят в штат университета...»

Во многих интервью ученые подчеркивали, что они удовлетворены рабочими условиями: нет проблем с новой научной литературой, есть все необходимые материалы и оборудование для экспериментов и научного поиска.

Владимир: «...в Израиле <...> возможность научных контактов и связей с зарубежными учеными намного выше, чем в России...»

Алекс: «...в Израиле ученый может сделать намного больше, чем в России, потому что – высокая организация труда».

8 респондентов полностью удовлетворены результатами своей работы, востребованностью своих знаний и профессионального уровня. Они сумели воплотить на практике свои планы и проекты.

2 респондента не были полностью удовлетворены.

Проблемы успешной интеграции охватывают различные аспекты условий жизни в стране.

Из 10 информантов: 9 проживали в г. Реховот, 1 опрашиваемый в г. Ашкелон. Все участники интервью заявили, что «жилье очень дорого в Израиле».

Материальное благосостояние

На вопрос о соответствии уровня дохода насущным потребностям:

9 респондентов ответили утвердительно, 1 заявил, что «...наш доход покрывает только 85–90% наших повседневных потребностей... мы молодая семья с двумя детьми и нам многое требуется» (Алекс).

Среди 9 информантов, удовлетворенных заработками, несколько человек объяснили мне ситуацию следующим образом.

Клара: «...моя зарплата достаточная для нормальной скромной современной жизни... у меня есть машина, съемная квартира... Но мой уровень жизни в Грузии до перестройки (при Брежнев) был выше, чем сейчас в Израиле...»

Игорь: «...мой доход покрывает основные повседневные потребности, но в целом я не удовлетворен, потому что зарплаты ученых-иммигрантов в технических “теплицах” намного ниже, чем средние зарплаты израильтян...»

Борис: «...зарплаты выше, чем в России, но расходы также очень высокие... квартиры дорогие <...> в СНГ я работал по 12 часов каждый день и имел вполне обеспеченную жизнь».

Характерно, что все информанты подчеркивали, что даже имея удовлетворительную оплату, они считают ее ниже зарплатов израильтян.

На вопрос, хотят они остаться в Израиле или уехать в другие страны, из 10 человек никто не высказал желание куда-либо уезжать, все заявили, что хотят остаться в Израиле.

Израильская политика и демократия

Во всех ответах респонденты сравнивали израильскую систему демократии и бюрократии со странами СНГ.

Рената: «...В Израиле больше демократии, чем в СНГ, но она имеет “привкус социализма” <...> бюрократическая израильская система намного сложнее, чем в России».

Владимир: «...уровень демократии в Израиле тот же самый, что и в России... но в Израиле слишком большое влияние религии на израильское общество, это недемократично».

Клара: «...уровень израильской демократической системы – выше, чем в Грузии или в России, но она не так совершенна, как в Великобритании... бюрократия – на нормальном уровне».

Игорь: «...израильская бюрократия лучше, чем в России <...> все проблемы в Израиле могут решаться, а в России много тупиковых ситуаций».

Подводя итог и анализируя собранную информацию и факты, полученные в ходе моих интервью с русскоязычными учеными-иммигрантами, можно сделать несколько выводов и обобщений.

Среди причин эмиграции информанты выделили следующие моменты:

- ухудшение экономического и политического положения в СНГ;
- стремление реализовать свои знания и способности, воплотить на практике свои планы и проекты;
- желание улучшить условия жизни и работы;
- стремление к «лучшей жизни в будущем» для своих семей;
- в большинстве случаев сионистские мотивы иммиграции не назывались, религиозный фактор полностью отсутствует.

По мнению ученых, опрошенных во время интервью, существовал ряд закономерностей, характерных для трудоустройства – основного критерия успешной адаптации:

- более успешны в трудоустройстве ученые и специалисты из центральных научных центров и городов, по сравнению с представителями отдаленных периферийных районов;
- специалисты в области прикладных исследований быстрее находят себе применение;
- трудоустройство ученых проходит успешнее, чем инженеров, врачей, преподавателей;
- знание иностранных языков, более молодой возраст необходимы для успешного трудоустройства.

Практически все информанты подчеркивали, что внутри Израиля, иммигранты из СНГ создали свой «русский» мир, в котором они находятся. Во всех интервью говорилось о том, что «...существует параллельный «русский» мир со своими средствами массовой информации, врачами, преподавателями, адвокатами, сферой услуг и т. д. ...» и все информанты были единодушны в том, что «...у нас хорошие деловые отношения с израильянами <...> но нет дружеских отношений среди наших ученых и израильян».

§ 4. Транснациональный характер русскоязычной иммиграции

Большую роль в формировании транснационального русскоязычного еврейского пространства сыграли изменения в политической обстановке: в постсоветский период возросла возможность контактов и связей между уехавшими и оставшимися евреями. Расширению контактов и связей на всех уровнях способствовало также решение об отмене виз между Россией и Израилем. В настоящее время не только Россия, но и правительства стран СНГ позитивно настроены на контакты с бывшими соотечественниками.

Многие иммигранты 90-х годов не утратили или восстановили свое гражданство (российское, украинское или другое) [Ременник, 2007, с. 429], что дает им возможность пользоваться избирательным правом (в России этим правом пользуются более 100 тысяч человек) [Крылов, 2009, с. 66–67]. Помимо посещения стран исхода для участия в избирательных компаниях, «русские» израильяне осуществляют авиаперелеты (иногда за счет политических партий); распространена практика голосования в зарубежных посольствах в период выборов [Глуценко, Пономарев, 2009, с. 257]. Около 25% бывших советских граждан, уехавших в Израиль, США, Германию в 1990-х годах, и другие страны имели российские и украинские паспорта [Крылов, 2009, с. 66–67]. Гражданство и политическое участие трансмигрантов перестало быть привязанным к террито-

рии одной страны, что позволило развивать экономическую деятельность; участвовать в культурной жизни; поддерживать социальные связи и т. д., сохраняя при этом контакты не только с родиной, но и с «островами» своей диаспоры, разбросанными по всему миру [Ременник, 2007, с. 423].

Транснациональные связи и контакты, выстраиваемые «снизу», возникли постепенно после начального периода адаптации: родственники, сокурсники, друзья, коллеги, соседи, постепенно отыскивая друг друга, «наводили мосты» транснационального общения с бывшей родиной и другими странами диаспоры [Ременник, 2007, с. 423].

Обычно все связи с бывшей родиной возобновлялись после периода начальной адаптации (первые два–четыре года) и достигали своего расцвета в течение пяти–семи лет пребывания в Израиле. По мнению израильского социолога Л. Ременник, около 20% русских израильтян ежегодно совершают поездки в свои родные города, а более 40% делали это каждые два–четыре года; около 75% русскоязычных иммигрантов хотя бы однажды за время жизни в Израиле пригласили в гости родственников или «соплеменников» из других стран [Ременник, 2007, с. 429]. По данным 2002 г. около 25% репатриантов в Израиль после 1990 г. ездили в Россию и Украину примерно 2 раза в год, среди пенсионеров этот показатель составляет 65%.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. 70% русскоязычных израильтян, а также их дети поддерживали родственные и профессиональные связи с Россией: особенно часто ездили в постсоветские страны репатрианты-бизнесмены, имевшие партнеров в России и странах СНГ, а также (как уже отмечалось) неработавшие пенсионеры [Крылов, 2009, с. 66–67]. Многие пожилые пенсионеры, владеющие квартирами и дачами в России, на Украине и в других регионах, ежегодно проводили там несколько месяцев в период летней израильской жары [Ременник, 2007, с. 429]. Наличие жилья у русских израильтян в столичных городах бывшего СССР способствовало предпринимательской активности на постсоветском пространстве, передвижению между старой и новой родиной:

около 15% репатриантов рабочих возрастов имели небольшой бизнес на территории стран СНГ, работали в израильских представительствах российских фирмах или были связаны с деятельностью совместных предприятий [Ременник, 2007, с. 429].

Вице-премьер, министр иностранных дел Государства Израиль, сопредседатель Смешанной израильско-российской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству А. Либерман в 2011 г. в одном из выступлений заявлял: «...я считаю очень важным наладить сотрудничество с Россией в сфере среднего и малого бизнеса <...> и предлагаю модель сотрудничества между Израилем и субъектами Российской Федерации ...в таких сферах, как сельское хозяйство, медицина, деревообрабатывающая, пищевая промышленность и другое» [Россия–Израиль. 2011, с. 7–8].

В начале 2000-х годов основные направления делового российско-израильского партнерства всесторонне разрабатывались и поддерживались на государственном уровне. В декабре 2009 г. была возобновлена работа Смешанной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и Израилем; подписано межправительственное соглашение о взаимодействии в области промышленных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (март 2010 г.); созданы деловые советы в Израиле и России; проведены два бизнес-форума в Москве и Тель-Авиве (март, ноябрь 2010 г.) [Россия–Израиль, 2011, с. 9–10].

Туризм превратился в одно из наиболее успешных направлений совместной предпринимательской деятельности с участием россиян и русскоязычных израильтян является. В сентябре 2008 г. вступило в силу соглашение об отмене визового режима между Россией и Израилем. В те годы в аэропорт им. Бен-Гуриона в Тель-Авиве ежедневно прибывает 65 рейсов только из России: из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара и других городов и еще восемь рейсов – в Эйлат. На официальном уровне прошли переговоры об открытии прямых рейсов в Израиль из Брянска, Курска, Новосибирска. В 2010 году в Израиле побывало более 550 тысяч российских туристов и одновременно резко возрос поток израильских туристов в Россию [Россия–Израиль. 2011, с. 6].

Огромную роль в развитии транснационального пространства играют русский язык, русско-советская культурная среда и русскоязычные СМИ. В Израиле это – многочисленные газеты и журналы; каналы на израильском радио и телевидении; кабельные каналы, транслируемые из России, охватывающие не только Израиль, но также США, Германию и другие страны с русскоязычной диаспорой, которые удовлетворяют информационные и культурные запросы русско-еврейской диаспоры на всех континентах. Подчеркивая значение и роль российского телевидения, популярного практически в каждом доме выходцев из бывшего СССР, израильский исследователь Л. Ременник пришла к выводу, что благодаря телевидению формируется «транснациональное сознание», т. е. состояние перманентной погруженности в русскоязычный информационно-культурный поток, что, в свою очередь, создает эффект присутствия, сопереживания и виртуального участия в современной истории, творящейся на постсоветском пространстве» [Ременник, 2007, с. 433].

Среди многочисленных и разнообразных кабельных и спутниковых телеканалов на русском языке в Израиле в описываемый период можно выделить: ОРТ-Интернешнл, РТР-планета, РТВ-Интернешнл, ТВ-6, НТВ-плюс и др., наряду с несколькими радиоканалами – РЭКА, Первое радио, Седьмой канал. Около 84% русскоязычных израильтян приобретали пакеты с каналами, вещающими на русском языке [Крылов, 2009, с. 65].

В начале 2000-х гг. после России Израиль занимал второе место по изданию литературы на русском языке, и уже в течение 30 лет существует Союз русскоязычных писателей [Крылов, 2009, с. 65–66]. Большая роль в расширении культурных контактов и связей отводилась многочисленным гастролям и концертам российских и израильских театральных и музыкальных коллективов, кинофестивалям, выставкам и др.

В результате, как справедливо отмечает израильский исследователь А. Д. Эпштейн, «русская» община Израиля и русскоязычные евреи, живущие в странах СНГ, США, Канаде, Германии и других государствах, существуют если и не в общем, то в сильно пересекающихся коммуникативных пространствах [Эпштейн, 2006, с. 248–

249]. Государству Израиль, которое, по мнению А. Д. Эпштейна, является не только центром мирового русского еврейства с более миллионом русскоязычных граждан, обводится также роль духовного центра еврейской культуры на русском языке [Эпштейн, 2007, с. 458].

Анализируя транснациональный контекст современной миграции, исследователи пришли к выводу о том, что в результате периодической транснациональной деятельности, у мигрантов, вместо абсолютной ассимиляции или полной транснациональной связи как окончательной цели в жизни, существует некоторая их комбинация» [Глущенко, Пономарев, 2009, с. 231].

Это прослеживается на примере Израиля, где у русских евреев транснационализм и культурный сепаратизм взаимно подпитывая друг друга, представляют собой две стороны единого процесса [Ременник, 2007, с. 435]. В результате транснациональный образ жизни и включенность в сети этнической солидарности позволили русским израильтянам в 1990-х гг. «пересадить» свою прежнюю идентичность на новую почву, так как наличие общинной инфраструктуры и знакомой культурной среды (русскоязычные СМИ, сфера торговли и услуг, контакты с друзьями и родственниками в стране исхода) подстраховывали иммигрантов в первое время после переезда, помогая адаптироваться и улучшая психологическое состояние [Ременник, 2007, с. 435].

§ 5. Негалахические евреи из СССР/СНГ в израильском обществе: проблемы интеграции

Одной из характерных особенностей массовой иммиграции 1990-х гг. стал постоянный рост негалахических евреев в составе смешанных семей, прибывших из бывших республик СССР в Израиль в соответствии с Законом о возвращении (1950 г.) и его дополнениями (1970 г.). Закон о возвращении даёт право на иммиграцию трем поколениям еврея (включая внуков) вместе с их семьями. Будучи гражданами Израиля, негалахические евреи не признаются

евреями с точки зрения Раввината. Религия в Израиле играет особую роль, она – неотъемлемая часть жизни израильского общества, и национальность определяется по религиозному закону Галахе – нормативной части иудаизма, регламентирующей религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев (подробнее: Фишбейн М. Религиозные традиции иудаизма // Религиозные традиции мира. Пер. с англ. Т. 1. М.: Крон-пресс, 1996, с. 503): «...еврей тот, кто родился от матери-еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии» (подробнее Гл. 3, § 1).

По данным Министерства внутренних дел, 37% репатриантов, прибывших в Израиль с 2012 по 2019 год, не были галахическими евреями и среди них: около 61% – из России, 66% – из Украины, 64% – из Беларуси. В настоящее время по израильским оценкам в стране насчитывается около 465 000 граждан «без принадлежности к определенной религии», большинство из них – репатрианты из бывших республик СССР или их потомки [Масюкова, 2022, с. 353–370].

Негалахические евреи оказались в центре противостояния светского и религиозного Израиля. Представители ультраортодоксальных кругов постоянно подвергают их оскорблениям и нападениям («недостаточные», «некошерные» и т. д.), игнорируя тот факт, что негалахические евреи – равноправные граждане страны, которые работают и вносят свой вклад в её развитие [Масюкова, 2022]. Они так же, как все израильтяне, выполняют свои гражданские обязательства: платят налоги, служат в армии, защищают страну от террористов и т. д. Вместе с тем из-за религиозного диктата они сталкиваются с необходимостью решения многих дополнительных проблем на пути успешной интеграции в израильское общество. Среди наиболее важных вопросов: прохождение гиюра (переход в иудаизм); оформление семейно-брачных отношений; проблемы захоронений на еврейских кладбищах; подтверждение еврейства у детей в смешанных браках и др.

Рост нееврейского населения в стране вызывает постоянную полемику по вопросу реформирования Закона о возвращении (ЗОВ). В последний период представители ультрарелигиоз-

ных кругов всё яростнее требуют запрета на репатриацию третьего поколения – внуков евреев. По мнению инициатора законопроекта о запрете на репатриацию внуков, депутата кнессета Бецалеля Смотрича (август 2020 г.), они якобы «...сами не являются евреями с точки зрения Галахи и не имеют ничего общего с еврейством» [*Нати Т.*, 26.08.2020]. Проблема реформирования ЗОВ остаётся на «повестке дня», вызывая протест и ответную реакцию представителей различных партий [*Масюкова*, 2022]. Еще в 2007 г. во время одной из острых дискуссий по вопросу о запрете репатриации внуков и реформировании ЗОВ, доктор социологии и руководитель общественной «Ассоциации в защиту прав смешанных семей» Людмила Ойгенблик, отстаивая права репатриантов, подчеркивала, что «...наполовину евреи или на 25% евреи ... уже давно стали частью еврейского большинства ... Чем плохо для Государства Израиль, когда прибывшие по закону репатрианты становятся частью еврейского народа? ...легче сотворить миф о нееврейском нашествии, пугать общественность гоями ... продолжать раскалывать общество и растаскивать электорат» [Страсти вокруг «Закона о возвращении». 16 августа 2007].

Одной из проблем успешной адаптации и интеграции иммигрантов-неевреев по Галахе в израильском обществе является вопрос о прохождении гиюра (перехода в иудаизм). Во второй половине 1990-х годов правящие круги, стремясь решить эту проблему в связи с массовой русскоязычной иммиграцией, предприняли ряд мер: создали Управление по проблемам гиюра (1995 г.); Институт современного иудаизма (1998 г.) с отделениями по всей стране; курсы Министерства абсорбции; была разработана и принята специальная программа подготовки к гиюру в Армии обороны Израиля (АОИ). В результате вопрос гиюра успешно решался в армии, где по данным Министерства обороны (в 2002 г.) проходили службу 6500 солдат и офицеров, не являвшихся евреями по Галахе. Решением этого вопроса стал заниматься армейский раввинат, создавая возможность одновременного прохождения военной службы и интеграции репатриантов [*Масюкова*, 2009, с. 109–110]. В ответ на эти действия незамедлительно последовала негативная реакция

Главного раввина Израиля – Шломо Амара, утверждавшего, что понятие гиюра утратило религиозный смысл, приобретая вместо него политический: «...неевреи принимают иудаизм, чтобы поселиться в Израиле на основании Закона о возвращении, но при этом не собираются становиться частью еврейского народа» [«Русское» лицо Израиля, 2007, с. 59–60].

Со временем ситуация по отношению к неевреям постепенно менялась: появились новые тенденции и стали раздаваться голоса в их поддержку даже среди религиозных кругов. Анализируя ситуацию в современном Израиле, раввин Авишай Мизрахи считает, что если евреи были записаны евреями при рождении в стране исхода, а приехав в Израиль, выяснили, что таковыми не являются и им требуется прохождение гиюра, то они отказываются от него «...не потому, что не хотят быть евреями, а потому, что чувствуют себя евреями и считают унижительными такие предложения» [Раввин Авишай Мизрахи: «негалахические евреи» – это наши братья и часть Израиля. 04.06.2020]. По его мнению, Государство Израиль – это государство всех евреев – «правильных» и «неправильных», («...не надо придумывать, что «эти», «чужие» способны кому-то помешать. Мы и они – одно целое. Люди одной судьбы» [Раввин Авишай Мизрахи. 04.06.2020].

Еще в начале 1990-х годов многие женщины из смешанных семей хотели пройти гиюр, стремясь к большему соединению с еврейским народом, но на практике этот путь оказался трудным и долгим, и многие не смогли его пройти. По словам руководителя «Ассоциации в защиту прав смешанных семей» Л. Ойгенблик, еще в 2006 г. в беседах с репатриантами она обратила внимание, что большинство из них не верило в скорое решение проблем неевреев по Галахе. Несмотря на то, что они просто хотят «быть, как все», репатрианты считают, что для перемен требуется отделение религии от государства, ликвидация монополии Главного раввина в вопросах брака и развода, упрощение процедуры гиюра и запись национальности в удостоверении личности по выбору [Шаниро И. Влиться в народ, но не ценой гиюра. Еврейский обозреватель. Израиль. Март 2006, 6 (121)].

Религия в Израиле занимает особое место в связи с соглашением о статус-кво в период создания государства, по которому религиозные и светские круги разграничили свои полномочия и сферы деятельности. Под юрисдикцией раввинских судов находятся проблемы определения личного статуса граждан, их семейно-брачные отношения, введен запрет на работу в субботу и дни религиозных праздников в госучреждениях и общественных заведениях, на транспорте и т. д.; признается и субсидируется особая сеть религиозных школ, религиозных учреждений и служб (подробнее: *Воробьев В., Штерениус М., Сафронова Е. С.*).

Вместе с тем в первой статье Основного закона о свободе и достоинстве человека (1992 г.) Государство Израиль определяется как «еврейское демократическое государство» [Ханин, Эпштейн, 2005, с. 280–281]. Острые внутриполитические дебаты, постоянная конфронтация и усиление противоречий между светским и религиозным лагерем, заставляют правящие круги поддерживать баланс сил и искать компромиссы.

На протяжении многих лет остаётся нерешенной проблема создания института светского (гражданского) брака, что необходимо для оформления семейно-брачных отношений негалахических евреев из смешанных семей. По закону 1953 г. всеми делами семейно-брачного характера занимаются исключительно раввинские суды. В результате официально запрещены браки евреев с неевреями; возникают трудности при получении развода и оформлении повторного брака. В связи с этим практикуется заключение браков израильтян за рубежом (часто на Кипре), и подобная ситуация вызывает недовольство, а также требования граждан у властей компенсации расходов для оформления зарубежных браков.

Впервые законопроект о введении светского (гражданского) брака был разработан в 2004 г. специальной комиссией под руководством Р. Бар-Она (Ликуд) с широким участием представителей всех фракций, раввинов, юристов в области семейного прав и т. д. с целью найти решение для многих израильтян. При голосовании в кнессете законопроект был отклонен, аналогичная ситуация повторилась в 2006 году.

С 2010 года иммигранты, прибывшие в Израиль после 1990 г. и желающие вступить в брак или развестись в соответствии с еврейской традицией, должны пройти «тест на еврейство» в еврейском религиозном суде [Негалахические евреи (эл. ресурс)].

Учитывая сложности оформления брака в Израиле, все больше пар предпочитают оформить союз в Европе (из порта Хайфы еженедельно отправляются так называемые свадебные круизы на Кипр), либо дома в Израиле без официальной регистрации [В Израиле все больше молодых пар предпочитают не расписываться. 05.05.2017].

Стремясь к взаимопониманию, расширению общения и налаживанию контактов с израильтянами, «Ассоциация в защиту прав смешанных семей» выступила инициатором благотворительных акций в дни израильских праздников и организатором спектаклей, вечеров, встреч и т. д. с участием детей и взрослых из смешанных семей. На первом мероприятии в 2005 г. в г. Хайфа руководитель Ассоциации Л. Ойгенблик подчеркнула, что не только видит свою задачу в приобщении репатриантов к еврейским традициям, но также стремится помочь им «сломать барьеры» и не чувствовать себя «чужими» в Израиле, как их часто воспринимают коренные израильтяне [Вот и свершилось ханукальное чудо! 30.12.2005].

Продолжая традицию пасхальных вечеров в г. Хайфа, в 2008 г. Ассоциация вновь организовала «седер песах» с участием семей (детей и взрослых), в которых один из супругов – нееврей по Галахе. «В большинстве случаев люди, не являющиеся евреями по Галахе, тем не менее, стараются приобщиться к еврейской культуре и традициям и идентифицируют себя как часть еврейского народа, – подчеркнула Л. Ойгенблик. – Важно сделать ответный шаг навстречу, а не отвергать их, как это часто делает государство под влиянием ортодоксального истеблишмента» [«Смешанные» семьи празднуют Песах. 10.04.2008].

В последний период в израильском обществе обострились противоречия между светскими и религиозными кругами, всё яростнее нападки ультраортодоксов на негалахических евреев, всё

громче и настойчивее требования реформирования Закона о возвращении. Несмотря на значительный опыт, накопленный страной по адаптации и интеграции иммигрантов, правящим кругам предстоит трудный поиск компромиссных решений для дальнейшего развития и продвижения вперед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмиграция евреев из СССР/СНГ в Израиль в 1960–1990 гг. – одна из ярких и драматичных страниц в истории советских евреев. Испытания, выпавшие на долю десятков тысяч советских евреев, были связаны с национальной политикой советского руководства, проявлением дискриминации и антисемитизма.

На основе официальных источников и большого фактического материала автор стремился показать развитие и значение еврейского движения за выезд в Израиль, в котором активную роль играли так называемые отказники – люди с драматичной судьбой, не имевшие возможности выехать из страны в течение длительного времени. Борьба за выезд евреев в Израиль и процесс усиления еврейского самосознания находились в центре внимания стран Запада, США, международных еврейских организаций, зарубежных спецслужб, оказывавших давление на советское руководство и постоянно выдвигавших «еврейский вопрос» на повестку дня различных международных конференций и форумов.

В течение многих лет проблема выезда евреев из СССР на постоянное место жительства в Израиль была источником напряжения в отношениях между двумя странами. Распад СССР, многочисленные политические, социально-экономические, национальные и многие другие проблемы ускорили еврейский «исход» из России и бывших советских республик. По мнению известного российского исследователя Г. В. Костырченко, еврейская эмиграция повлияла на развитие нашей страны, явившись «...сильным катализатором <...> внутренней эрозии советского режима» (*Костырченко, 2019, с. 436*).

Формирование советским руководством цивилизованного подхода к проблеме выезда евреев в Израиль – длительный и противо-

речивый путь от игнорирования этой проблемы до ее нормализации. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. власти пытались найти новые подходы и выработать официальную эмиграционную политику. Положительную роль в этом сыграли ослабление паспортно-визовых требований, принятие в 1993 г. федерального Закона «О выезде из Российской Федерации и въезде в Российскую Федерацию» и ряд других постановлений.

На большом фактическом материале автор выявляет причины, особенности и характер двух «волн» еврейской эмиграции: в 1970-х и 1990-х годах. В 1990-х годах благодаря массовой русскоязычной эмиграции Израиль получил значительные человеческие ресурсы, изменившие демографию страны, новые возможности для развития экономики и современных технологий, политической и культурной жизни и всего общества в целом.

Еврейская эмиграция из СССР/СНГ в Израиль в 1960-х – 1990-х гг. внесла свой вклад в многоликое израильское общество, создав своеобразный «русскоязычный мир», изменивший его облик.

Восстановление консульских отношений с Израилем (1989 г.), а затем и дипломатических (1991 г.), упрощение требований ОВИР, выдача новых загранпаспортов, установление прямых авиарейсов между Москвой и Тель-Авивом кардинально изменили характер отношений между двумя странами. В продолжение этой политики важным событием стало открытие Российского культурного центра в Тель-Авиве в октябре 2007 г., а также отмена визового режима между двумя странами в 2008 г.

С момента восстановления дипломатических отношений в 1991 г. Россия и Израиль успешно сотрудничают в политическом, торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном направлениях. Торгово-экономические отношения, несмотря на спады и подъемы, имеют в целом поступательное движение и регулируются в соответствии с межправительственным соглашением от 27 апреля 1994 г.

В настоящее время русскоязычная община является фактором дальнейшего углубления российско-израильских отношений, о чем неоднократно заявляло российское руководство. «У нас

принципиально изменилось отношение к нашим соотечественникам, которые переехали на постоянное место жительства в Израиль, – подчеркивал в одном из выступлений президент Российской Федерации В. В. Путин, – сегодня мы считаем, <...> что это огромный резерв для дальнейшего улучшения отношений между двумя странами» (Аргументы и факты. № 46. 20 ноября 2007, с. 26). Русскоязычный Израиль способствует расширению и углублению российско-израильских отношений, укреплению взаимного диалога и всестороннего сотрудничества между двумя странами.

Среди многих выходцев из бывших республик СССР и Российской Федерации, которые приехали в Израиль, есть ветераны Великой Отечественной войны, блокадники, бывшие узники концлагерей, о которых израильтяне постоянно заботятся, чтут память о героическом вкладе советского народа в Победу над фашизмом. В 2017 г. Кнессет Израиля принял закон «Празднование Дня Победы над нацистской Германией» 9 мая.

У российско-израильского сотрудничества большие возможности и новые горизонты, и здесь особенно актуальна и востребована роль русскоязычного Израиля, всестороннее изучение которого предстоит продолжить новому поколению исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица А

Возрастная характеристика иммигрантов в Израиль из бывшего СССР (1989–1996 гг.)

Возраст	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	Общее количество
0–24	4700 (36.7%)	64600 (34.9%)	50700 (34.3%)	23300 (35.8%)	24700 (37.4%)	25000 (36.7%)	23700 (36.5%)	21600 (36.7%)	238300 (35.6%)
25–44	4600 (35.9%)	64600 (34.9%)	47000 (31.8%)	19200 (29.5%)	18700 (283%)	18700 (27.5%)	17800 (27.5%)	16300 (27.7%)	206900 (30.9%)
45–64	900 (7.0%)	15900 (8.6%)	15000 (10.1%)	6400 (9.8%)	5900 (8.9%)	6300 (9.3%)	6300 (9.7%)	6100 (10.4%)	62800 (9.4%)
55–64	1000 (7.8%)	17600 (9.5%)	14700 (9.9%)	6700 (10.3%)	7500 (11.3%)	8300 (12.2%)	8300 (12.8%)	7350 (12.4%)	71450 (10.7%)
65+	1600 (12.5%)	22500 (12.1%)	20400 (13.8%)	9500 (14.6%)	9300 (14.1%)	9800 (14.4%)	8800 (13.5%)	7550 (12.8%)	89450 (13.4%)
Всего:	12800 (100%)	185200 (100%)	147800 (100%)	65100 (100%)	66100 (100%)	68100 (100%)	64800 (100%)	58900 (100%)	668000 (100%)

Источник: Central Bureau of Statistics // Immigrant Absorption:
Situation, Challenges and Goals June 1997, p. 10.

Таблица Б

Профессиональная структура иммигрантов в Израиле из бывшего СССР (1989–1996 гг.)

Профессия	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	Общее количество
Инженеры	1400 (10.9%)	24400 (13.2%)	18500 (12.5%)	6600 (10.1%)	5200 (7.9%)	6000 (8.8%)	6000 (9.3%)	5000 (8.5%)	73000 (10.9%)
Врачи, дантисты	500 (3.9%)	5900 (3.2%)	3500 (2.4%)	1200 (1.8%)	1100 (1.7%)	1000 (1.5%)	1100 (1.7%)	900 (1.5%)	15200 (2.3%)
Музыканты, творческие профессии	500 (3.9%)	4900 (2.6%)	3500 (2.4%)	1400 (2.2%)	1300 (2.0%)	1300 (1.9%)	1200 (1.9%)	1000 (1.7%)	15100 (2.3%)
Медсестры, медперсонал	300 (2.3%)	4100 (2.2%)	3600 (2.4%)	1500 (2.3%)	1700 (2.6%)	1800 (2.6%)	1700 (2.6%)	1400 (2.4%)	16100 (2.4%)
Преподава- тели	500 (3.9%)	10000 (5.4%)	7700 (5.2%)	3100 (4.8%)	3000 (4.5%)	3400 (5.0%)	3200 (4.9%)	2700 (4.6%)	33600 (5.0%)
Всего:	12800 (100%)	185200 (100%)	147800 (100%)	65100 (100%)	66100 (100%)	68100 (100%)	64800 (100%)	58900 (100%)	668000 (100%)

Источник: Central Bureau of Statistics // Immigrant Absorption:
Situation Challenges and Goals, June, 1997, p. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документальные публикации

Вести из СССР: в 5 т. / Под ред. К. А. Любарского. Мюнхен: Страна и мир, 1989–1991.

Всесоюзная перепись населения. 1979 г. М., 1984.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 // Сост. Костырченко Г. М., 2005.

Декларация прав народов России. 2 (15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I., М.: Государственное издательство политической литературы. 1957.

Доклад ЦК КПУ В. В. Щербицкому «Об эмиграционных настроениях среди отдельных представителей еврейского населения УССР» 6 сентября 1972 г. // Шестидневная война и еврейское движение в СССР. Отв. ред. Х. Бен-Яков, Академическая серия. М., 2008.

Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР 1968–1970 / Под ред. Ш. Редлиха. Т. I. Иерусалим: Еврейский университет. Центр изучения восточноевропейского еврейства. 1973.

Еврейская эмиграция в свете новых документов. Под. ред. Б. Морозова. ЦХСА. Тель-Авив: Иврус, 1998.

Итоги Всесоюзной переписи населения. 1970 г. М.: Статистика, 1973.

Конституция 1936. URL: www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.10.2022).

Конституция 1936, с. 309 / URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/postanovleniya/3946674> (дата обращения: 15.10.2022).

Конституция РСФСР 1925 г. Статья 13 // Постановление XIV Всероссийского Съезда Советов от 18.05.1929. Об изменении и дополнении Конституции РСФСР / URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/postanovleniya/3946674> (дата обращения 15.10.2022).

Конституция СССР 1936. Статья 123; 135.

Конституция СССР. Конституция союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1960.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2 (1917–1922) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Издательство политической литературы. 1983. С. 366.

Латвийская ССР в цифрах за 1979 г. ЦСУ Латв. ССР, Рига: Абзац, 1980.

Ленин В. И. «Мобилизация реакционных сил и наши задачи» (1903) // Собрание сочинений В. Ленина (В. Ульянова), т. IV, 1924.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. П. С. С., т. 24, 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 126.

Ленин В. И. Положение Бунда в партии. П. С. С., т. 8, 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 72–74.

Литовская ССР в цифрах за 1988 г. Госкомстат Лит. ССР, Вильнюс: Информ.-изд. центр, 1989.

Население СССР (численность, состав и движение населения). М.: Статистика, 1975.

Население СССР. М.: Статистика, 1988.

Национальный состав населения РСФСР. 1990.

Национальный состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи на 15 января 1970 г.), ЦСУ РСФСР, М., 1975.

Новая система народного образования в СССР / Отв. ред. Н. К. Гончаров, Ф. Ф. Королев. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1960.

Петиции, письма и обращения евреев СССР: в 10 т. Иерусалим: Центр документации и исследований восточноевропейского еврейства, 1969–1977.

Письмо 26 представителей еврейской интеллигенции А. Снечкусу Первому секретарю ЦК КП Литвы // Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения. 1973.

Постановление Верховного Совета СССР от 22 сентября 1970 г. (№ 801) «Правила въезда и выезда из СССР».

Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1973. № 1. С. 11, 12–14 (Инструкция).

Сталин И. В. Сочинения. Т. 2, М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.

Уголовный кодекс РСФСР. 1922.

Уголовный кодекс РСФСР. 1927.

Указ Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение», 3 августа 1972 г. // Вести Верховного Совета СССР, выпуск 52, № 59, 1972 г.

Указ Верховного Совета СССР «О выходе из гражданства СССР лиц еврейской национальности, переселяющихся из СССР и Израиль», 17 февраля 1967 г.

Федеральный Закон о порядке выезда из РФ и въезда в РФ от 18 июля 1996 г.

Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984.

***Зарубежные документы, аналитические материалы,
статистические сборники***

Закон о возвращении (1950) и дополнения (1970). URL: www.knesset.gov.il/main/ru (сайт кнессета на русском языке) (дата обращения 10.11.2021).

Текст Закона и дополнения к нему. Электронная страница израильского парламента Кнессета. URL: www.knesset.gov.il/laws/special/eng/heb/chok_hashvut.htm (дата обращения 10.11.2021).

Абсорбция репатриантов с высшим образованием (Из исследования Тель-Авивского университета). – Вести, 26.03.1998.

Программа развития «технологических теплиц» // Министерство промышленности и торговли. – Израиль, 1996.

Adar H. Israeli Public Attitudes Towards Immigrants // Immigrant Absorption 1978.

Adler Sh. The Governmental Center for Absorption in Science – The Proceedings of Seminar “Two Ways of Integration Immigrants Israel-Sweden”. Stockholm: Regeringskansliets Offsetcentral, 1987.

Altshuler M. The Jewish Community in the Soviet Union Nowadays (Hebrew), Jerusalem, 1980.

Avidor H., Zin R. Immigrants from the Caucasus Mountains: A Survey of Their Needs//Immigrant and Absorption Department, Jerusalem, 1976.

Ben-Shaul R. An Antropological Study of Bukharian Immigrants in Bet Shemesh (1973)// Immigrant Absorption, 1978.

Central Bureau of Statistics of Israel. Immigration to Israel, vol. 1972–1999.

Checinsky M., Litvak J. Economic and Cultural Information on Regions of Origin Among Jews from the Caucasus Mountains//Immigrant Absorption, 1978.

Elam Y. Georgian Immigrants in Israel: Antropological Observation (Hebrew), Papers in Sociology. Hebrew University, Jerusalem, 1980.

Elam Y. Y. Anthropological Study of the Georgian Community in Ashkelon, 1974 // Ministry of Immigrant Absorption Research and Planning Division, 1974; Hebrew University; Department of Sociology and Antropology.

Gonen A. The Geography of Immigrant Absorption. The Hebrew University, Department of Geography. Jerusalem, 1990 January.

Immigrant Absorption in Israel. Current Research. Ed. E. Leshem, J. Rosenbaum Jerusalem. February 1978. Special Edition Presented to the 29th Zionist Congress. State of Israel. Ministry of Immigrant Absorption. Research and Planning Division.

Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Goals. Jerusalem. April 1996.

Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Ten Years Later. A Research Report. Haifa, 2000.

Lehrmen A. Combined National Outline Plan for Building. Development and Immigrant Absorption. – NOP. V. 2, № 31, Tel-Aviv, 1996.

Litvak J., Yehoshabat A., Magor N. Georgian, Bukhara and Kavkas Jews – Alia Potential Towards the 1980's (Hebrew) //Ministry of Aliyah Absorption Jerusalem 1981 Tables 27 and 29. Цитируется официальная израильская статистика.

Ministry of Absorption, Immigrants from the USSR – The First Five Years in Israel (arrived in 1973/74), Special Publication Series № 682, Jerusalem, 1982.

Ministry of Aliyah Absorption Jerusalem, 1981.

Scientific Research in Israel. MOST. Israel, 1992.

Монографии, сборники статей

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. 1992. Весть. Вильнюс – Москва.

Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор: Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск: МЕТ, 2004.

Бин-Нун А. Законы Государства Израиль. Пер. с англ. яз. Под ред. Г. Рабиновича. Иерусалим: MNJ Press, 1993.

Васильев А. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.

Весёе С. За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России (пер. с фр.). М.: Новое литературное обозрение. 2015.

Воробьев В. П. Конституционно-правовая система Государства Израиль. – М.: Издательский дом «Национальное обозрение», 2002.

Галибов Г. Абсорбция бухарских евреев в Израиле. 2005.

Гейзель З. Политические структуры государства Израиль. М.: ИИБВ, 2013.

Гилалов. История и культура горских евреев. М., 2018.

Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней М.: Новое литературное обозрение. 2008.

Гитлин С. Исторические судьбы евреев Средней Азии: появление в регионе, история, исход. Тель-Авив, 2008.

Глуценко Г. И., Пономарев В. И. Миграция и развитие. М., Экономика. 2009.

Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. М.: Издательская группа «Прогресс». «Культура», 1994.

Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и ред. В. Дымшиц; Под общ. ред. И. Бегун – М.: ДААТ/Знание, 1999.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 // Под общ. ред. академика А. Н. Яковлева. М.: Материк, 2005.

Государство Израиль: политика, экономика, общество. Сб-к статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.

Дворкин И. С., Вишневская Т. Д. Евреи в Средней Азии: прошлое и настоящее. СПб, 1990.

Дубсон Б. И. Богатство и бедность в Израиле. М.: УРСС, 2004.

Дубсон Б. И. Современный Израиль. Социально-экономические очерки. – М.: МО, 2014.

Евреи / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн; М.: Наука. 2018. (Народы и культуры).

Евреи в России. История и культура. / Ред. колл. Отв. ред. Н. Ф. Бугай, СПб., 1998.

Евреи в Советской России (1917–1967). Библиотека Алия. 1975.

Евреи в Средней Азии: вопросы истории и культуры. АН Республики Узбекистан, Ташкент, 2004.

Евреи из бывшего СССР в Израиле и в диаспоре. Под ред. Л. Дымерская-Цигельман, № 20–21. Иерусалим, 2001–2002.

Евреи Средней Азии в прошлом и настоящем: экспедиции, исследования, публикации. Сб-к науч. тр. Сост. Дворкин И. С. Вып. 4, СПб, 1995.

Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / Отв. ред. Будницкий О. В. М.: РОССПЭН, 2008.

Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005.

Зисельс Й. Некоторые аспекты миграции евреев Украины. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «СЭФЕР», М., 2001.

Зиссерман-Бродская Д. Евреи в Советском Союзе в 1967–1985 гг. // История евреев в России. М., 2007.

Идеология еврейской национальной жизни в современном мире. Антология сионистской мысли. Под. ред. Брейкстоуна Д. Иерусалим М.: Мосты культуры, 2003.

Израиль в современном мире. Сб-к научных статей / ин-т востоковедения РАН. Отв. ред. Т. Карасова. М.: Издательство «Риалтекс», 2009.

Израиль глазами «русских»: культура и идентичность/Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Е. Носенко. М.: Наталис, 2008.

История евреев в России / науч. ред. Кипнис М. Авторский коллектив: Прайсман Л. и др. М., 2007.

История евреев России. Под ред. М. Кипниса. М., 2005.

История еврейского народа в России. От революции 1917 года до распада Советского Союза. Под ред. М. Бейзера. Т. 3. М.: Мосты культуры. Гешарим. 2017.

История еврейского народа в России. Под общей ред. И. Барталя в 3-х т. М., 2017.

Кандель Ф. Врата исхода нашего (девять страниц истории). Тель-Авив, 1979.

Кандель Ф. Книга времен и событий: история евреев Советского Союза. Т. 6: 1945–1970. М. – Иерусалим, 2007.

Карасова Т. А. Политическая история Израиля: блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис: Ин-т востоковедения РАН. 2009.

Катаева-Венгер А. Алия – 90-х: психологические аспекты. Москва-Иерусалим.: Призма Пресс, 1995.

Кедми Я. Безнадежные войны, М.: Яуза Эксмо, 2012.

Клаль И. Еврейская этничность и национализм в прошлом и настоящем (К тридцатилетию Московского симпозиума «Еврейская культура в СССР», декабрь 1976 г.), М.: Меморис, 2007.

Козлов В. И. Национальности СССР (Этнодемогр. обзор), М.: Статистика, 1975.

Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ). Иерусалим, 2007.

Корей У. Правовое положение советского еврейства (историческая справка) // Евреи в Советской России (1917–1967). Библиотека Алия. 1975.

Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010.

Костырченко Г. В. Тайная политика от Брежнева до Горбачева: в 2-х ч. М.: Международные отношения, 2019.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.

Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.

Костырченко Г. В. XX съезд КПСС и еврейская проблема в СССР в постсталинский период (1956–1991) // XX съезд КПСС в контексте российской истории. ИРИ РАН. М., 2012.

Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе. Иерусалим, 2008, в 4-х т.

Крылов А. В. Соотечественники в Израиле. Аналитические доклады. Вып. 4 (ноябрь 2005) М., МГИМО (У), 2005.

Крылов А. В. Русский язык в Израиле и проблемы языковой адаптации русскоязычных иммигрантов // Проблемы национального строительства на Ближнем Востоке (Опыт Государства Израиль и Палестинской национальной администрации) Материалы международной конференции. Россия, г. Москва 26 мая 2008 г. Под ред. Федорченко А. В. М., МГИМО(У), 2009.

Лазарис В. Диссиденты и евреи: Кто порвал железный занавес? Effect Publishing. 1981. Tel Aviv.

Марьясис Д. А. Израиль в системе международных экономических отношений. М. 2017.

Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема М.: АСТ, 2005.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. – М.: Время, 2011.

Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей под ред. А. В. Федорченко, А. Эпштейна, М., 2000.

Морозов В. «Русский Израиль: влияние репатриантов на российско-израильские отношения». МГИМО (У), 2015.

Морозова М. А. Анатомия отказа / Рос. гос. гуманит. уни-т М., 2011.

Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль. Издательство Открытого Университета Израйля 1997.

Оксман А. История евреев в Российской империи и Советском Союзе. Иерусалим. 2000.

Опыт этносоциологического исследования образа жизни. (По материалам МССР). Ред. Арутюнян Ю. М., М.: Наука, 1980.

Пинхасов Р. Данилова С., Крихели С. Евреи: бухарские, горские, грузинские в водовороте истории. Нью-Йорк, 2017.

- Прохоров Д. П.* Спецслужбы Израиля. СПб.: Олма-Пресс, 2002.
- Режимные люди в СССР (история сталинизма).* М.: РОССПЭН, 2009.
- Ременник Л.* Транснациональные тенденции в жизни русскоязычной общины Израиля // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Сост. и ред. М. Кенигштейн. М.-Иерусалим, Мосты культуры, 2007.
- Рои Я.* Евреи Советского Союза. 1944–1964 гг. // Гл. I, с. 22. История еврейского народа в России // Под ред. М. Бейзера, т. 3, 2017.
- Российско-израильские отношения: история и современность.* Сб. статей / Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Т. А. Карасова М., 2012.
- «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета.* Сост. и ред. М. Кенигштейн. М. Иерусалим, Мосты культуры, 2007.
- Рывкина Р.* Евреи в постсоветской России – кто они? (Социологический анализ проблем российского еврейства) М.: УРСС, 1996.
- Рывкина Р., Косалс Л.* Евреи в постсоветской России. Отчет о проведенном исследовании. М., 1995.
- Север А.* «Моссад» и другие спецслужбы Израиля. «Яуза», 2011.
- Симановский С. И., Стрелетова М. П.* Израиль. Серия: «Наши деловые партнеры», М., 1995, 2-е изд.
- Советско-израильские отношения: Сборник документов.* Т. I: 1941–1953: В 2-х кн. Кн. 1: 1941–май 1949; кн. 2: май 1949–1953/Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. М.: Международные отношения, 2000.
- Современные этнические процессы в СССР.* Отв. ред. Бромлей Ю. В. М.: Прогресс, 1983.
- Солодкина М. М.* Цивилизационный дискомфорт. Советские евреи в Израиле в 90-е годы. Статьи по социологии алии и социологическая публицистика. Тель-Авив-Иерусалим, 1996.
- Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события.* Кн. II. Отв. ред. Т. А. Карасова. М.: ИВ РАН, 2019.
- 100 лет. Московская хоральная синагога.* М.: Дом еврейской книги. 2006.
- Торпусман А.* Споры об определении еврейства. Иерусалим, февраль 2001. Серия: «Мирный процесс и демократия». Под общей ред. А. Топусмана, издание культурно-просветительного общества «Тезна».
- Федорченко А. В.* Экономика переселенческого общества. М., 1998, с. 308.
- Фельдман Э.* «Русский» «Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет Д, 2003.

Ханин В. (Зеев). «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков. ИИИБВ. М., 2003.

Ханин В. (Зеев). Социологические и политологические аспекты демографической полемики // Ежегодник ЕАЕК. 2018–2019/5779, Евреи Европы и Азии: состояние, наследие и перспективы. Т. I. Сборник научных и публицистических статей. Еврейский университет в Иерусалиме. Международный центр университетского преподавания Еврейской цивилизации. 2019.

Ханин В. (З.), Эпштейн А. Д. Современное израильское общество: этно-социальная и религиозная структура // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты взаимодействие. Отв. ред. Торкунов А. В. (МГИМО (У) МИД, 2005.

Холмогоров А. И. Интернациональные черты советских наций. М.: Мысль, 1979.

Хофман С. Советская еврейская интеллигенция: ее роль и поиски идентичности // История евреев в России. М., 2007.

Чарный С. Евреи в Советском Союзе в 1953–1967 гг. // История евреев в России. М., 2007.

Членов М. (ред). Страницы истории и культуры евреев Грузии. Сб. статей. М.: Сефер, 2014.

Членов М. А. Евреи (Народы мира; Историко-этнографический словарь). М., 1988, Иерусалим, 1979.

Шестидневная война и еврейское движение в СССР. Отв. ред. Х. Бен-Яков, Академическая серия. М., 2008.

Эпштейн А., Кожеуров С. Россия и Израиль: трудный путь навстречу. М. – Иерусалим, 2011.

Эпштейн А. Д. Ученые-гуманитарии в русско-еврейской транснациональной диаспоре // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Сост. и ред. М. Кенигштейн, М. – Иерусалим: Мосты культуры, 2007.

Эстрайх Г. Еврейская литературная жизнь Москвы: 1917–1991. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015.

Эстрайх Г. Разрешенная еврейская культура // История еврейского народа в России. От революции 1917 года до распада Советского Союза. Под ред. М. Бейзера. Т. 3. М.: Мосты культуры. Гешарим. 2017.

Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования населения городов БССР). Ред. Бондарчик В. К. Минск, 1980.

Якимова Е. А. Вектор взаимодействия Израиля и Германии в контексте международных отношений. М.: Институт Ближнего Востока, 2020.

Якимова Е. А. Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользящее партнерство. М.: Институт Ближнего Востока, 2018.

Alexander Z. Immigration to Israel from the USSR. Tel Aviv University. 1977.

Al-Haj., Leshem E. Immigration from Former Soviet Union in Israel: Ten Years Later. Haifa, 2000.

Altshuler M. Soviet Jewry Since the Second World War: Population and Social Structure. Westport, CT: Greenwood Press: 1987.

Ben-Rafael E., Lyubansky M. et. al. Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA. Brill, Leiden, Boston, 2006.

Chernin A. D. A Second Exodus: The American Movement to Free Soviet Jews. Brandies University Press, 1999.

Clive J. Soviet Jewish Aliyah, 1989–1992. Impact and Implications for Israel and the Middle East. L.: Frank Cass, 1996.

Dominitz Y. Israel's Immigration Policy and the Dropout Phenomenon // Russian Jews on Three Continents. Migration and Resettlement / *Ed. N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband.* London: Frank Cass, 1997.

Eisen W. «Count Us In», Burgher Books, 1995.

Eisenstadt S. N. The Absorption of Imigrants. L., Routledge & Kegan Paul, 1954.

Epstein A. D., Khanin V. (Z.). Every seventh Israeli: The Jews of the Former Soviet Union – Patterns of Social and Cultural Integration. Bar Ilan University 2007.

Freedman R. O. (ed.). Soviet Jewry in the Decisive Decade. Durham, N.C.: Duke University Press, 1984.

Gelfond M. Illegal Zionist Activity in the Soviet Union in the 1950's – 1960's // In Search of Self: The Soviet Jewish Intelligentsia and Exodus, Jerusalem. 1982, p. 42–45.

Gilbert M. The Jews of Hope. L.: Macmillan Press, 1984.

Gilboa Y. The Black Years of Soviet Jewry. 1971.

Gitelman Z., Goldman M., Glants M. (eds.). Jewish Life After the USSR. Bloomington: Indiana University Press, 2003.

Gitelman Z. Becoming Israelis, N.Y., 1982, p. 350.

Gitelman Z. Immigration and Identity: The Resettlement and Impact of Soviet Immigrants on Israeli: Politics and Society. Los Angeles, Calif.: Wilstein Institute of Jewish Policy Studies, 1995.

Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics, Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1972.

Goldscheider C. (ed). Population and Social Change in Israel. Boulder. Co: Westview Press, 1992.

Gouldman M. D. Israel Nationality Law. Jetusalem. 1979.

Gur-Gurevitz B. After Gorbachev. The Zionist Library – The Jewish Agency for Israel. Jerusalem. 1995.

Hacohen D. Immigrants in Turmoil: Mass Immigration to Israel and its Repercussions in the 1950's and After. Syracuse, N. Y. Syracuse University Press, 2003.

Heitman S. The Third Soviet Emigration. Cologne. 1987, p. 20.

In Search of Self: The Soviet Jewish Intelligentsia and Exodus, Jerusalem. 1982.

In the Land of Golden Fleece; The Jews of Georgia-History and Culture. Eds. Rachel Arbel, Lily Magal. Tel-Aviv: Beith Hatfutsoth, 1992.

Israel and the Jewish World, 1948–1993: a Chronology / *Edelheit H., Edelheit A. J.* Westport, com.: Greenwood Press, 1995.

Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. Ed. Beker A., Ro'i Y. New York University Press, 1991.

Kochan L. (ed). The Jews in Soviet Russia since 1917. L.: Oxford University Press/Institute of Jewish affairs, 1978.

Leshem E., Lissak M. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel // S. Well ed. Roots and Routes: Ethnicity and Migration in Global Perspective, 1999, p. 140.

Lewin-Epstein N., Ro'i Y., Ritterband P. (eds.). Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement. L.: Frank Cass, 1997.

Moskovich W. Rising to the Challenge: Israel and the Absorption of Soviet Jews. L.: Institute for Jewish Affairs, 1990.

Parming T. Roots of Nationality Differences // E. Allworth(ed.) Nationality Group Survival in Multi Ethnic States. N.Y.: Praeger, 1977.

Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Pinkus B. The Soviet Government and the Jews, 1948–1967 N.Y.: Cambridge University Press, 1984.

Remennick L. Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict. New Brunswick (USA), L. (UK), 2006.

Ro'i Y. (ed.) *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. London: FrankCass. 1995.

Ro'i Y. *The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967*. Cambridge University Press, 1991.

Ro'i Y. *Religion, Israel and the Development of Soviet Jewry's National Consciousness, 1967–1991 // Jewish Life After the USSR / eds. Z. Gitelman, M. Glants, m. I. Goldman*. Bloomington: Indiana University Press. 2003.

Salitan L. P. *Politics and Nationality in Contemporary Soviet – Jewish Emigration, 1968–1989*. L.: Macmillan Press, 1992.

Sawyer T. E. *The Jewish Minority in the Soviet Union*. Boulder, CD: Westview Press, 1979.

Schechtman G. B. *Star in Eclipse: Russian Jews Revised*. N.J. 1961.

Schreider L. *The Last Exodus*. W. 1979.

Shafir G., Peled Y. *Being Israeli: The Dynamics of Multiple Citizenship*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2002.

Shama A., Iris M. *Immigration without Integration: Third World Jews in Israel*, Cambridge, MA, 1977.

Shepherd N. *The Russians in Israel: The Ordeal of Freedom*. L.: Simon and Schuster, 1993.

Shwartz S. *The Jews in the Soviet Union*. N.J. 1951.

Sicron M., Leshem E. (eds.). *Profile of an Immigrant Ware: The Absorption Process of Immigrants form the Former Soviet Union, 1990–1995*. Jerusalem: The Hebrew University (Magnes). 1998.

Siegel D. *The Great Immigration. Russian Jews in Israel*. New York: Berghahn, 1998.

Simanovsky S., Strepetova M. Yu Naido. *Brain-Drain from Russia: Problems, Prospects and Ways of Regulations*. Nova Science Publishers. N.Y., 1996.

Smootha S. *Israel: Pluralism and Conflict*. Berkley. University of California Press. 1978.

The Soviet Man in an Open Society. Horowitz T. (ed.). N.Y., L., 1989.

Toren N. *Science and Cultural Context. Soviet Scientists in Comparative Perspective*. N.Y., 1988.

Zaslavsky V., Brym R. J. *Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy*. L.: Macmillan Press, 1983.

Статьи

Абсорбция репатриантов с высшим образованием – Из исследований Тель-Авивского университета // Вести (Израиль) 26.03.1998.

Адлер Ш. Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле // Миграционные процессы и их влияние. Сборник статей, 2000.

Беер-Шевский университет примет на работу новых репатриантов // Вести (Израиль) 03.03.1998.

Веселова Р. Израиль: Политика поддержки иммигрантов-специалистов // Человек и труд, 1996, № 1.

Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Материалы социологического исследования 1997–1998 гг. (статья вторая) // Диаспоры / Diasporas, 2001a, № 1.

Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Материалы социологического исследования 1997–1998 гг. (статья третья) // Диаспоры / Diasporas, 2001b, № 2–3.

Дённингхаус В., Савин А. «Еврейский» налог. Брежнев и еврейская эмиграция из СССР в 1972–1973 годах // Родина, № 5. 2012.

Дённингхаус В., Савин А. «Как бы указ о евреях не отменять, а де-фактом не применять». Л. И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР // Россия XXI. № 1. 2013 (январь–февраль).

Емельяненко Т. Г. Бухарские евреи. Судьба диаспоры // Этнографическое обозрение. 2009. № 5.

Как выпустить из кармана еврейский вопрос // Источник. Документы русской истории. 1996/1(20).

Кириллова Е. Эмиграция из бывшего СССР: по страницам отечественных журналов // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Руководитель Зайончковская Ж. Вып. I, М., 1992.

Котляревский М. Барак на «русской улице» // Вести (Израиль) 04.03.1998.

Котляревский М. Сильван Шалом: израильская наука и «Интернет-2» // Вести (Израиль) 17.05.1999.

Кремер В. Евгений Лейн: десять лет в отказе. Интервью с активистом движения за репатриацию советских евреев // Заметки по еврейской истории. № 1, 22.01.2013.

Кремер. «Самолетное» дело // Заметки по еврейской истории, № 9 (144), 2011.

Куповецкий М. Еврейское население бывшего СССР после семи лет массовой эмиграции // Вестник Еврейского Университета в Москве 1995, № 10.

Лоевский Е. «Линия обороны» в проекте БАШАН // Вести (Израиль) 15.05.1997.

Лоевский Е. Интеллектуальный потенциал алии и его слабости // Вести (Израиль) 18.01.2000.

Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7.

Максименков Л. Квота на выезд // Коммерсантъ (Огонек), № 45 (5398), 16.11.2015.

Масюкова И. В. Закон о возвращении и израильское общество: в поисках компромисса // Контуры трансформаций в политике, дипломатии и обществе Государства Израиль: [сборник статей по материалам I Международной израилюведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина», Москва, 19–20 октября 2021 г.] / отв. ред. Д. А. Марьясис. Ин-ст востоковедения РАН. – Москва: ФГБУН ИВ РАН, 2022.

Масюкова И. В. Израильское общество: религия и проблемы иммигрантов // Ближний Восток и современность. Сборник статей 2008, Вып. 36.

Масюкова И. В. Проблемы негалахических евреев в израильском обществе // Израиль в современном мире. Сборник статей 2009 ИВ РАН, М.: РЕАЛТЕКС.

Масюкова И. В. Евреи и власть в СССР: проблема эмиграции (на рубеже 1960–1970-х гг.) // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература. Отв. ред. М. А. Мельцин; Труды по иудаике. СПб., 2018. Вып. 14.

Масюкова И. В. Евреи и национальная политика в СССР: теория и практика (в 1950–1960-х гг.) // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность. Отв. ред. М. О. Мельцин. СПб., 2019. Вып. 15.

Масюкова И. В. Еврейская иммиграция в контексте советско-израильских отношений // Российско-израильские отношения: история и современность. Сб-к статей. Институт востоковедения РАН; отв. ред. Т. А. Карасова, М., 2012.

Масюкова И. В. Закон о возвращении и проблемы израильского общества // Ближний Восток и современность. М.: ИИБВ, 2006, Выпуск 28.

Масюкова И. В. Закон о возвращении, израильское общество и русскоязычная иммиграция в 1990-х годах // Миграционные процессы и их влия-

ние на израильское общество. Сборник статей под ред. А. В. Федорченко, А. Эпштейна, 2000. М.: ИИИБВ.

Масюкова И. В. Израиль на рубеже веков: роль иммигрантов из стран СНГ в развитии научно-технического потенциала // Ближний Восток и современность, М.: ИИИБВ, Выпуск десятый. 2000.

Масюкова И. В. Проблемы национальной идентичности русскоязычных иммигрантов в Израиле // Проблемы еврейского самосознания. Сб. статей. Академическая серия. Выпуск 14, Центр иудаики «Сефер», М., 2004.

Масюкова И. В. Проблемы русскоязычных иммигрантов в израильском обществе на рубеже веков // Государство Израиль: политика, экономика, общество. Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2006.

Масюкова И. В. Русскоязычные эмигранты в Израиле: проблемы адаптации // Ближний Восток и современность. М.: ИИИБВ, 1999, № 8.

Начинается внедрение оборонных проектов ученых-репатриантов // Вести (Израиль) 15.07.1999.

Открыт первый центр для инженеров-репатриантов // Вести (Израиль) 06.05.1999.

Прилуцкий А. Отозвана поправка к Закону о возвращении // Вести (Израиль). 6.01.2020.

Прилуцкий А. Съезд Ассоциации ученых-репатриантов // Вести (Израиль) 07.09.1999.

Раввин Овадья Йосеф. «Русские» привозят гоев // Вести (Израиль) 17.05.1999.

Рамм Р. Чистые и нечистые репатрианты // Алеф, февраль, 1996, № 622.

Ременник Л. Между старой и новой родиной. // Диаспоры. 2000, № 3.

Ременник Л. Русская алия 90-х гг. в Израиле // Диаспоры. 2002, № 2.

Россия – Израиль: 20-летие восстановления дипотношений // Партнер, № 1(30), март 2011.

Рубинчик В. П. Русскоязычные иммигранты в Израиле 90-х гг.: иллюзии, действительность, протест // Диаспоры 2002 № 2.

Русскоязычная община, 2002, гетто или автономия? Вести-2, 14.02.2002.

Русскоязычная община: гетто или автономия // Вести-2 (Израиль) 14.02.2002.

Рывкина Р. Евреи в современной России // Общественные науки и современность, 1996, № 5.

Сатановский Е. Я. Евреи империи. Размышления о «русских евреях» в мире вчерашнем и сегодняшнем // *Диаспоры*, 2004, № 3.

Семенченко Н. А. Иммиграция 1990-х годов в Израиль: некоторые особенности // *Восток*. № 3. 2002.

Силин А. Нееврейский вопрос (интервью с заместителем министра абсорбции Ю. Эдельштейном) // *Новости недели (Израиль)* 29.08.2002.

Синельников А. Некоторые демографические последствия ассимиляции евреев в СССР // *Вестник Еврейского Университета в Москве*, 1994, № 1 (5).

Сойфер В. Наш семинар ученых-отказников и борьба за выезд из СССР // «Троицкий вариант», 20.10.2020, № 315.

Стипендия Министерства абсорбции для ученых-репатриантов // *Вести (Израиль)*. 22.02.2000.

Тольц М. Миграция российских евреев в 90-е гг. // *Международная миграция населения: Россия и современный мир*. Выпуск 4. Ред. В. А. Ионцев. М.: Макс Пресс 2000а.

Тольц М. Статистический анализ алии и эмиграции евреев в России // *Мир в зеркале международной миграции*. Научная серия. Выпуск 10. МГУ, М.: Макс Пресс, 2000б.

Томилин А. Краткий обзор различных волн еврейской эмиграции // *Современный Израиль. Сборник докладов на Восьмой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. М., 2001, Вып. 2.

Файтельсон Я. Демографические тенденции в стране Израйля. Алия – репатриация евреев в Израиль // *Ближний Восток и современность ИБВ*; Вып. 32, 2007.

Фиговский О. Мобилизация научных сил // *Вести (Израиль)* 22.02.2000.

Цинкер А. Государство Галахи и демократия // *Вести (Израиль)*. 13.12.2001.

Щаранский Н. Достойное трудоустройство // *Вести (Израиль)* 18.03.1999.

Эпштейн А. (в соавт.) Ученые в СССР/СНГ в израильских научных учреждениях: различие ценностных установок // *Диаспоры* 2002 № 4.

Эпштейн А. Д. Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // *Диаспоры*, М., 2006, № 3.

Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // *Вестник МГИМО-Университета*, 2020. 13 (2).

Юхнева Н. Русские евреи в России и Израиле // *Нева*, № 9, 2008.

Al-Qattan L. Soviet Jews and Israel: Immigration and Settlement: A Selected Bibliography // Journal of Palestine Studies. Vol. XXII, № 2, Winter 1993.

Altman Y., Mars G. The Emigration of Soviet Georgian Jews to Israel // Jewish Journal of Sociology. V. 26, № 1, June 1984.

Altshuler M. How the Soviets Decided to Renew Emigration to Israel // Jews in Eastern Europe. Spring 1995.

Aronson G. Soviet Jewish Emigration, the United States and the Occupied Territories // Journal of Palestine Studies. Vol. XIX, № 4, Summer 1990.

Ben-Rafael E. Mizrahi and Russian Challenges to Israel's Dominant Culture: Divergences and Convergences // Israel Affairs, Vol. 12, № 3, Fall 2007.

Bialer S. How Russians Rule Russia // Problems of Communism, September / October. 1964.

Farago U. The Ethnic Identity of Russian Immigrant Students in Israel // The Jewish Journal of Sociology, vol. 20, № 2, 1978.

Gitelman Z. Baltic and Non-Baltic Immigrants in Israel: Political and Social Attitudes and Behavior // Studies in Comparative Communism. An International Interdisciplinary Journal, v. XII, № 1, Spring, 1979.

Gitelman Z. Soviet Political Culture: Insight from Jewish Emigres // Soviet Studies, vol. XXIX, № 4. October 1977.

Hacohen D. Mass Immigration and Demographic Revolution in Israel // Israel Affairs, Vol. 8, № 1/2, 2002.

Horowitz T. Integration Without Acculturation: The Absorption of Soviet Immigrants // Soviet Jewish Affairs, Vol. 12(3), 1982.

Horowitz T. The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union // Israel Affairs, Vol. 11, № 1, January 2005.

Leshem E. Being an Israeli: Immigrants from the Former Soviet Union in Israel // The Journal of Israeli History, Vol. 27, № 1, March 2008.

Lissak M., Leshem E. The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration // Israel Affairs. Vol. 2, № 2, 1995.

Markowitz F. Israelis with a Russian Accent // Jewish Journal of Sociology. Vol. 35. № 2. December 1993.

Mars G., Altman Y. The Cultural Bases of Soviet Georgian's Secondary Economy // Soviet Studies. V. XXXV, № 2. October 1983.

Parsons R. National Integration in Soviet Georgia // Soviet Studies, vol. XXXIV, № 4, October 1982.

Redlih S. Jewish Appeal in USSR // Soviet Jewish Affairs. V. 4. 1994, № 2.

Reich B., Dropkin N., Meyrav W. Soviet Jewish Immigration and the 1992 Israeli Knesset Elections // Middle East Journal. Vol. 47, № 3, 1993.

Remennick L. Language Acquisition, Ethnicity and Social Integration among Former Soviet Immigrants of the 1990's in Israel // Ethnic and Racial Studies, Vol. 27, № 3, 2004.

Remennick L. Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990's in Israel // Ethnic and Migration Studies, Vol. 28, 33, 2003.

Shepherd N. Ex-Soviet Jews in Israel: Asset, Burden or Challenge? // Israel Affairs, Vol. 2, № 2, Winter 1994.

Sherman A. The Paris Meeting on Soviet Jewry // The New Leader. 10 October, 1960.

Smootha S. The Mass Immigration to Israel: A Comparison of the Failure of the Mizrahi immigrants of the 1950's with the success of the Russian immigrants of the 1990's // The Journal of Israeli History. Vol. 27, № 1, March 2008.

Tolts M. The Post-Soviet Jewish Population in Russia and the World // Jews in Russian and Eastern Europe. Vol. 1, № 52, 2004.

Toren N. National Cultures of Science. A Study of Soviet and American Immigrant Scientists in Israel – Science and Public Policy. 1984, vol. 11, № 9.

Toren N., Griffel A. Across – Cultural Examination of Scientists Perceived Importance of Work Characteristics – Social Science Research N. Y. March 1983, vol. 12, № 1.

Ya'ar E. Continuity and Change in Israeli Society: The Test of the Melting Pot // Israel Affairs, Vol. 10, № 2, Summer 2005.

Zand M. The Reparation of Soviet Jews to Israel. // Soviet Jewry Today, 1971, vol. 1, № 1, November.

Интернет-ресурсы

Бен Яков Х. Израиль и диаспора 70 лет спустя после принятия Закона о возвращении // Institute for Euro-Asian Jewish Studies. Eurasian Jewish (EAG) Policy Papers, № 37. July, 62020. URL: <https://institute.eajc.org/eajrp-37> (дата обращения 13.11.2021).

В Израиле все больше молодых пар предпочитают не расписываться / URL: <https://www.ltv.ru/news/2017-05-05/324760>. (дата обращения 15.09.2022).

Вот и свершилось ханукальное чудо! 30.12.2005 / URL: <https://www.isra.com/news/6144> (дата обращения 15.09.2022).

Главный раввин Ицхак Йосеф вместо извинений: Закон о возвращении необходимо изменить «ради самих гоев» // NEWSru.co.il.07.01.2020. URL: https://www.newsru.co.il/Israel/07jan2020/rabbin_003.html. (дата обращения: 13.11. 2021).

Из интервью М. Членова. У истоков еврейского движения // Полит.Ру. 14.01.2021.

Инна Шапиро. Влиться в народ, но не ценой гиюра. Еврейский обозреватель. Израиль. Март 2006, 6(121) / URL: [https://jewukr.org/observer/eo2003/page show ru.php?id=1477](https://jewukr.org/observer/eo2003/page%20show%20ru.php?id=1477). (дата обращения 15.09.2022).

Коби Нахиони. Отмена Закона о возвращении: внуки евреев готовы развалить коалицию. 04.09.2020. URL: <https://stmegi.com/opinions/post/82910/otmena-zakona-o-vozvrashchenii-vnuki-evreev-gotovy-razvalit-koalitsiyu> (дата обращения 8.10.2021).

Крючков И., Братетский А. Еврейский «захват» для Путина // Газета.Ру. 24.02.2016.

Либескинд К. Лишь треть репатриантов в 2020 года – евреи // MIGNews.com. 09.01.2021. URL: www.israeleco.com (дата обращения 05.01.2021).

Нати Т. Поправка к Закону снята с повестки дня Кнессета. URL: <https://news.israelinfo.co.il/politics/88978/Isratlinfo>. 26.08.2020 (дата обращения 10.11.2021).

Натив: долгий путь к цели // 5781 Еврейский журнал / URL: <https://jewishmagazine.ru> (дата доступа 31.05.2021)

Негалахические евреи / URL: [kartaslov.ru/карта-знаний/Негалахические евреи](http://kartaslov.ru/карта-знаний/Негалахические-евреи) (дата обращения 15.09.2022).

Простаков С. Как Шестидневная война решила «еврейский вопрос» в СССР? // URL: http://www.liveinternet.ru/USERS/5393901/post_416471881.

Раввин Авишай Мизрахи: «негалахические евреи» – это наши братья и часть Израйля / 04.06.2020. URL: <https://madan.org.il/ru/news/ravin-avishay-mizhari-negalahichskie-evrei-eto-nashi-bratya-i-chast-izrailya> (дата обращения 25.06.2022).

«Смешанные» семьи празднуют Песах. 10.04.2008 / URL: <https://machanaim.livejournal.com/173007.html> (дата обращения 15.09.2022).

Страсти вокруг «Закона о возвращении». 16 августа 2007. URL: <https://meast-ru.livejournal.com/1215042.html> (дата обращения 15.09.2022).

Ханин В. (Зеэв). Израиль: к новому витку дискуссии об изменении ЗОВ. URL: www.iimes.ru. Институт Ближнего Востока. 23.04.2014. (дата обращения: 10.11.2021).

Цена советского ВУЗа при эмиграции URL: <http://oadam.livejournal.com/195311.html> (дата обращения: 01.02.2019).

Штерн Борис. «Страсти вокруг «Закона о возвращении»: БАГАЦ расширяет, сионисты недовольны, НДИ: «сузить не дадим». 05.09.2021. URL: <https://www.9tv.co.il/item/33864> (дата обращения: 8.10.2021).

Jerusalem Post. 1964, 31 December; 1965, 3 January. Архив Еврейского телеграфного агентства: URL: <http://archive.jta.org> (дата обращения: 08.10.2021).

<http://knesset.gov.il>

<http://www.archives.gov.il>

<http://www.mfa.gov.il/MFA>

<http://www.strana.co.il>

<http://www.state.gov>

SUMMARY

The monograph «Essays on the History of Jewish Emigration from the USSR/CIS to Israel (1960–1990's)» is a comprehensive research of the national policy of Soviet leadership towards the Soviet Jews, the problem of anti-Semitism, the struggle of Soviet Jews against discrimination and for departure to Israel. The author analyzes a wide range of official documents and scientific materials in order to describe the evolution of Soviet emigratory policy; all forms of protests of Soviet Jews and the reaction of the leadership.

Considerable attention is paid to the support of the Soviet Jews from the Jewish organization all over the world. The author considers the peculiarities and the distinctive features of two «waves» of immigrants to Israel in 1970's and 1990's; the problems of their adaptation in Israel and the creation of so-called Russian Israel.

The monograph is recommended to various specialists: historians, political scientists, sociologists and many others.

ОБ АВТОРЕ

Масюкова Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. Основные направления исследований: история Государства Израиль (с 1948 г.), еврейская эмиграция из СССР/СНГ в Израиль, особенности развития современного израильского общества в XXI веке, история отечественного израилюведения. Автор многочисленных научных публикаций по этой проблематике в коллективных монографиях, сборниках статей, научных журналах и периодических изданиях. На протяжении многих лет Масюкова И. В. принимает активное участие в научных международных конгрессах и конференциях как в России, так и за рубежом (США, Израиль).

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Masyukova is a candidate of historical sciences, a senior researcher at the Department of Israel and Jewish Communities Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Main fields of research: history of Israel (since 1948), Jewish emigration from USSR/CIS to Israel, peculiarities of development of modern Israeli society in the 21st century, history of Russian Jewish studies. She is the author of numerous scholarly publications on these issues in collective monographs, collections of articles, academic journals and periodicals. For many years, I. V. Masyukova has taken an active part in scientific international congresses and conferences both in Russia and abroad (USA, Israel).

Научное издание

Масюкова Ирина Викторовна

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ИЗ СССР/СНГ В ИЗРАИЛЬ (1960–1990-е гг.)**

Монография

Редактор *И. С. Батышев*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректор *И. Н. Козарезова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 28.11.2022 г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 3492

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru